

№ 12

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Мансур ВЕКИЛОВ. Экрам МЕЛИКОВ. Светлана КУРОЧКИНА.
Юрий МАМЕДОВ. Азэр ЭФЕНДИ. Сергей ШАУЛОВ. Назир РУСТАМ.
ZAUR. Алина ТАЛЫБОВА

3

ПРОЗА

Таир АЛИ. <i>Мирза Халил и Борхес. Повесть</i>	22
Ляман БАГИРОВА. <i>Рассказы</i>	68

ПОЭЗИЯ

ZAUR. <i>Стихи</i>	54
Марат ШАФИЕВ. <i>Стихи</i>	57
ЛАЧИН. <i>Стихи</i>	58
Сиявуш МАМЕДЗАДЕ. <i>Стихи</i>	106
Нилуфер ШИХЛЫ. <i>Стихи</i>	116
Наталья ВОРОНИНА. <i>Стихи</i>	128

ПУБЛИЦИСТИКА

Эмиль АГАЕВ. <i>Кайф от негатива</i>	18
Фиридун ШУШИНСКИЙ. <i>Наше духовное богатство</i>	59
Аслан КЯНАН. <i>Хранитель традиций мугама</i>	62
Елизавета КАСУМОВА. <i>Выбор</i>	101
Александр ХАКИМОВ. <i>С днем рождения, белый свет!</i>	107
Ялчин АЛИ-ЗАДЕ. <i>Цветы на снегу</i>	120
Елизавета КАСУМОВА <i>Чужое горе – как свое</i>	124

2015

Содержание журнала за 2015 год

129

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Литсотрудники	– Диляра БАБАЗАДЕ, Егана МУСТАФАЕВА
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Эмиль АГАЕВ, Кямаля АГАЕВА, Гюльрух АЛИБЕЙЛИ, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелалия ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Максуд ИБРАГИМБЕКОВ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Сиявуш МАМЕДЗАДЕ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики

Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz@box.az

Тел: 493-75-81

Подписано в печать 20.11.2015г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

*Ранее опубликованные произведения редакцией
не рассматриваются*

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

МАНСУР ВЕКИЛОВ

Из цикла «Литературные портреты»

* * *

...Кто в петле, кто в горячке
на нарах тюремных,
Кто – нашарив в отчаянье чуткий курок,
Вы покинули мир этот банный и бренный,
Оборвав обозначенный срок.

Мандельштам, Маяковский, Есенин –
В каждом имени чудится струнная дрожь.
Благодарствуйте, вольные тени,
Вы бесплотны теперь – ну и что ж?

Вы в сердцах наших чисто звените,
Словно, падая с круч, молодая вода,
Словно жаворонок в зените!
До свиданья, мой друг,
Альвида...¹

ЭКРАМ МЕЛИКОВ

Монолог поэта

Я вношу последнюю плату
За себя. А кругом – стыть...
Люди радуются и плачут.
Людям – жить!..

Скоро, скоро уже за борт я...
Как вечно движение дней,
Отмечающее заботы
И столетние даты вождей!..

Но в конце, обделенный Судьбою,
Я замечу ей свысока:
– Мне не жалко прощаться с тобою!..
Жалко –
губы, закаты, стога...

---

¹ Альвида (азерб.) – Прощай.

СВЕТЛАНА КУРОЧКИНА

Повесть об актрисе

(Отрывок)

«...Почти через десять лет Фатьма вновь ступила на бакинскую землю, но уже в качестве гастролерши Оперного театра. Она проработала здесь сезон 1923-1924 гг. Тогда Бакинский театр, руководимый опытным и знающим Амираго, был весьма сложным по своему составу: в одном театре, на едином государственном бюджете находились национальная азербайджанская опера, русская опера и оперетта, а хор, балет и оркестр были общими для всех трупп. Музикальный театр Азербайджана находился на подъеме своего развития. Здесь в роли Меджнуны выходил на сцену неповторимый Сарабский, в начале своего творческого пути находились будущие знаменитости – Бюль-Бюль и Шовкет-ханум Мамедова. Режиссерскую работу талантливо осуществлял Н.Н.Боголюбов.

В гастрольной программе Мухтаровой были «Кармен», «Аида», «Царская невеста». Здесь впервые была осуществлена постановка оперы Сен-Санса «Самсон и Далила» в режиссуре Н.Н.Боголюбова и моего деда А.Малинина. Этот спектакль сразу стал очень популярным у зрителей, на него невозможно было попасть: слишком много было желающих его увидеть, и число их не уменьшалось, а наоборот...

Именно на премьере этого спектакля произошел случай, который впоследствии вспоминал Мамед-Эмин Шекинский, в те годы начальник бакинской милиции. На премьеру оперы «Самсон и Далила» он попал по приглашению своего приятеля, главного администратора театра. Во время второго акта, когда на сцене происходило соблазнение Самсона, Шекинский почувствовал, как его кто-то трогает сзади за плечо. Обернувшись, он увидел взъяренного главного администратора, который попросил его пройти за кулисы и помочь образумить зри-

Фатьма Мухтарова в роли Далилы

¹ Фатьма Мухтарова – знаменитая азербайджанская оперная певица-самородок, вышедшая из социальных низов и приобретшая международную известность, бабушка автора книги

теля, желающего во что бы то ни стало выйти на сцену. Когда Шекинский прошел за кулисы, то увидел там невысокого светловолосого мужчину в крайне возбужденном состоянии. Всем, кто пытался его удержать, он громко говорил: «Вы ничего не понимаете, какая это красота, такую женщину нужно носить на руках!..» В это время закончилось второе действие, и Фатьяма оказалась за кулисами, как раз в том месте, где происходила разборка с чересчур эмоциональным зрителем. На глазах у обслуживающего персонала этот мужчина подхватил на руки актрису и понес ее в грим-уборную.

Через несколько дней Шекинскому надо было по делам встретиться с редактором газеты «Бакинский рабочий» Петром Чагиным. Когда Шекинский вошел в кабинет Чагина, то увидел у него того самого человека, с которым ему пришлось иметь дело в театре, на премьере. А Чагин, повернувшись к Шекинскому, сказал, указывая на незнакомца: «Разрешите представить вам известного русского поэта Сергея Есенина».

Теперь, когда я иногда перечитываю знаменитый есенинский цикл «Персидские мотивы», то меня посещает мысль о том, что в бакинских впечатлениях поэта, возможно, сыграла свою роль и Мухтарова-Далила, моя бабушка Фатьяма...

ЮРИЙ МАМЕДОВ

Посвящение Поэту

«Я радостно мужал
Для исполинских дел,
Каких никто другой
Исполнить не сумел,
Но столько встретил я
Бессмысленных преград,
Что жизни стал своей
И замыслам не рад».

Атааллах АРРАНИ

Сергей Есенин... Золотоволосое дитя русских полей и дубрав... Тебе бы жаворонком петь во ржи в светозарный полдень наступающего завтра, засевать тучную землю благороднейшими зернами надежд и собирать урожай обещанной любви ко всему существу, чем одарила нас Мать-Природа, окрыляя нивы своей песней во время благодатного сева, как это делал Роберт Бернс (тоже крестьянский сын). Но – увы, увы... Судьба! Эта прародительница наших радостей и печалей поскупилась осчастливить тебя хотя бы на время первых заморозков еще не наступившей осени, до первого листопада в багровом лесу, так любимом тобой. И вместо зеленой тропы, увитой луговыми цветами, начала стелить тебе под ноги бетон и асфальт, убегающие куда-то под накипь бесноватых волн чуждого и непонятного тебе моря городской жизни. И хотя корабль мысли твоей был крепок и упруг, как и молодая плоть твоя, тебе все же не хватило ни изворотливости, ни одиссеева хитроумия, чтобы обойти коварные рифы сирен и благополучно вернуться на свою Итаку... Но ты, родившийся с душою странника, успел объять необъятное, воистину вместив в себя оба мира, как твой старший собрат, многострадальный Насими. И, продолжая скитаться на разбегающихся, разлетающихся путях столетий, ты – как это ни удивительно – все ближе и родней становишься нам, еще живущим в некогда так знакомой тебе равнинности вечного пространства. Не потому ли, что душа твоя продолжает незримо парить среди любящих тебя сердец?.. Это они в ностальгических песнях убаюкивают, уговаривают беспокойную память не тревожиться о тебе, ибо кажущееся отсутствие твое – всего лишь легкий сон утомленного поисками воображения, которому не всегда удается спспевать за трепетным шелестом страниц, навсегда сохранивших тепло твоей руки и нотную вязь твоих дивных стихотворений...

АЗЕР ЭФЕНДИ

Сергею Есенину

От себя никуда не денешься!
От себя никуда не уйдёшь!
Если даже в броню оденешься,
Где ж на сердце управу найдёшь?!

Было всё... ну, была милиция,
Был кабак и была любовь...
Эх! Холодной водицей умыться бы,
Остудить сумасшедшую кровь!..

Тесно сердцу! Вся Русь в одночасье
Голосит в нём на все голоса!..
Захмелеть от такого причастья –
Всё равно, что нырнуть в небеса...

Вон как синью глаза густеют,
И головушка всё золотей...
Вечер. Сумерки. Поле пустеет...
Ах, как сладко рыдать без затей!..

СЕРГЕЙ ШАУЛОВ

Прощальное эхо *Сон*

Давно прокричал муэдзин, в России, должно быть, отзвонили к заутрене колокола, а я что-то нынче заспался...

Сняться мне гастроли Муслима Магомаева в Таллине; чёрно-белое сменяют цветные видения... неповторимый голос плещет волнами Каспия со сцены сельского клуба в Рязанской области (разве баритон такого уровня выступал на сельских площадках?); в сквознячках душистого разноцветья зал взрываются овациями; «щёлкают» мобилы (откуда им взяться в те беззаботные банкетные времена моей молодости?); самых отчаянных влечёт на сцену для селфи; крупным планом лицо: какое безграничное обаяние...

На излёте сна, как прощальное эхо, звучит:

И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ...¹

Я просыпаюсь. Череда мыслей продолжается наяву. Во сне ведь как: картинки идут своим чередом, фиксация несоответствий и казусов – своим. Так вот, в репертуар² Магомаева не входила песня «Отговорила роща золотая». Из залежей памяти – золотого её фонда – слышится задушевное многоголосье ансамбля «Орэра»!

Что-то толкает меня достать с полки юбилейный (1985 год издания) сборничек сти-

¹Какое слово напрашивается на место отточия?

² На стихи Есенина исполнялись песни «Королева» и «Прощай, Баку!..»

хотоврений и поэм Сергея Есенина. Нахожу искомое...

Не может быть... «Уж не жалеют больше ни о **ком**» (в моей памяти «ни о **чём**»). И сразу со второй строфы, как гром с неба: «**КОГО ЖАЛЕТЬ?**»

Она лежала на боку недалеко от высокой чинары. Рыжая. Бездыханная. В своре поселковых приблудных собак она настойчивее иных требовала к себе внимания, ласки. По утрам я выходил на прогулку. Завидев меня, она, радостная, увязывалась за мной полно-правной подружкой. На обратном пути я присаживался на скамью под чинарой. Она вклинивалась меж моих коленок, задирала голову и внимательно смотрела в глаза. Таких длинных ресниц, как у неё, у других собак я не видел. Время, когда вынашивались строки о рыжей собаке, близилось к новолунию. Месяц на ночном небе казался мне рыжей ресничкой.

15-ое; 18-ое; 24-ое; 27-ое; 31-ое августа.

Даты теснятся, выстраиваются в небесный ряд. В эти дни я узнавал о кончине – более чем – знакомых. Такой частоты утрат в своей жизни я не припомню. В скорбной четреде есть и прощальная дата с подружкой моей – рыжей собакой.

Сон¹, вобрав печаль грядущего, обрачивается вещим...

Второго сентября раздался телефонный звонок (после взаимных поклонов и приветствий):

– Сергей, готовится есенинский альманах, о Есенине есть что-нибудь?

– Да нет! Ничего! Хотя, погодите... разве что... сон... Кстати, перечитываю ваше стихотворение²...

Звонок прервал на строчке «не созвониться по мобильному...» «Не созвониться... созвониться...» – невольное эхо в голове. Голос (будто сверху):

– Мне приятно! Но как насчёт Есенина?

– После трёх лет перерыва в писательстве... поднять сон текстуально? Тем более, осмыслить... увольте!

– Не торопитесь отказываться! Год 120-летия со дня рождения и 90-летия со дня смерти Есенина. Вы подумайте!

Балкон; чай, сигарета; мерцают абшеронские звёзды...

Космос девственно чист.
Ни вздоха,
Ни печали не знают миры.
Тихо как. Одиноко.
Только льют золотые дожди...

Что-то напоминает. Какая-то знакомая интонация. Ба! Мысль, словно гостья...

Ночь морозная.
Тих покой перекрёстка.
Я один у окошка,
Ни гости, ни друга не жду.

Магия поэмы «Чёрный человек»! Неотразимое воздействие. Неизбежное, неминуемое притяжение есенинской интонации и образов в некоторые свои строфы и сны.

¹ Приснился 14 авг.

² Стихотворение Алины Талыбовой «Баку» (классика!)

Одолевают думы о сновидении, наводят дрёму... вклинивается явь. На экране «всепогодного» телевизора Варвара Визбор:

– А зима будет большая... Солнце брызнет по весне...

Очарованный голосом и поэзией, кинулся в утробу книжного шкафа к сборнику Юрия Визбора «Я сердце оставил в синих горах» искать песенный стих. Зарылся во вторые ряды... о, знакомый корешок под берёзу. Само провидение? Сергей Есенин, том первый. Нашёлся! К двум осиротелым томам 1970 года издания. Мамины учительские закладки. Открываю наугад... карандашом подчёркнуто:

*И зверьё, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.*

Именно эти строки настигли меня под чинарой в тот день – прощальный, стремительно **отлетающий, как эхо от границы яви и сна**.

На следующей странице... «ушибся» о словосочетание «пред сонном уходящим». Не тождественно ли «череде утрат»...

Пронзает мысль: сегодня месяц, как не стало рыжей собаки. В голове «туман» от курева, недосыпания... сердечко...

Корвалол; диван; дремота...

Можно ли рассматривать сон как некий **посыл (месидж) мироздания**, закодированный в контрастных и ярких картинках?

Постигая смысл сновидения, в помощь себе выстраиваю цепочку:

Песня – стихи Есенина – Магомаев в Рязанской области.

Падучей звездой мысль высвечивает: Есенин-то – уроженец Рязанской губернии. Есть! Следуем далее...

Почему «сольник» не, скажем, в Курске, не в самой Рязани (областных центрах), а в сокрытом (аки под полуприкрытыми веками Морфея) загадочном селе?

Мысль блуждает в потёмках сознания, будто «курсор» в тусклом мерцании «куполообразного монитора». Проблеск... ещё проблеск...

Ба! Мысль-вспышка освещает село Константиново – родину «берёзового ситца», где так манит шляться босиком. Невероятно! Место рождения поэта. **НАЧАЛО** жизни и судьбы...

Абшеронское небо;
балкон, как намоленное «окошко» догадок и озарений.
Чёрно-белое начало сновидения...

Почему не Рига, не Вильнюс, а Таллин? Что связывает меня с этим городом? В Латвии, Литве не был. Посетили с М. (супругой) единственный раз Таллин...

Столица Эстонии началась для нас с купейного вагона. На проводнице чёрная выутюженная форма, кокетливо смещена пилотка (М. говорит – навкось), белоснежные воротничок, манжеты, улыбка... Настроение нарастает! На купейном столике кружевная салфетка, в вазочке букетик – трогательный, как с горчинкой озон близкой осени. О, постель заправлена (не надо раскатывать матрацы, самим заправлять), простыни накрахмалены до снежной голубизны без хруста. Настроение на грани блаженства! В туалете... белый рулончик («утренняя радость»), розовое мыло, чистота... Мы в сильном смущении: в тот ли вагон, в то ли время попали? На календаре 1983 год.

Балкон; чай... дождичек!!!

Шуршит на листьях тутовника... стихает... так быстро? Пролетело облачко... будто всплакнув, помянуло кого-то... Таллинн – Таллин – 1983 год...

Вспомнил! Бывшего своего сокурсника. Бывшего – теперь навсегда.

Жара. Конец августа. 1983-ий (отлетевший тот) год. Решено: в Таллин! Далее – в леса, к озёрам. В каком-либо пансионате достанем путёвки на месте. Поезд Баку – Москва; поезд Москва – Таллин; самолёт ТУ-134 Таллин – Москва.

Дверь открывает Хозяин!

– О, явился, бля (скорее всего, мне послышалось «тля»). Позвонить, предупредить заранее не мог? Люсь (к жене), я ж говорю, где южанин, там бенефис в шапито, балаган – никакого порядка. А это с тобой кто?

Я, конешшно, могу взреветь на «ЭТО» в отношении к своей даме, но... во-первых, виноват, свалился как снег на голову (не один); во-вторых, бык по гороскопу не я, а Хозяин (студенческий псевдоним сокурсника); в-третьих, первую ночь в Таллине, не добыв путёвок на плэнере, провели в зале аэропорта (вид на то ли озеро, то ли залив, белые чайки), повторить сей опыт в Москве, допустим, на Курском... нам не улыбалось.

– Супруга моя Мариша, прошу любить и жаловать!

– Ну, пардон, входите тогда.

Из окон Хозяина видна телебашня в Останкино.

Всю неделю стоит захмелевшая летне-осенней брагой погода. ВДНХ, Третьяковка, кинотеатр «Россия», ЦУМ, ГУМ – само собой. Другое дело... рюмочная... ещё раз та же рюмочная... «Я люблю этот город вязевый, пусть обрюзг он и пусть одрях...», – пульсируют в артериях эмоции Сергея Александровича (кстати, сокурсника тоже так величают).

На кухне вспоминаем былое.

Гуртожиток № 5. Фанаты (группка) запирались на общей кухне нашего пятого – небесного – этажа, врубали магнитофон на полную... акустика помещения усиливала громкость: «Но что-то кони мне попались привередливые...»

Хозяин не ломился на кухню «картопли нажарить» (бо в животе урчит).

Хозяин крыл всех и вся: долбаных сокурсников; долбанный деканат, не допускающий его высочество (или величество) к зачёту. Он был... ОН БЫЛ! Он есть и остаётся в моей памяти...

– Слушай, Сергей Александрович, как проехать на Ваганьковское?..

– На метро, до станции «Улица 1905 года».

Балкон; просо... горлинка... вспархивают пуглиевые воробышишки...

Сразу в глаза на входе... цветы. Полукругом, прямо на асфальте, в обычновенных трехлитровых банках с водой – гладиолусы! Белые, красные...

Владимир Высоцкий 1938 – 1980

Нам представлялось, что могила где-то в глубине кладбища (спрашивать надо), а она... вот – три года прошло – утопает в цветах. Стоим. Молчим. Поклонились! Что теперь, уходить? Так быстро? Глаза глядят, куда ноги ведут... Чёткую геометрию аллей сменяют кружные пути-дорожки.

Свеча!

В пределах нескольких оградок белёные домики (такое вижу впервые). В крохотное оконце одного из них видны полочки на стене, столик, лавки, вязаные крючком белые сал-

фетки, на дверке, в которую надо заметно пригнуться, чтобы войти, навесной амбарный замок. В подсвечнике на столе горит свеча...

Зонтик!

Кусты... среди множества крестов – зонтик! Скульптура клоуна. Воображаемый порыв ветра готов выхватить зонтик из рук, хрупкая фигура в изломе талии... пытается удержать... (саму жизнь?).

КЛОУН

Памяти Леонида Енгибарова

*Среди крестов, надгробий, теней
Ранимый клоун под зонтом.
Его арены отлетели,
А он такой же в мире том.*

*А он такой же в полдень, в полночь
Среди кладбищенских кустов,
Тельняшка, шляпа, «одна помочь»
И пара стёртых башмаков.*

Внезапный бисер капель с неба...

Не заметили, как вернулись на чёткую геометрию линий. Влажнеет асфальт, будто испарина выступает. Что-то краснеется там... Невольно идём на красное... Гвоздики. Мы потрясены! Не знали, что покоится здесь...

**Сергей Есенин
1895 – 1925**

Под шуршанье тутовника окраплённая память и само сновидение – шаг за шагом – привели к изножью стремительной жизни. **КОНЕЦ?**

Рядышком могилка с аршин. Галина Бениславская. На мраморной дощечке выдержка из письма... Впечатления (гладиолусы в банках – свеча – зонтик – надел размером в аршин – «мраморные строки» – барельеф поэта – цветы в бисере капель) хлынули с ресниц через край...

*На могилах поэтов не плачут.
Судорогой скучны сведя,
Тише боль! Стих за-чат
На кромке в миры небытья.*

*Гладиолусы белые, красные...
На могилах поэтов цветы.
Не хватает нам ясности,
В спазмах наши умы.*

*У ног их сердца... топчемся
По разлинованной земле.
Моросит... так и хочется
Облакам наотрез возразить:*

– На могилах поэтов не плачут!
Горше боль. Тише стих.
Бьётся пульс нам в подошвы,
так значит,
Их земля при-ня-ла
как живых.¹

Должно быть, утро; в России сейчас звонят колокола.

P.S. Почему... приснился не Георг Отс – непревзойдённый исполнитель арии «Мистер Икс» («Да, я шут, я циркач...»)? Не Ваенга («Снова курю, мама, снова... »)? А вокруг тишина...

Авиагородок; балкон...
... чай, прикуриваю... Дождь. Темень. Кричит муэдзин. (21:02)
5-ое сентября – по сей день

НАЗИР РУСТАМ

Два посвящения Сергею Есенину

* * *

Я тоску свою словом
назвать не берусь,
Боль утраты ни с чем срифмовать не рискну...
Этот мир ускользает из слабнущих рук –
Хватит, друг, лишь себя
ты сумел обмануть.

Закружили меня стих,
сбил с пути, как туман,
Тыщи слов я извел ради этой строки...
Заговаривал боль я стихом, как шаман,
И словами лечил все печали свои.

Годы, месяцы, дни –
всё смешалось в клубок.
Летом зябну, зимою сгораю дотла...
Что ни день –
пью иного цветка сладкий сок,
Заливными лугами кружка, как пчела.

Я любимых бросал...
Ну, а кто-то меня,
Оседлав, гнал по жизни, хлеща, как коня...
Не сумел я пройти мне отпущенный срок –
В два шага, посмеявшись,
догнал меня рок.

---

¹ * «На земле милее. Полно плавать в небо», С.Есенин

* * *

**...Мне бы силы – на кладбище
Землю мерзлую скрести.**

**Мне бы крепкую веревку –
Счеты с жизнью подвести.**

**Мне бы ручку и бумагу –
Записать последний стих.**

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

ZAUR

Мой Есенин

...В том году всю неделю Первый российский канал показывал сериал «Есенин». Классно сделанный фильм, роскошная игра Сергея Безрукова... Других комментариев по сему поводу не будет – я не кинокритик. И о персоне Сергея Есенина дискутировать не буду – до меня и специалистов, и умников море было...

И все же...

– Ах, Сергей Александрович, Сергей Александрович...

Прости, что на «ты»...

Мне уже 48, а ты навсегда остался молодым...

Твоя поэзия сыграла в моей жизни определяющую роль. Я еще не умел читать, а уже знал наизусть твои стихи... От деда набрался.

Дед был 14-го года рождения... Может быть, когда ты выступал в Баку, он ребенком пробирался в зал и слушал?.. Знать наверняка не могу – это всего лишь мои домыслы. Да так ли уж это важно – факт остается фактом: твое творчество мой дед обожал. На всех семейных торжествах он вставал и читал «Стихи о рыжей дворняге» и «Грубым дается радость». Я слушал, затаив дыхание...

Потом по-детски баловался – перевирал и коверкал строчки...

Став старше, прочел другие стихи и поэмы. Специально не учил – запоминал легко... В школьные годы – декламировал со сцены актового зала, в институтские – читал девушкам на бульваре. В том числе и тем, кому читать не стоило... (Э-эх-х – все мы задним умом крепки...) В этом мы с тобой похожи. Как там у тебя?..

*И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтрему все заживет».*

Многие удивляются, как во мне сочетаются такие качества, как доброта с романтизмом и цинизм с грубоостью – думаю, в этом мы прямо близнецы...

*...Но коль черти в душе гнездились –
Значит, ангелы жили в ней...*

На этом сходство заканчивается – я не пью, скандалю гораздо реже, ну, и главное – напрочь лишен поэтического таланта. И слава богу, а то найдутся доброхоты – заподозрят меня в мании величия...

*Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам...*

Низкий, земной тебе, Сергей Александрович, поклон за талантище, а моему деду, Бабаеву Идрису Аскеровичу – огромное спасибо за то, что привил мне любовь к твоим стихам, да и к литературе вообще, научив жалеть и любить, мыслить и со-страдать.

Иначе был бы я только грубым, циничным – правда, и «радостным»:

*Грубым дается радость,
Нежным дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль...*

И эти строчки – уж точно про меня...

АЛИНА ТАЛЫБОВА

Баллада о гостинице «Англетер»

*...Не мистер, не Твистер,
не бывший министр,
ни сном, ни духом
не миллионер –
но под воскресенье
С.А.Есенин
заехал в гостиницу
«Англетер».*

**Уже был он громким –
скандально иечно,
и к горлу стихи подступали
невмочь,
и черные люди
к нему бессердечно
уже заваливались
за полнбочь.**

**Уже ледяные
безлистые клены,
за руки взявшись,
шли на Москву...
А к горлу вставало
темно-зеленое,
лицом похожее
на тоску.**

Уже оставалась
какая-то мелочь
из сдачи истраченных
начисто лет...
А нынче
какая-то липкая сволочь
настырно тянула
в буфет.

По плечику хлопала:
«Друг!.. Сережа!..»
Вечер. Номер пустой.
Окно. Подоконник.
И вздрог по коже:
– Такой молодой,
такой...

Что там, за креслом?..
Опять почудилось –
выступит сквозь метель
город иной,
где колышут улицы
пыльных инжиров тень.

Зов с минаретов –
гортанный, страстный,
мационников крики с утра...
Море, как я,
бирюзовоглазое
шепчет:
«Жара, жара...»

Холодно.
Полночь играет
краплеными,
постель заметает снег...
И – потянулась, дрожа,
царапина
через двадцатый век.

...Помню: вползало
белесое утро
в проем
англете́ровских штор.
А за дверями крепчал
поминутно
неслышний,
но стройный хор.

Врезая ножом
коридорную тьму
и забиваясь
под мертвые веки:

**«Проведите,
проводите же нас
к нему –
мы хотим видеть
этого человека!..»**

Посмертное фото С.Есенина декабрь 1925-го, гостиница «Англетер»

**Дорожки ковровые
в кашу смяв
подошвами ботиков
и ботинок,
ладошками взмокши,
почуяv смак,
шпики, студентки,
халдеи трактирные –**

**Впрягшись в один
любопытства хомут,
скважины жадно
ища заветной:
«Пропустите,
пропустите же нас
к нему –
мы хотим видеть
этого человека!..»**

**Зрачками щупать
лицо нежилое,
пальцы влагать
в разоренную грудь,
 занявши места
под Голгофой чужою,
 ноздрями сладкую
 смерть тянуть...**

**Месиво шапок,
зонтиков, муфт,
Пушкин бронзовых слёз
не прячет...
(Перемахнувши
столетний люфт,
быть там нам братьями –
не иначе...)**

**Текут и текут
вдоль Москвы
имяреки,
шепчутся,
что – судьба...
И почему так ведется
от века –
любить не людей,
а гроба?..**

**И посткриптуом
стольких мук:
выстрел на кладбище –
хрустнувшей веткой:
«Бог, пропустите меня
к нему –
тело звенит
опустевшей клеткой.**

**Я ему так –
ни жена, ни вдова,
но должен же кто-то и там,
в самом деле,
вести учет счетам
и стихам,
светить ему,
чтоб не споткнулся
в небе...»**

**...А время сквозит
в березы и клены,
крылья раскинув
в Нью-Йорк и Рязань.
И юбилеи ко мне
благосклонны,
и не забыл меня
мой Хорасан.**

**Но посчитавши
жизнь мою пресной,
щелкая зубьями,
словно волк,
снова топочется
желтая пресса**

над потускнелой
моей головой

Вновь колупают
могильный камень...
Красные рты
сладострастно-длинны.
Тычут прицелами
кинокамер
и вертухаем
лезут в штаны...

Но, отрекаясь
от благостной кротости,
выхлестнув
лунного света
стакан,
вновь ускользну
от бесовской охоты,
от лая чатов
и инстаграмм!..

И адресуя их
к энной матери
(что хулигану
ваш политес?..),
дыры оставивши
в хрестоматиях,
и без работы
орду критикесс, –

Космических вёрст
утопая в снегу,
и оскользаясь
по крошке льдистой –
в Персию выдуманную
сбегу,
сгину в мареве
золотистом!..

И только ветер
листья сквозь тьму
швыряет в лицо
двадцать первому веку...
И эхом доносится:
«... нас... к нему...
Мы хотим видеть
этого человека!..»

ЭМИЛЬ АГАЕВ

КАЙФ ОТ НЕГАТИВА

Воскресное чтение

Каждому времени свои песни. Помните, из репертуара Утесова:

*Всё хорошо, прекрасная маркиза,
Дела идут, и жизнь легка.
Ни одного печального сюрприза,
За исключеньем пустяка!..
Так... ерунда... пустое дело...
Кобыла ваша околела*

Ну, а сейчас? Вместо попыток как-то, пусть и бестолково, приукрасить реальное состояние дел («а в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо»; что, к слову, соответствовало существовавшим в советские времена припискам!) на первом плане, наоборот, ужасные «пустяки», вроде оклеветанной коровы, сгоревшей конюшни, дома, и даже в вещах хороших ищут что-то НЕ ТО... «Хорошо то хорошо, да ничего хорошего» – вот, я бы сказал, песня нашего времени («сплошной компромат», как выразился один мой знакомый).

И речь ведь не о тех, кто, сидя на лавочке перед домом, перемывают косточки соседям – это было всегда, речь о нынешнем настроении людей, общества в целом. О как бы заданном наперед, на все случаи жизни недовольстве, критическом настрое – буквально НА ВСЕ.

Вот они – дети министров!

Вот присудили Нобелевскую премию в области литературы русскоязычной писательнице-белоруске Светлане Алексиевич, известной еще с советских времен протягивающей книгой «У войны не женское лицо». И – тут же пошли разговоры: мол, а что – Лукашенко выпустил политзаключенных, вот Запад белорусов и зауважал! А то, что Алексиевич выдвигалась кандидатом на «нобелевку» еще э-э когда – не в счет...

Или вот дал наш сайт информацию – «Армен Джигарханян о своей дружбе с дочерью азербайджанского министра». Напомню: В преддверии своего 80-летия народный артист СССР Армен Борисович Джигарханян дал интервью «Российской газете», в котором неожиданно рассказал о своей многолетней дружбе с дочерью министра здравоохранения Азербайджана Октая Ширалиева – Нарой Ширалиевой.

«Я армянин, и у меня есть совершенно дивные, дружеские отношения с азербайджанцами. Моя многолетняя подруга, ведущая на канале «Культура» Нара Ширалиева, – азербайджанка», – сказал артист.

И что же? Что тут плохого?! Это же замечательно – у великого русского актера армянского происхождения, у замечательного человека мира искусства, мастера своего дела, маэстро «есть совершенно дивные, дружеские отношения с азербайджанцами»! Этому можно только радоваться. И Армена Джигарханяна, к слову, любят и знают в Азербайджане – это нормально!

Да хорошо и то, что среди немногих азербайджанцев, пробившихся на российское ТВ, есть не только далекая от своих национальных корней, беспринципная функционерка Ирада Зейналова, есть вот и Нара Ширилиева, ведущая не на правительственном канале «Время», а на одном из самых популярных, интересных, самых интеллигентных российских каналов – «Культура»!

Да. Все это хорошо, но...ничего хорошего! Читаю отклики в социальных сетях. И что же? Да вот – кто-то кривится, морщит нос – вот они, дескать, дети министров! чего от них ждать?! Кто-то с упреком – мол, нашла с кем дружить – с армянином! А кто-то и вовсе пустился в грязные толкованиями слова «дружить», с намеками...на нечто ЭДАКОЕ.

(Как видно, слышали, что у Джигарханяна сложно сложилась личная жизнь, и одна 36-летняя актриса, давно влюбленная в этого великого актера и человека, взяла на себя заботу о нем....Как говорится, слышали звон, да не знают, где он!).

Незамеченная победа

Или – пример из совершенно другой области. Футбола. То, что азербайджанский футбол плох – известно. Об этом только и пишут (писал и автор этих строк). Все это так. Но это ведь не значит, что ЗА НАШИХ – какие они есть! – не следует болеть вообще. Тем более, что отдельные наши клубы воюют уже на европейском, на международном уровнях. И, представьте, иной раз – небезуспешно!

Вот произошло невероятное, как выразился в обзоре футбольной недели один российский комментатор – команда «Гарабах» – надо же! – обыграла знаменитый «Андерлехт»! Правда, у себя на поле, дома, но...Успех? Конечно, да еще какой!

Трибуны стадиона, как положено, поликовали, поликовали, но...Тем все и кончилось. Что-то не заметил я на следующий день – ладно, пусть даже не машин с болельщиками, мчащихся по городу с развевающимися национальными флагами, как это было, когда Турция выбилась в призеры мирового чемпионата. Не увидел я элементарных, должных в таких случаях комментариев в наших СМИ. Информация – выиграли, и только!

(Если не считать информацию про то, как бельгийские болельщики, раздосадованые итогом матча, устроили драку на нашем стадионе).

А тут, буквально через пару дней, еще одна, тоже в своем роде сенсация, связанная...с тем же клубом. Не согласившись с решением судьи в матче уже нашего чемпионата, Гурбан Гурбанов, тренер «Гарабаха», которому, на мой взгляд, в подметки не годятся иные высокооплачиваемые зарубежные тренера азербайджанских команд, сделал то, чего не делал, если я не ошибаюсь, еще никто в мировом футболе. А именно, проявив джентльменство, он...отказался от гола в пользу своей команды: футболист «Гарабаха» по его указанию нарочно пробил...выше ворот!

И что же? Тут бы газете, давшей эту информацию (даже с видеокадрами ошибок судьи матча – «Гарабах»-«Интер») – дать волю журналистскому перу, превратив это в «шок-информацию», как принято называть все такое. Однако, опять же, ничего не произошло.

А что делать! Добрые дела, хорошие поступки и даже наши победы проходят, как это ни удивительно, как-то незаметно – для нас самих...Нам бы – про что-нибудь ужасное, недоброе, злое. Про...ПОРАЖЕНИЯ? Выходит, так!

Кайф от негатива

Да, выходит, мы не можем иначе. Купаемся в кайфе, в «НЕГЕ» негатива (позволю себе такой абсурдный обыгрыш!)...Отвлекаясь, находя в этом, еще и...своего рода самоутешение, оправдание другим неудачам? Может, и так.

Вечер. Поел-попил. Вперился в телевизор (компьютер). Вокруг тебя, нельзя сказать, чтобы тиши да гладь, да божья благодать. Так ведь где-то кому-то куда хуже! Вон там, глянь, после цунами дома без крыш. А там, глянь, груды металла вместо машины или самолета – еще одна катастрофа! А вот – опять! – взрыв в мечети. А тут – и вовсе ужас! – отснятая на камеру казнь, кому-то прямо сейчас отсекут голову (и не мечом, чтоб враз, а ножом, чтоб побольнее!); сюжет, правда, обрывается «на самом интересном месте», а...Черт возьми, посмотреть бы дальше!

Хлеба и зрелиц? Да. Но никогда не было это так вот – сплошной лавиной! Да еще так наглядно зrimо (только нажми кнопку компьютера!). Это тебе не помост былых времен с публичной казнью, не стадион с битвой гладиаторов – интернет на весь белый свет. Смотри, наслаждайся! Если хочешь, черкни пару строк коммента – чтобы огласить при сем ристалище свое личное присутствие!

И, что самое любопытное, прекрасно понимаем, что ТАК НЕЛЬЗЯ, знаем, ЭТО ПЛОХО – видеть все в черном свете, в кривом зеркале. Но, черт возьми, нам все это ЛЮБОПЫТНО, а каналу, который это показывает – ему бы рейтинг поднять, получить рекламу...

Свобода или послушание?

Да, мы оказались как бы между двух огней – между новоявленной свободой, за которой «управляемый» хаос, и все еще не забытым послушанием, управляемостью, порядком прежних времен.

И нашей оппозиции (да и скрытой внутри нас, чисто психологической «оппозиционности» – если можно так назвать нынешнее недовольство всем и вся!) недостает – я не открою Америки – понимания нашего отличия от Запада с его всеобъемлющим (а потому не до конца ясным для нас – да и только ли нас? – в каждом конкретном случае) словом – ДЕМОКРАТИЯ.

Тот же Запад ведь шел к нему веками, накладывая на него свой исторический опыт, свои экономические успехи, правовую базу, да что там – и свою (христианскую) религию, в основе которой индивидуальное, присущее каждому человеку стремление к тому, что и стало в западном мире культом – успеху, личному успеху.

Но вот ведь и у нас есть – такое же, естественное для человека, стремление. Хотя и, скажем так, в другом обличье.

Культура культа

Да, позволю себе такую парадоксальную мысль. Казалось бы, где культ, где культура... Культура – куда ни шло, может быть культовой (фанаты, мода), но чтобы культ был...культурой? С чего вдруг?

А вместе с тем куль-то может быть разным – принудительным, официозным, слепым, основанным на страхе, навязываемым сверху (то, как мы это обычно понимаем), а может быть...искренним, идущим снизу. ДОБРОВОЛЬНЫМ, скажем так.

Можно ли его в таком случае называть по-прежнему словом «культ», с негативным со времен Хрущева подтекстом, или это уже что-то из области не столько политической, общественно-социальной, сколько – моральной, нравственной? Громко говоря, это уже не культ –любовь!

Пафосно? Может быть. Но не этого ли мы как раз и боимся – показаться излишне восторженными, глупыми, несовременными, прячась в модную ныне бесцеремонную, а то и извращенную ironию, потешаясь над всем, отыскивая даже в хорошем (не называть же его хорошим? засмеют!) плохое, а в плохом ухитриться увидеть нечто вроде бы как хорошее...Ну, и, разумеется, отпустить при этом на волю зверя Глазения, за которым – вы-

сматривание добычи, дабы, выбрав момент, поймать, схватить...

Я не зря говорю – «мы». Сам замечал за собой, что, когда смотрю любимый мой канал – «Nat Geo», про мир животных, во мне пробуждается какой-то дикий азарт при виде того, как лев догоняет какую-нибудь жалкую зебру, впивается ей в горло!

(То ли старая добрая передача «В мире животных», помните – впрочем, она есть и сейчас – где мы видим красоту нетронутой природы, милых, добрых зверушек... Вот она, наглядно, разность цивилизаций!).

Эстафета успеха

...Что меня больше всего удивило (и порадовало) на Евроиграх. Даже не их организация в целом, не победы наших спортсменов (хотя, разумеется, и это). Меня порадовало, о чем я уже писал, то, что отовсюду – на улицах, со зданий, в подземных переходах убрали цитаты Алиевых. И сделано это было, конечно, по инициативе самого президента, который искренне и горячо любя своего великого Отца, как человек умный и высокообразованный понимает, что переизбыток цитат-памятников, возводимых рьяными служаками, способствует не возвеличению образа основателя современного Азербайджана – скорее, наоборот...

И в связи с этим не могу не вспомнить один эпизод, связанный с Гейдаром Алиевым... Кавалькада машин следует по какой-то пыльной районной дороге (дороги-то были не то, что сейчас!), как вдруг останавливается. Что такое? Глава республики, видим, направляется к женщинам, убирающим хлопок. Лето. Полдень. Жара. Хлопкоробы – простые женщины в платках от солнца, идут навстречу. Гейдар Алиевич здоровается за руку с каждой... Подходим и мы. Слушаем. Минута, две, десять, двадцать... Так это же целая речь!

Представьте, в летний полдень, в жару, с непокрытой головой первый секретарь ЦК, обливаясь потом, выступает перед десятком простых тружеников. И это-то при сумасшедше нагруженном графике – впереди районный актив, следом – зональный. Да еще – где-то в первом часу ночи, сменив за день не одну сорочку и в очередной раз приняв душу, еще с мокрыми волосами он выходит к нам, сопровождающим его в поездке журналистам, деятелям литературы и искусства, чтобы посидеть за чайным столом, послушать и нас...

О значительности личности, поразительной памяти Гейдара Алиева много написано. Но не менее поразительным было его беспредельное терпение, умение слушать (и слышать!). Я не говорю уже о фантастическом трудолюбии. Могли ли не замечать этого простые люди, встречая его везде и всюду КАК СВОЕГО, как такого же, как и они, труженика, и воспринимая сердцем его призывы – собрать больше хлопка, винограда...

...Есть замечательный фильм с Джимом Кэрри в главной роли «Всегда говори Да». Вот там как раз наглядно виден совет отвечать жизни на все ее, даже самые неожиданные, предложения – «Да!» (с надеждой на успех!). И хотя за этим – американским YES, стоит, по сути, успех индивидуальный, личная победа (над чем-то, в чем-то!), этот совет универсален!

(К слову, YES, на мой взгляд, правильнее перевести не как «Да», как это обычно делают, а как ЕСТЬ! И, смотрите, какая звуковая перекличка: «йез» – «есть»!).

И еще один совет психологов (к слову, западных!) цитирую буквально – воскресить для себя авторитеты. Да-да, авторитеты! А это означает, что не стоит горестно «застраевать в себе», видя, что у кого-то что-то получается лучше. Чей-то авторитет, образец, пример – ведь это и толчок, стимул для всех других!

Главное, да – Успех. А в одиночку, порознь, или коллективно – не суть важно. Как не важно, на какой ты ступеньке в обществе...

Не важно, наконец, и то, как ты воскликнешь в случае победы – YES или ЕСТЬ!

ТАИР АЛИ

МИРЗА ХАЛИЛ И БОРХЕС

Повесть

Как нам всем давно уж полагалось бы усвоить, наиболее точное представление о том, что такое есть душа человеческая, дает лабиринт. И чего-чего только в душе этой не таится.

Жозе Сарамаго

1

Утром 11-ого мая, в книжном пассаже, у Мирзы Халила пропал кошелек. Полез он в задний карман брюк, чтобы расплатиться за выбранную им книгу, но ничего там не нашел.

– Что еще такое? – удивился Мирза Халил, растерянно поглядев на книжного торговца.

– Может быть, в другом кармане? – спросил тот, сочувственно улыбаясь.

– О чём ты говоришь! – вспыхнул Мирза Халил и хлопнул себя по правой ягодице. – Я всегда ношу его здесь! Не могу понять, неужели увеличи?!..

Он обернулся и, глядя по сторонам, направился обратно в переулок, к канцелярскому магазину.

– Мирза, а книга?

– Ты что, не понимаешь? Кошелька нет! Стащили!

– Это ничего, деньги можно и потом...

– Да иди ты, ради бога!

– А денег в кошельке много было? – зачем-то спросил вдогонку торговец.

Но Мирза Халил его уже не слушал. Выскочил он из пассажа и быстрым шагом направился в сторону проспекта Нефтчиляр, где всего часом ранее в прекрасном расположении духа покупал у женщины пару лимонов. Майские улицы все еще пахли утренней свежестью, сладостью цветущей жимолости, бульварными акациями. Впрочем, вперемешку с этим пахло еще сырьими подъездами и переполненными мусорными баками, и горячим бензином, и свежевымытым плиточным полом гастронома на углу.

Женщины с лимонами на месте не оказалось.

Пришлось ему идти назад домой пешком. И хотя идти было недалеко – всего-то до молоканского сада, и погода была самая замечательная, какая в Баку только и бывает в мае, и спешить пенсионеру Мирзе Халилу было особенно некуда, из-за неприятнейшего происшествия с кошельком развелся он до такой степени, что уже почти у самого дома пришлось принять ему таблетку валидола и посидеть на

скамейке.

В четырехэтажном капитальном доме кроме Мирзы Халила и его пуделя жили еще кошки на чердаке, вездесущие грызуны, да в пустых квартирах иногда ночевали не то бомжи, не то наркоманы. Дома справа и слева давно уже снесли, на их месте пестрели груды недовывезенного строительного мусора, впрочем, с правой стороны уже начали копать котлован под фундамент. Рыжий экскаватор «Като» как раз этим утром оживленно тряс клыкастым ковшом, отрывая жирные куски от земли. Рядом трое рабочих в линялых комбинезонах сколачивали ограду из досок. Капитальный дом, единственным задокументированным жильцом которого упорно оставался Мирза Халил, выглядел теперь совсем обреченным и нежилым.

Покачав головой, поднялся он со скамейки и зашаркал к работающему экскаватору, с раздражением ощущая пустоту в заднем брючном кармане, где прежде находился кошелек. Обошел Мирза Халил фонтан, перешел дорогу и поравнялся с рабочими. Чтобы перекрыть монотонный рик экскаватора, пришлось ему кричать:

– Эй, глухи мотор!.. Где ваш начальник? – Рабочие переглянулись между собой, один из них, единственный, на ком была защитная пластмассовая каска канареечного цвета, подошел ближе и, сложив руки у рта, прокричал в ответ:

– Что еще, аксакал?

– Выключи эту заразу, я тебе говорю! Я себя не слышу!.. – Рабочий в каске замешкался, оглянулся назад в поисках поддержки у своих безучастных напарников. – Сейчас же! – рявкнул Мирза Халил ему в затылок. Пожав плечами, тот неохотно замахал экскаватору. «Като» конвульсивно дернулся еще несколько раз, заглох, испустив облачко черного дыма вперемешку с сажей.

– Аксакал...

– Опять копаете? На каком основании?.. Где твой начальник?

– Аксакал! Ну, сколько можно, а!.. Каждый день приходите и мешаете! Нам сказали – копай, вот мы и копаем! У нас оплата сдельная, сколько накопаем – столько и платят... Нам велено на вас внимания вообще не обращать...

– Я тебе покажу «внимания не обращать»! Сколько тебе говорить, ты копать здесь права не имеешь! Вон там – да, а здесь – нет! Как я до дома буду добираться, ты же весь проход разворотил...

– Вы же знаете не хуже меня, что это все давно уже принадлежит компании, и весь ваш дом тоже, между прочим. И разрешение есть.

– Глупости! Я свою квартиру никому не продавал! Понял? Никто отнять ее у меня не может, пока я сам не захочу. И проход до подъезда вы трогать не имеете права! Я и тебя, и твою шайку, и твою липовую компанию, и этого вашего ишака-раба, как его там зовут...

– Давуд-муаллим...

– «Муаллим»! – передразнил его Мирза Халил. – Ишак он самый настоящий, так ему и передай!

– Это вы уж как хотите. Нам сказано – копай, мы и копаем... Давай, эй! – подал рабочий знак оператору экскаватора. – Вот ведь, тоже! Ему хорошие деньги предлагаю, а он из себя строит...

Окончание его тирады перекрыл взревевший двигатель «Като», еще через мгновенье ожил ковш, нацеленный на выступающий полуостровом край котлована. Мирза Халил безнадежно махнул рукой на ухмыляющихся рабочих и стал пробираться через дебри строительного мусора и развороченного асфальта к темному подъезду

обреченного дома, в котором родился и прожил всю жизнь, по пути обратив внимание на то, что трещина, опоясывающая весь первый этаж, за утро стала еще шире.

Те времена, когда австралийский пудель, еще не так обремененный годами и букетом самых собачьих недугов, встречал Мирзу Халила в коридоре, давно уже прошли. Теперь был он почти совсем сед, страдал прогрессирующей атрофией глазной сетчатки, одышкой, дисплазией тазобедренных суставов, и еще бог знает чем. Ветеринар Володя из городского зоопарка, наблюдавший пуделя, всякий раз предлагал усыпить пса, но Мирза Халил не хотел даже слышать об этом.

Пройдя в гостиную, Мирза Халил нашел пуделя на его обычном месте, на коврике возле газового камина. Почти ослепшая собака приветственно повозила хвостом по пыльному паркету и зевнула. Миска с кормом у самого ее носа была опустошена лишь наполовину. Опустился Мирза Халил в кресло, стащил с ног туфли, расстегнул ворот рубашки.

– Вот тут лежишь себе, – сказал он, осуждающе глядя на собаку, – ни о чем не думаешь, а меня сегодня, между прочим, ограбили! Можешь себе представить, а?

Не открывая глаз, пудель сочувственно подергал кудрявыми ушами.

– Да, да! Увели кошелек среди белого дня, прямо на улице!

Пудель еще раз зевнул.

– И я точно знаю, кто! Не веришь? А больше некому! – Мирза Халил подался вперед. – Вот послушай внимательно и не перебивай: я, значит, выбираю лимоны, так? Эта женщина, будь она неладна, меня все время отвлекает своими разговорами: «Муаллим, настоящие лянкяранские лимоны, из собственного сада», – заговорил Мирза Халил с талышским акцентом. – Как будто я не вижу, что они привозные! Дура! Я в 69-ом году, между прочим, в составе следственной группы целый год только этими лянкяранскими лимонами и занимался, когда они там проворовались по расстрельной статье... Я же тебе рассказывал! Короче, она меня отвлекает все время, а рядом, помню, крутился тип какой-то. В джинсах. Вроде, тоже покупатель. Я, значит, достаю кошелек из кармана, плачу деньги, кладу кошелек на место, типчик этот как будто тоже лимоны покупать собрался, неосторожно рассыпал их, женщина ворчит, что-то говорит парню, тот собирает лимоны с тротуара, крутится у меня под ногами, задевает меня рукой, извиняется. Я ухожу...

Пудель почти беззвучно пукнул. Мирза Халил развел руками:

– Согласен, развели как последнего дурака!

Поднялся он с кресла и открыл балконную дверь. Грохот работающего экскаватора заполнил комнату. Стоя на пороге балкона, Мирза Халил продолжил свой диалог с пуделем.

– Нет, денег было немного. Хорошо, что немного! Помню, была купюра в пятьдесят манат, и пять по десятке. Купил два лимона, будь они неладны, все, вроде бы. Ну, может, еще какая-нибудь мелочь. Да не помню я уже! Черт с ними, с деньгами, пусть на лекарства потратят!.. Только портмоне жалко, недавно купил, кожаный...

Нелюбимая жена Мирзы Халила умерла лет двадцать назад от рака, оставив ему сына. К тому времени при весьма драматических обстоятельствах Мирза Халил уже успел лишиться должности следователя прокуратуры и, разобиженный, коротал свои дни на незаметной должности в архиве МВД, с которой и вышел впоследствии на пенсию. Сын вырос, закончил юрфак, но ничего, кроме облегчения по этому поводу, Мирза Халил не почувствовал. Стеснялся он, пожалуй, признаться даже самому себе, что ни любви, ни теплоты к тщедушному некрасивому отпрыску, не похожему

внешне ни на него, ни на покойную супругу, он не испытывал. Женив, пристроил сына Мирза Халил по дипломатической линии.

– Посмотри, что делают, а! Роют и роют! Так и вправду придется через яму к дому прыгать... – качая головой, вернулся Мирза Халил в комнату, неторопливо снял брюки на домашние финки, после чего прошел на кухню. Там он включил свой маленький телевизор: по ANS шли 12-часовые новости, по «Lider» – детская передача, переключил на ATV, где нашел какой-то фильм. Пока доставал он из холодильника заранее отмороженный кусок говядины и выкладывал его на разделочную доску, пудель, совершив над собой усилие, дотащился до порога кухни, где и рухнул, как подкошенный.

– Ну, и что будем готовить сегодня? – спросил Мирза Халил, обращаясь к пуделю, безучастно глядевшему на хозяина выцветшими глазами. – Потушим мясо с помидорами и зеленью? Где-то я покупал грузинские специи, если добавить – получится что-то типа харчо... мясо совсем постное... нарежем кубиками...

В дверь позвонили. Пудель повел кудрявыми ушами и приподнял мордочку. Вытерев руки тряпкой, Мирза Халил вышел в коридор.

За дверью его ждал невысокий плотный мужчина с черной папкой под мышкой. Был он гладко выбрит и очень коротко стрижен.

– Начальник, я Давуд, прораб. Рабочие сказали, ты хотел меня видеть?

– Твои рабочие – балбесы. Я хотел передать тебе, что вы не имеете права копать часть улицы до подъезда дома. А будете продолжать, я на вас управу найду!

– А я-то думал, ты хочешь со мной поговорить о деле. Думал, наконец, серьезный разговор получится. Вот и все бумаги принес, как положено, купчая, прочее! – ткнул он толстым пальцем в папку. – Прямо сейчас бы все и решили полюбовно! Взял бы деньги, деньги хорошие: хочешь, за городом дом покупай – чистый воздух, свой двор, красота, хочешь – квартиру, у меня на Монтина есть отличные три комнаты, «сталинка», потолки как твои здесь, под четыре метра! Небольшой ремонт – и живи себе в удовольствие!.. Да я тебе сам ремонт сделаю, отправлю бригаду, тысяч за семь-восемь сделаем конфетку!

Мирза Халил ласково улыбнулся:

– А ты кто такой, чтобы я с тобой вообще договора подписывал? Квартира у него на Монтина, ты же вчера на ишаке приехал из деревни Данабаш, думаешь, что все тебе позволено? Передай там своим, что я свою квартиру не продаю!

Лицо прораба пошло красными пятнами.

– Зря ты так, начальник! – глаза его сузились, весь он как-то набычился, словно и вправду собирался забодать несговорчивого домовладельца. – Кто и откуда приехал – не твое дело, а квартира эта уже давно не твоя! Так и знай! Все здесь давно наше! Земля, по которой ты ходишь, тоже наша! Твое время – ту-ту – ушло давно! Если Главный захочет, тебя здесь же и закопают...

Пудель, успевший за время разговора досеменить до коридора, оскалился на непрошенного гостя, демонстрируя собачью солидарность с хозяином.

– Пошел вон! – неожиданно спокойно, даже равнодушно сказал Мирза Халил и захлопнул дверь передискаженным злобой лицом прораба. По дороге обратно на кухню потрепал он пса по загривку. – Что за день сегодня такой, то одно, то другое! Пойдем готовить харчо.

Закончил Мирза Халил возиться с готовкой в половине второго. Пока в кастрюльке на маленьком огне тушилось мясо с помидорами, съел он бутерброд с кол-

басой и сыром, выпил чаю и решил прилечь. Тотчас и пожалел, что не взял утром в пассаже выбранные им книги. Встал он перед книжным шкафом в раздумье, разглядывая знакомые корешки.

Мирза Халил всегда утверждал, что детективов не любит, а их авторов считает бессовестными делягами, наживающимися на доверчивости плохо соведомленных читателей. Однако при этом все книжные полки в доме были заставлены почти одними детективами или криминальными романами, которыми его регулярно снабжал знакомый продавец из книжного магазина. Читал их Мирза Халил очень внимательно. Может показаться забавным, но делал он это непременно с карандашом в руке, которым аккуратно подчеркивал авторские ляпы и всякого рода несуразности. А особенно понравившиеся ему куски зачитывал вслух своему единственному слушателю, судя по всему, вполне разделявшему литературные пристрастия хозяина.

Достал он с четвертой полки «Антологию интеллектуального детектива», изданную в Москве, нацепил очки на кончик носа и прилег с карандашом и книгой на диван. В сборнике, пестревшем свежими помарками, оставался непрочитанным только один рассказ.

– Поглядим, что у нас тут... Так, Хорхе Луис Борхес... ага, испанец какой-нибудь. Рассказ называется «Абенхакан Эль Бохари, погибший в своем лабиринте», – ты слышишь? – спросил он пуделя. – Уже по названию похоже, что ерунда. Опять, наверное, арабские террористы...

Рассказ оказался небольшим по объему. Описывался в нем некий нелепый лабиринт, сооруженный беглым арабом в глухой английской провинции. Араб опасался мести племянника и поэтому прятался в этом самом лабиринте с негром-телохранителем и львом. История показалась Мирзе Халилу настолько вызывающе нереальной, эксцентричной и глупой, что в раздражении отложил он карандаш, а книгу с недочитанным рассказом бросил на чайный столик.

– Наглый ишак, представляешь? Земля, говорит мне, по которой ты ходишь, тоже наша! Разбить бы ему голову, чтобы мозги на место встали!

Поднялся Мирза Халил с дивана, подошел к серванту, достал початую бутылку коньяка, налил себе рюмку и с удовольствием выпил.

– А испанец этот лучше бы уж писал про террористов. Ничего он не соображает в лабиринтах.

Отправились они с пуделем на кухню обедать. После чего прилег Мирза Халил подремать. Шум работающего экскаватора под окнами раздражал и никак не давал уснуть. Пришлось закрыть балконную дверь. В комнате стало душно. Приснился Мирза Халилу лабиринт, в котором где-то прятался прораб Давуд, да еще верхом на ишаке с львиной гривой. Вместо черной папки держал он под мышкой «Антологию интеллектуального детектива»...

Пробнулся Мирза Халил от звонка телефона. Сел на диване, покрутил головой, стряхивая остатки дурного сновидения, потом медленно поднялся и, шаркая тапочками, пошел в ванную, ополоснуть раскрасневшееся лицо. Все время, пока он неторопливо умывался, телефон продолжал безудержно звонить.

– Слушаю!

– Это я! Думала уже, что тебя дома нет...

– Ну, если видишь, что не беру телефон, значит, нет меня! – сказал Мирза Халил раздраженно.

– Но ты же дома?

– Нет! – отрезал он. – Я не дома!
– А я разве не на городской звоню?
– Ну, а зачем тогда спрашиваешь?!
– А что ж ты тогда телефон не берешь, а?
– Ну, если я не беру телефон, значит, занят я, или не хочу браты!..
– Вечно ты так, Мирза! У тебя что, много родственников осталось? Живешь один, как сырь! Ни друзей, ни знакомых, один с этим занюханным псом... Раз в год к тебе звоню, и то грубишь! Раз так, вообще к тебе обращаться больше не стану!.. И ты ко мне не звони! – и она повесила трубку.

Мирза Халил любил Сару, жалел ее, помогал, как мог. Но непосредственное общение с недалекой, а временами очень мелочной и взбалмошной сестрой раздражало его безмерно, и потому разговоры их часто заканчивались ссорами. В отличие от брата-близнеца (разница между ними была всего в 7 минут!), Сара была, увы, дурнушкой: нос, пожалуй, был слишком велик для ее лица, глаза, наоборот, казались малы и невыразительны, унаследовала она от матери плохую кожу, а от отца – тонкие губы. Муж Сары, хирург, бросил ее лет десять назад с двумя дочерьми и сыном ради смазливой медсестры. Признаться честно, Мирза Халил не сильно его за это осуждал, и втайне оставался с ним в приятельских отношениях.

Вышел он на балкон. «Като», очевидно, закончив смену, застыл неподвижно над заметно расширившимся котлованом. От асфальтовой дорожки к подъезду дома, наполовину развороченной, а наполовину заваленной свежей землей, почти ничего не осталось. Оценив на глаз масштаб разрушения, перевел он взгляд на акации, уже прикрывшиеся нежной зеленью, на закатную солнечную паутину, висящую поверх невысоких крон, на пеструю толпу прохожих, снувших по дорожкам молоканского сада во всех направлениях, на изысканные сумерки, уже частично затопившие темнеющие переулки, знакомые Мирзе Халилу каждой своей незаметной деталью, и с удовольствием потянулся. Снова зазвонил телефон.

– Слушаю.
– Это я...
– Я понял.
– Звоню напомнить, что завтра ты должен поехать с Эльмаром отдать задаток, надеюсь, не забыл?

– Я помню. С памятью у меня пока все в порядке!
– Просто напоминаю. Эльмар привезет три тысячи, как и договаривались, а отдать надо ровно пять. Помнишь? Ты обещал дать еще две. Ты подготовил деньги?..

– Сара, я все помню! – с тоской и раздражением сказал Мирза Халил. – Деньги я подготовил две недели назад, снял со счета, лежат у меня дома. Ну, хватит уже на эту тему говорить!

– Тебе не нравится на эту тему говорить, а то, что мальчик без отца рос... В конце концов, ты же родной дядя! Кто у тебя еще есть! И не хочешь даже поучаствовать!..

– Я хочу поучаствовать! Я же даю деньги! Что еще я должен сделать? Надо еще, еще дам...

– Я же вижу, что ты не хочешь ничего давать! Чувствую! Чужие люди придут и помогут, а родной брат палец о палец не ударит! Так мне и надо!

– Сара!..

– Ничего от тебя не хочу! – бросила она трубку во второй раз. Мирза Халил зев-

нул. К вздорным претензиям своей сестры он был вполне привычен. Нацепив очки, посмотрел на часы. Половина восьмого. Надо бы поужинать. Клацая когтями по паркету, к дивану подошел пудель и поглядел на хозяина почти молочными глазами.

– Ну что, братец, пойдем прогуляемся немного? Посмотришь, как они там все разворотили. – Мирза Халил поднялся с дивана, на глаза ему попалась книга с неодочитанным рассказом. – Как звали араба в лабиринте? Не помнишь, конечно! А у меня вот память следока со стажем – Абенхакан Эль Бахари его звали! Пошли!

Взял она пса на руки – спускаться по лестнице пуделю уже было не под силу, оставил свет включенным в гостиной и коридоре, запер входную дверь и вышел в полутемный подъезд.

В тот вечер Сара звонила еще два раза.

2

Следующий день прошел почти без происшествий. Лишь кто-то намалевал в подъезде во все стену баллончиком краски матерные ругательства, да обмочился в коридоре пудель. Пока Мирза Халил мыл шваброй пол, пес все никак не мог успокоиться и по-детски скулил. В книжный пассаж за очередной порцией детективов Мирза Халил так и не пошел, а потому скучал почти весь день.

После обеда, в ожидании, когда за ним заедет отприск Сары, звонил он адвокату, занимавшемуся иском против строительной фирмы. Адвокат Ашумов уверял, что дело идет своим чередом, что результаты непременно будут, и что нужно на браться терпения. Мирза Халил, однако, как человек опытный, заверениям адвоката не верил, прекрасно понимая, что хозяева строительной фирмы, с которой затеял он тяжбу, не просто люди с деньгами, а с очень большими деньгами, и ко всему еще с серьезными связями на самом верху.

Эльмар подъехал к шести, позвонил из машины. Спустился Мирза Халил вниз и тут-то и увидел на первом этаже надпись на стене. Прямо у двери подъезда на деревянном ящике сидел прораб Давуд. За ворот его полосатой рубашки был заложен платок, круглое лицо лоснилось от пота. Возле правой ноги на земле стоял баллончик с краской.

– Добрый вечер, начальник! – издевательски приветствовал он Мирзу Халила.
– Экскаватор работает, не мешает?

Стараясь не терять самообладания, Мирза Халил встал перед ним и, наклонившись вперед, сказал:

– Как родился ишаком, так и проживешь всю жизнь длинноухим!

Улыбка сползла с лица прораба. Глаза его налились кровью. Бросился он, было, вперед, но Мирза Халил, рванув его на себя за воротник рубашки, неожиданно ловко увернулся, успев при этом подставить ногу. Прораб рухнул на землю всей своей маской. Быстро придавив его коленом, Мирза Халил заломил ему руку за спину. Прораб взвыл.

– С такими, как ты, приходилось встречаться!

– Пусти, убью! – прохрипел прораб.

– Лежи тихо! Так, чтобы я тебя вообще не слышал, а то руку сломаю.

Рабочие, перестав возиться с оградой, которую они сколачивали со вчерашнего дня, растерянно глядели на происходящее. Замер экскаватор. Мирза Халил заломил руку прораба повыше.

- Понял, понял!.. Отпусти!..
- Возьмешь краску и все замажешь!
- Хорошо, хорошо!.. Отпусти!..

Перешагнув через распластертую тушу прораба, Мирза Халил, не оборачиваясь, стал пробираться через отвалы подсыхающей глины и развороченного асфальта к улице, отделявшей котлован от молоканского сада, который был уже едва виден из-за почти законченной ограды.

Пересекая сад, еще пытался сохранять он молодцеватый вид, но к машине племянника, припаркованной на пересечении с проспектом, доковылял Мирза Халил, уже держась за сердце.

– Дядя, чего так долго?.. Я думал, ты уже забыл про меня!

– Езжай! – пытаясь справиться с одышкой, Мирза Халил откинулся на сидение и прикрыл глаза. – Выкинь сигарету!

– Ты чего весь красный? – Эльмар послушно выбросил недокуренную сигарету в окно. – Сердце прихватило, что ли?

Мирза Халил отрицательно покачал головой:

– Просто дай две минуты.

Они тронулись. Включив поворотник, Эльмар ждал возможности нырнуть в поток машин, ползущих вниз по проспекту. Тем временем Мирза Халил продолжал учащенно дышать, с некоторым волнением наблюдая за чередой фиолетовых разводов, быстро сменяющих друг друга за его прикрытыми веками. Наконец, они въехали в поток. Эльмар молчал, краем глаз поглядывая на дядю, к которому постепенно возвращался нормальный цвет лица. Через минуту заверещал мобильный телефон.

– Что, мама?.. Пришел... Уже едем... Только что... Не знаю... Наверное... – Повернувшись к Мирза Халилу, он осторожно спросил: – Дядя, она спрашивает, ты деньги взял?

Мирза Халил кивнул.

– Взял... Да не знаю я... Дядя?! – Мирза Халил открыл глаза и вопросительно посмотрел на племянника. – Мобильный телефон с тобой? Она звонила на него...

Спохватившись, Мирза Халил стал шарить по карманам. Мобильного не было.

– Может, не брал с собой?.. Вернуться?.. Ну подожди, мама!

– Так и знал, что какое-нибудь дермо выйдет!

– Я могу повернуть обратно. Наверное, из кармана выпал? Она говорит, телефон как будто выключен. Может, перед домом? Или на лестнице?..

– Я сказал, езжай!

– Да нет, мама! Потерял он телефон... потерял... Говорит, не надо возвращаться!.. Все, не могу говорить! Я за рулем!.. – с минуту они ехали молча.

Потом Эльмар открыл бардачок и достал из него желтый конверт.

– Дядя, там три тысячи.

Мирза Халил, не глядя, кивнул.

– Далеко еще?

– За метро Азизбекова.

– Ничего ближе не нашлось? Обязательно надо тащиться черт знает куда?

– Дядя, я же говорил тебе, это сейчас самый крутой дом торжеств, там очередь на несколько месяцев вперед! Так просто не попадешь... Короче, там все по самому высшему классу! Я был там, на свадьбе одноклассника. И еда, и обслуживание – самым лучшим образом! Ну и потом, родители Нармин тоже одобрили.

– Ну, раз родители Нармин одобрили, то тогда конечно! Можно с себя и последние штаны продать, чтобы перед ними в грязь лицом не ударить.

– Дядя, я тут ни при чем. Ты же знаешь, если маме в голову что-то втемяшится, то уже без вариантов. Она собирается всех своих с работы позвать, чуть ли не всю больницу караевскую! Да и у меня полно гостей, одних одноклассников...

– Вы с твоей мамой денег, конечно, не считаете! Просто решили – и все тут!

– Дядя, – примирительно сказал Эльмар. – Я тебе куплю новый телефон, на плюй! Твой и так был полное барахло. У меня есть приятель, он привозит хорошие трубки из Дубая. Будет тебе подарок от меня.

Справа, выхваченные закатным солнцем из густеющих сумерек, тянулись индустриальные предместья. Мирза Халил неодобрительно молчал. Эта часть города всегда представлялась ему совершенно безнадежной, и хотя за последние годы многое из того, что считал он прежде совершенно незыблемым, вдруг перестало быть таковым, мнения своего по поводу этого района он не поменял.

Вдруг заметил Мирза Халил, что темнеющее небо впереди как будто окрасилось ярко-розовыми сполохами. Чем дальше двигались они по шоссе, тем отчетливее и гуще становился этот цвет. Наконец, минут через десять, предстало перед ними, по левую руку, невероятной уродливости сооружение, сплошь подсвеченное розовым светом. Такого же цвета была и громадная неоновая вывеска – «Палеолит».

– Почему все-таки «Палеолит»? – спросил Мирза Халил, скептически разглядывая Дом торжеств, при ближайшем рассмотрении похожий на несуразное кондитерское изделие. – К чему это?

– Какая разница, дядя! Место-то крутое, и все!

– Да, такое точно ни с чем не перепутаешь!

– Ну, вот видишь, вот тебе и ответ – главное, что запоминается! Короче говоря, хозяина, с которым сейчас будем говорить, зовут Искендер. Он из России приехал года два назад, с большими деньгами...

– Молодой он? Старый?

– Сейчас сам увидишь! Он, как и его «Палеолит», – такого не забудешь! – весело сказал Эльмар.

Мирза Халил достал из заднего кармана старое потертое портмоне, которое он, к счастью, после покупки нового так и не удосужился выбросить, вытащил из него перевязанную резинкой стопку денег и переложил в желтый конверт.

Припарковали машину. Вышли. Вечер был теплый, спокойный, лишь где-то вдалеке звучала музыка, да изредка с трассы раздавался шум машин, пролетающих мимо на большой скорости. Повел Эльмар дядю не к центральному входу, у мраморных ступеней которого дежурили два плотных амбала с рациями, а вокруг здания, к задней двери.

– Этот Искендер своеобразный мужик, сейчас сам увидишь!

– Ты с ним уже встречался?

– Да нет, только по телефону говорил. Но столько про него рассказывают вся-кого! Он здесь же в подвале и живет, представляешь? Я сам, конечно, не видел, но говорят, там у него внутри все оборудовано по высшему классу, он оттуда почти не выходит, или только с охраной...

– И почему это?

– Говорят, опасается кого-то. Какое-то темное дело... Одно слово – палеолит, каменный век! – Племянник громко рассмеялся собственной шутке.

Над деревянной дверью с глазком висела камера. Эльмар нажал кнопку звонка. Ждать пришлось несколько минут. Наконец, дверь открыли. К ним вышел мужчина весьма экзотического вида. Был он необыкновенно высок, никак не меньше двух метров, и при этом настолько худой, что лицо его, обрамленное клюковатой бородой, совершенно напоминало череп.

– Идите за мной, – коротко сказал он с заметным северокавказским акцентом.

Мирза Халил и Эльмар направились за ним следом. Прошли они полуутемный коридор, свернули куда-то направо, потом по ступенькам спустились вниз, снова свернули вправо, прошли еще немного уже в совершенной темноте, пока не оказались перед полуоткрытой дверью, из-под которой на пол падала яркая полоска света.

– Точно палеолит! – шепнул Эльмар дяде и хихикнул.

– Палеолит, не палеолит, а кругом инфракрасные камеры.

– Где?..

Мирза Халил не успел ответить, тощий великан открыл дверь и жестом приветствовал их пройти.

Оказались они в хорошо обставленном офисе. На полу, поверх мозаичного паркета, лежал большой ковер, явно ручной работы. Длинный стол светлого дерева за jakiгался председательским креслом, украшенным замысловатыми вензелями. Перед черными кожаными диванами по левую сторону стояли стеклянные кофейные столики, заставленные вазами с фруктами и орешками. В глубине комнаты просматривался камин, в котором, несмотря на теплую погоду, слабо полыхали желто-синие язычки пламени. Вся правая стена была завешана мониторами, на которых были видны внутренние помещения, залы и коридоры Дома торжеств.

– Ждите, – сказал великан и вышел. Молча подсели они к столу. Эльмар достал мобильный, подвигал пальцем по сенсорному экрану, проверяя сообщения.

– Мама успела отправить мне уже четыре эсэмэс!

– Чего хочет? – равнодушно спросил Мирза Халил, продолжая внимательно разглядывать просторный офис.

– Да ничего. Беспокоится, как обычно.

В это самое мгновенье увидел Мирза Халил невысокого человека, который, как ему показалось, вдруг материализовался ниоткуда. Но тут же сообразил, что выскользнул он, видимо, из скрытой в стене двери, почти не видной из-за высокой спинки кресла с вензелями. Мужчина был в серебристом костюме, но без галстука. Плотный, с небольшим брюшком и круглым добродушным лицом, выглядел бы он вполне обыкновенно, если бы не его огненно-рыжая невероятная шевелюра, венчавшая его голову наподобие шапки, которая никак не вязалась с его довольно смуглой кожей и темными бровями.

– Что вы тут сидите? На диваны, немедленно на диваны! Угощайтесь! Тут все не для красоты, а для дорогих гостей! Сейчас и чай будем пить! – энергично пожал он руку Мирзе Халилу. – А вы, молодой человек, я так понимаю, и есть жених! Красавец!

– Эльмар!

– Все помню, мать – Сара-ханум, невеста – Нармин-ханум, свадьба 18-го июня, помню! Так?.. Для меня нет клиентов! Клиент бывает в магазине, на базаре, еще где... А у меня одни только друзья и родственники! Все, кто женится в этом здании, становятся моими кровными родственниками, моими друзьями! Что деньги? Деньги мусор... их всегда можно заработать... Вот как поженю вас здесь с Нармин-ханум, ты

тоже станешь мне как племянник! Считай, что сегодня приобрел еще одного дядю!.. Давайте, давайте, присаживайтесь уже! Сейчас Хасан принесет чай. – Слегка понизив голос, он продолжил: – Настоящее его имя Хасан Гирей, он кабардинец, со мной уже лет пятнадцать! Как брат мне!.. Я без него – никуда, он от меня – ни на шаг!

Опустились они на диваны.

– Угощайтесь, не обижайте меня! Для меня все мои посетители – дорогие друзья!

– И из налоговой тоже? – спросил Мирза Халил, стараясь не фиксировать взгляд на рыжих волосах хозяина «Палеолита».

– Хотите – верьте, хотите – нет, даже их принимаю как самых близких! Вот честное слово!.. – энергично затряс он головой. – Они же люди подневольные, будут не они, так другие! Закон надо уважать. А потом, у меня и с их начальством все отлично! Я их уважаю, они мне не сильно мешают.

Вошел Хасан с подносом. Выложил стаканчики с чаем на столики перед гостями и ушел.

– Пейте, пока не остыл!.. Угощайтесь!.. Итак, что у нас, помню, 250 гостей. Так?

– Совершенно верно.

– Сейчас обсудим меню, обсудим программу – у нас отличное шоу, лучшее в городе!.. Никто нам мешать не будет....

– Я заметил, у вас тут кругом камеры. Кажется, инфракрасные?

– Да, да, да! А что делать?! – всплеснул руками рыжеголовый. – Что делать? И инфракрасные, и поворотные, и купольные, и еще всякие, какие только можно купить за деньги! Самые новейшие, самые совершенные... Приходится быть, увы, очень осторожным. Такие времена! Особенно мне, как говорится, нужно глядеть в оба! Вы, конечно, знаете, что у меня ситуация особая.

– Да нет, честно говоря. Какие-то проблемы с клиентами?..

– Да что вы! С клиентами, тыфу-тыфу, у меня никогда никаких проблем не бывает! Я же говорю, каждого, кто переступает порог этого здания, я считаю другом и родственником! Поверьте... Это совсем другая история! Тянет на целый детективный роман! Неужели не слышали? А мне казалось, что весь город уже об этом знает... – неожиданно печально сказал он. Мирза Халил развел руками, давая понять, что, увы, не посвящен в перипетии жизни их радушного хозяина. – Вот вы, Мирза-бек, видно, что человек опытный. Это сразу заметно. Могу я спросить, чем занимаетесь, где работаете?

– Дядя... – начал было Эльмар, но Мирза Халил быстро перебил его:

– Сейчас уже нигде не работаю, на пенсии, а раньше в архиве.

– В архиве?.. Ну, моя история еще не закончилась, в архив ее сдавать пока ранновато! Между нами говоря, еще и неизвестно, как все закончится, скажу я вам! – вытащил он из кармана пачку Marlboro, закурил. – Наверное, знаете, что я из России сюда переехал. Родился здесь, в Баку, но вырос в Сибири!

– Сибири?

– Тюменская область, город Сургут! Город нефтяников! Мне было лет пять, когда мы туда переехали. Отец был нефтяник. Работал в Сургутнефтегазе. Разрабатывал западно-сургутское месторождение, на Оби.

– Так и остались всей семьей там?

– Именно так! Скажу я вам, рыбалка там – обалдеть! Я по миру поездил, но нигде такой рыбалки больше не видел! А вы как, Мирза, к рыбалке относитесь?

– Спокойно.

– А я, извините, больной на это дело! Куда не приеду – первым делом на рыбалку! Где и на кого я только удочку не закидывал!.. А вообще там, в Сибири, – у меня все. Вторая родина, как говорится! Иногда, верите или нет, хочется все бросить и вернуться обратно! Отец, хотя и перехал туда, когда ему было уже за тридцать, тоже полюбил тамошние места! И возвращаться сюда никак не хотел. Там мы его и похоронили...

– Упокой Аллах его душу!

– Упокой Аллах души и всех ваших умерших!.. Я ведь тоже, как отец, собирался нефтяником стать!

– А чего не стали?

– Учился в Тюмени на инженера-технолога, короче, дипломированный буро-вик. Но только работать по специальности не довелось. Не успел, точнее. Отец умер, началась перестройка, надо было за мамой присматривать, сестру замуж выдавать. Зарплаты не платили, приватизация, ваучеры – то, се, бардак полный!.. Сами же помните, что в стране творилось! За банку тушеники могли голову разбить! Кругом криминал, братки, ну и я потихоньку заниматься бизнесом стал. Каждый день рисковал. Утром просыпаешься и неизвестно, доживешь ли до вечера!

– Ну, вам, я так понимаю, повезло.

– Можно и так сказать, конечно. Везение тоже было. Но, главное, – я хороший рыбак! Умею ждать, умею правильно выбирать наживку, умею вовремя подсекать и вытаскивать! – Рыжий рассмеялся, довольный аналогией. – Бизнес, он как рыбалка! Везение – это только дополнительный плюс. Тут нужны и умение, и сноровка!

– И что за бизнес? Рестораны?

– Не сразу. Всего понемногу было. Начал с автозапчастей, потом супермаркет открыл, потом клуб шикарный, добавились бензоколонки. Везли цветы и фрукты отсюда, из Узбекистана, а сюда посыпали стройматериалы, электронику... Эх, все видел, и рэket, и чеченов, и продажных ментов. И стреляли в меня...

– Даже так!

– Два раза! И грабить пытались. И машину мою жгли. Но я рыбак еще тот! Хорошо работал, хорошо зарабатывал и хорошо тратил! А что деньги, если их не тратить? Ведь так, Мирза? Эх, хорошие времена были! – покачал он огненно-рыжей головой. Помолчал, задумавшись.

– А чего вернулись? На родину потянуло?

– Да вот так получилось! Родина – это, конечно, святое, но здесь я все равно почти как чужой. Все, кого близко знал, остались там. Так вышло.

– Неприятности?

– Еще какие! – тяжело вздохнул Искендер. – Лет пять назад стал я работать с одним из наших, азербайджанцем. Такой деловой парень на первый взгляд, ко всем мог найти, как говорится, подход. Вместе с ним ели-пили, ездили на рыбалку. Относился к нему, как к младшему брату, доверился ему. Стали брать большие подряды на строительство, то, се! В силу вошли... – он стряхнул пепел на ковер. – А потом раз! В один день все кончилось: прокуратура, налоговая, милиция, вся область на ногах, пресса – все навалились на меня! Взяли меня за какую-то ерунду, тут еще деньги со счетов пропали, огромные суммы...

– Ничего себе! А в чем конкретно обвинили-то?

– Да ерунда полная, будто кредиты были неправильно оформлены! Ну, потом

постепенно все стало ясно: парень тот шакалом оказался. Все это он и организовал со своими дружками из мэрии, чтобы бизнес у меня отжать! Не разглядел я гаденыша! Как говорится, лоханулся по полной программе. Думал, уже все! Или в камере менты сгноят, или братки ночью придушат! Но Бог миловал! По старым связям кое-как отбился, выпустили меня под залог, ну я и залег на дно. А этот сучонок на меня настоящую охоту объявил! Хорошо, старый друг отца, у которого я скрывался, надумил: «Вот, что, Саша, – сказал он мне, – пока тебя не прикончили, жопу в горсть и вали отсюда!»

– А почему Саша?

– Ну, раз Искендер – значит Александр...

– А, ну да, все верно! Александра Великого на востоке называли Искендер Зульгарнейн, то есть Искендер двурогий...

– Тот был двурогий, а я вот зато – рыжий! – наклонил он голову, указывая пальцем на рыжую шевелюру.

Мирза Халил допил чай и положил стакан с блюдечком на столик перед собой:

– Ну, и что потом?

– А что потом, аксакал, приехал я сюда! На родину, в Баку родной! Все там бросил.

– А семья как?

– Да никак! Я разведенный, детей Аллах не дал. Сестра давно замужем, в Москве. Один я, считай! – прикурил он от золотой зажигалки еще одну сигарету. – Вот наляжу здесь дела, а потом можно еще раз жениться! Рискнуть. Я же здесь почти с нуля все начал, сам знаешь, как тяжело на новом месте начинать. Спасибо друзьям! Самое главное, здесь я в безопасности! Сюда этот шакал даже если и сунется, уж я с ним быстро разберусь. У меня тут охрана повсюду, Хасан рядом со мной – лучше взвода милиции! Камеры... Все это здание как моя крепость! Сам проектировал. Каждую деталь! – гордо добавил он. – Хотя, конечно, нужно все равно быть осторожным. Что поделаешь! Я вот стараюсь отсюда как можно меньше выходить. Знаю через верных людей, что этот гад все еще надеется добраться до меня! Вот такая моя история, аксакал!.. Заговорил я вас своими проблемами! А вы же ко мне не чай пить пришли, а по делу! Очень извиняюсь! Давайте, давайте, сейчас обсудим меню....

Закончили они со словоохотливым хозяином «Палеолита» только через час. На обратном пути попросил Мирза Халил племянника остановиться возле хозяйственного магазина, чтобы мог он купить ручной фонарик, батарейки к нему и лампочки. Пробираясь к дому в желтоватом свете фонарика, разглядел Мирза Халил на земле раздавленный то ли башмаком, то ли разбитый об камень свой старенький мобильный телефон, или, точнее, то, что от него осталось.

Вкрутил Мирза Халил лампочку на первом этаже и стал тяжело подниматься по лестнице. Нужно было еще выгулять пуделя перед сном, но выходить еще раз из дома очень не хотелось. Ко всему прочему, после инцидента с прорабом ныло правое предплечье. Пока возился он с ключом, в пустой квартире принял настойчиво звонок телефона. Мирза Халил сразу же догадался, что звонит Сара.

3

Через четыре дня после описанных событий, а именно 16-ого мая, проснулся Мирза Халил, как обычно, в половине девятого, натянул на себя домашние финки и

сразу же вышел на балкон. Погода стояла самая что ни на есть майская. Остервенело чирикали воробы. На совершенно бирюзовом небе, прямо напротив дома, застыло одинокое, похожее на завитушку облачко. Скорее, даже и не облачко, просто штрих. «Като» неподвижно застыл возле уже законченной ограды, на которой огромными синими буквами было выведено – СТРОИТЕЛЬНАЯ КОМПАНИЯ «СИНДБАД». На краю котлована собралось человек 20, все, за исключением пяти рабочих и прораба, в темных костюмах и разноцветных галстуках. Главного среди них можно было сразу вычислить по недовольному выражению лица, и еще потому, что был единственным из собравшихся, кто держал руки в карманах брюк, в то время как все остальные прикрывали обеими руками причинное место, будто футболисты во время штрафного удара. Вдоволь наглядевшись в глубину котлована, не поворачивая головы, Главный что-то спросил. Тотчас к нему вытолкали прораба. Тот, разводя руками, стал объясняться, при этом несколько раз тыкая пальцем в сторону балкона, на котором стоял Мирза Халил. Главный поднял коротко стриженую, как у прораба, голову и, прищурившись, уставился на балкон. Вся его свита дружно последовала его примеру.

Тут следует, наверное, сказать, что Главный и Мирза Халил хотя и не были знакомы персонально, заочно знали друг друга: с отцом Главного Мирза Халил работал в прокуратуре, и даже чисились они когда-то друзьями.

Смущившись от столь повышенного внимания к своей персоне, ушел Мирза Халил с балкона в комнату, по дороге в ванную погладил пуделя, распластавшегося в косых лучах пыльного солнечного света, не спеша, умылся, погладил в зеркале выступившую двухдневную седую щетину, но бриться раздумал. Идти Мирзе Халилу в этот день было некуда, разве что прогуляться с собакой, да еще вечером встретиться с адвокатом в полуподвальном грузинском ресторанчике, куда обычно заходил он не реже, чем пару раз в месяц. В прошлый раз ужинал там Мирза Халил не один, а с дамой. Дама эта, давняя знакомая, некогда сыграла весьма драматичную роль в судьбе нашего героя, став косвенной причиной его несостоявшейся карьеры следователя прокуратуры. Но это уже другая история.

Пока закипал чайник на плите, включил он компьютер. Дождался загрузки, потом запустил Скайп: на экран выскоцило голубое «S». Не было ни пропущенных звонков, ни новых сообщений. Посмотрел Мирза Халил на часы. Подумал, что время вполне подходящее. Кликнул на фотографию сына: на фото сын позировал на фоне какой-то пыльной пальмы, что, судя по всему, должно было символизировать экзотичность той страны, где он служил атташе при посольстве. Звонить к сыну ему не очень хотелось, но, испытывая постоянное и необъяснимое чувство вины перед единственным своим отприском, завел Мирза Халил привычку говорить с ним хотя бы раз в неделю. Разговаривали они обычно коротко, избегая острых тем, которых, к сожалению, со временем женитьбы сына накопилось предостаточно. Одной из таких тем, к примеру, был живучий пудель, который прошлым летом, когда сын и невестка приезжали в отпуск, стал неожиданной причиной довольно серьезной размолвки между отцом и сыном. Тогда, навещая Мирзу Халила, пожаловалась невестка, что пудель воиняет, что в ее положении (была она на тот момент на пятом месяце беременности) находится в одном помещении с полуживой собакой совершенно противопоказано, и т.д. Во время этого неприятного разговора пудель, проявив самую настоящую политическую близорукость, еще и заметно испортил воздух, тем самым почти подпи-сав себе смертный приговор в заботливых руках ветеринара Володи. Однако Мирза Халил, скорее из одного упрямства, не сдал своего единственного слушателя. С тех

пор невестка совершенно перестала с ним разговаривать, внука не показывала даже по *Скайпу* и рассказывала встречным и поперечным, что Мирза Халил выжил из ума, и его следовало бы отправить в психушку, пока он чего-нибудь не натворил.

Фотография сына на экране сменилась его видеоизображением. Сидел он за столом в полосатой футболке.

– Слышно меня? – откашлявшись, спросил Мирза Халил. – Как у вас там?

– Все нормально.

– Ребенок в порядке?

– Да.

Ребенка, не посоветовавшись, назвали в честь покойного деда по материнской линии. Как подозревал Мирза Халил, сделали это исключительно лишь для того, чтобы позлить его.

– Вот и хорошо. Как на работе? Без происшествий?

– Все нормально, папа. – На заднем фоне, в глубине комнаты, тенью про скользнула невестка. – Хорошо, что ты позвонил. А то уж я сам собирался звонить.

– Что так? Что-нибудь случилось?

– Да нет, ничего. Просто нужно поговорить.

– Ты подожди, я сейчас чайник выключу и приду. – Мирза Халил вышел из-за стола и направился на кухню, где на плите яростно свистел давно уже закипевший чайник. Бросив щепотку чая в хрустальный стакан, залил он его кипятком и, накрыв блюдечком, вернулся в комнату.

– Так, – сказал Мирза, откинув голову назад, чтобы можно было глядеть на экран компьютера сквозь очки, сидящие на кончике носа. Мысленно приготовился он к неприятному разговору. – Слушаю тебя.

– Да ты не волнуйся, я просто хотел спросить кое-что.

– Говори, говори, я слушаю.

– В общем... у меня тут спрашивали... – замялся сын, на заднем фоне опять мелькнула невестка. – Ты что-нибудь надумал по поводу квартиры? В смысле, ты собираешься переезжать, или так и будешь там сидеть, пока дом не рухнет?

– Подожди, ты вначале сказал, что тебя спрашивали: кто тебя там мог спрашивать о моих делах?

– Да какая разница, папа?.. Причем тут это, в конце концов! – в голосе его зазвучали хорошо знакомые Мирзе Халилу визгливые нотки. – Я просто хочу знать, что именно ты собираешься делать? Это же... это же... ну, совершенно никуда не годится! Над нами уже люди смеются!

– Успокойся и объясни, пожалуйста, кто конкретно спрашивал о моих делах?

– Никто у меня ничего не спрашивал!.. – Он почти сорвался на крик, потом вдруг приник вплотную лицом к монитору компьютера и прошипел сквозь стиснутые зубы: – Ты не понимаешь, что ли?! Я не могу говорить... Мне намекнули, что твоё упрямство выходит за всякие рамки. Ты понимаешь это или нет?!

– Успокойся...

– Ты тормозишь очень важных людей! Их проект!.. И это, между прочим, вредит не только тебе, но и мне, моей карьере, нам всем, в конце концов! Я же твой сын, ты же должен это понимать! – снова сорвался он. Мирза Халил тем временем помешивал ложечкой настоявшийся чай и прикидывал в уме, стоит ли отчитать сына за истерику и, сорвавшись в свою очередь, наговорить гадостей и тем самым закончить этот дурацкий разговор, или позволить ему выговориться. – ...до меня не доходит:

тебе предлагают деньги, очень приличные деньги, на которые ты спокойно можешь купить нормальное жилье. Да, не в центре города, ну и что? Все обязательно должны жить в центре города? Вполне можно взять отличную трехкомнатную квартиру на Монтина, например!.. – упоминание о квартире на Монтина неприятно резануло слух. Мирза Халил подозрительно посмотрел на раскрасневшееся лицо сына. – Просто не понимаю, зачем ты все это делаешь? Превращаешь себя в посмешище! Себе карьеру сломал, теперь и меня за собой тянем! В МИДЕ все про всех все знают...

Мирза Халил резко поднялся из-за стола:

– Ладно, сын, потом договорим. Я еще даже не умывался с утра. – Сказал он холодно и выключил *Скайп*. В коридоре заворчал пудель, беззлобно тявкнул.

– Что там? – спросил его Мирза Халил. – Гулять хочешь?

В дверь позвонили.

– Ага... – сказал удивленно Мирза Халил и пошел открывать.

В глазок увидел он того самого плюгавого рабочего в канареечного цвета каске. Переминаясь с ноги на ногу, стоял он с каким-то пакетом в руках.

– Чего надо?

– Аксакал, открай, это я... мы тут внизу работаем. Зовут меня Фархад.

– И что?

– Велели передать тебе тут.

– Кто велел?

– Начальник велел. Давуд-муаллим... Вот тут конверт для вас.

– Какой еще конверт? Что этот недоумок еще придумал?

– Велено передать.

– Оставь под дверью и иди отсюда!

– Велено прямо в руки...

– Я сказал, под дверью оставь и вали отсюда!

После того, как он ушел, Мирза Халил выждал с минуту, прежде чем открыть дверь. На пороге лежал большой оранжевый конверт. Конверт был не запечатан. С опаской подняв его, прошел он с ним на кухню и, подсев к кухонному столику, выудил из конверта глянцевый бланк с цветной печатью строительной фирмы «Синдбад». В письме финансовый директор, некий почти анонимный М. Мамедов, предлагал Мирзе Халилу 10%-ую надбавку за его жилплощадь плюс (бесплатно) трехкомнатную квартиру на Монтина по улице А.М. Джума. В завершение было сказано, что предложение это последнее, и что ответ следует дать в течение недели.

Прочитав послание дважды, Мирза Халил поглядел сквозь очки на носу на пуделя, который лежал на кухонном полу, положив мордочку на лапы.

– Ну, что, дорогой? Хочешь жить в трехкомнатной квартире по улице А.М. Джума, а? Что скажешь? Не молчи, не молчи, давай и ты уже выскажи все, что думаешь. Соберем манатки и отправимся на А.М Джума, а? Да, может быть далековато немного от Молоканки, ну и что? Не всем же здесь жить, в конце концов! И сын с невесткой обрадуются!.. Чего молчишь?

Пудель подтащил вялое тело к ногам Мирзы Халила и лизнул его тапочек.

– Ага, я так понимаю, ты переезжать не хочешь. Кстати, что это за улица такая – А.М. Джума? Все переименовали, ничего не понятно... Ладно, хватит уже болтать, давай завтракать, пока опять чего-нибудь не приключилось. Съем-ка я, пожалуй, яичницу с помидорами, со шпинатом ел вчера, с картошкой – позавчера! Вкусно и полезно!

Включил Мирза Халил в задумчивости кухонный телевизор: по ANS шли утренние новости. Поставил он сковороду на плиту, бросил в нее кубик сливочного масла и принялся нарезать помидоры на разделочной доске. Разговор с сыном никак не шел у него из головы. Растиавшее масло уже шкворчало, Мирза Халил уменьшил огонь, вывалил помидоры в сковороду, стал их помешивать.

– «...пока неизвестно, как преступникам удалось незаметно проникнуть в помещение. Перестрелка произошла приблизительно в половине пятого утра. В результате перестрелки оба нападавших, личности которых сейчас пытаются установить, были убиты, тяжело был ранен и телохранитель владельца ресторана «Палеолит» Бейтуганов Хасан Гирей Нагманович, который по дороге в больницу скончался. Сам бизнесмен Ис肯дер Алиоглу во время перестрелки не пострадал. На месте преступления работают следственные органы. Продолжайте смотреть наш канал...»

Отложив сковороду в сторону, Мирза Халил прильнул к телевизору. Пока бодрый закадровый голос ведущей сообщал подробности, на экране крутили одни и те же кадры: неоновая вывеска ресторана «Палеолит», его центральный вход, толпа зевак, оттесненная в сторону полицией, карета скорой помощи, цветная фотография рыжего владельца и черно-белая – Хасана. Мирза Халил переключил на Lider, надеясь услышать еще какие-нибудь подробности ночного происшествия. Но и там говорили приблизительно то же самое.

– Вот так вот, значит... Что творится! – поцокал он языком, обращаясь к пуделю. Тот нехотя приподнял кудрявые уши. – Даже аппетит пропал. Ты слышишь, нет? Не зря, значит, он опасался... А я-то решил было, что он преувеличивает, что все его рассказы просто рекламный трюк, чтобы заманить клиентов, типа вот я какой герой, как в кино... Слишком уж все как-то... Что ты думаешь, а?.. Согласен, странно все это. Приму-ка я немного коньяка, а там разберемся.

Прошел он в комнату, к буфету, плеснул себе в рюмочку коньяка и, вернувшись с ней на кухню, сел к столу.

– От одной рюмочки ничего не будет, во всяком случае, хуже уже не станет. Для профилактики... – пригубил он было рюмку, но потом вдруг, передумав, опрокинул ее до конца.

Взял с чайного блюдечка дольку лимона, положил ее в рот и, не морщась, стал задумчиво жевать.

– Согласен, пить на голодный желудок – большая глупость. Зато не курю, гуляю на свежем воздухе с тобой, не хожу на работу... А то, что сын вырос таким... болваном, и жена у него дура, что ж теперь поделать! Все равно лучше, чем этому бедолаге Хасану, откуда он приехал?.. Из Чечни? Кабарды?.. – погладил он пса. – Ты думаешь, нам все-таки лучше остаться здесь? Не ехать в этот вонючий Монтина на улицу А.М. Джума? Так ведь ты же понимаешь, что они все равно не отстанут. Боюсь, не отиться нам от них! И этот адвокат Ашумов – будь он хоть трижды еврей – помочь нам ничем не сможет. Я это все знал с самого начала, а ты все продолжаешь настаивать, и себе и мне треплешь нервы, а ради чего?

Пудель мирно дремал, пригретый солнцем из окна и убаюканный монотонной речью хозяина.

– Пожалуй, все-таки надо бы поесть, – заключил Мирза Халил и, поднявшись, вернул сковороду с помидорами на плиту.

Пока он завтракал, не переставая, звонил городской телефон. Мирза Халил

трубку не брал. Макал он куски серого хлеба в яичницу и задумчиво ел, краем глаз следя за телевизионным экраном. Про происшествие в ресторане «Палеолит» больше ничего не было. После завтрака помыл он посуду, вышел на балкон: странным образом стройка замерла. Неподвижно стоял экскаватор над вырытым котлованом, на дне которого поблескивала коричневая жижа, не было ни рабочих, ни прораба. Однако это обстоятельство совершенно не обрадовало Мирзу Халила. Неожиданное затишье даже показалось ему почему-то зловещим и неприятным.

Вышел он прогуляться с псом.

Теперь прогулки эти стали очень короткими. Спускаться по лестнице и уж тем более подниматься – собаке было тяжело. Мирза Халил носил ее на руках. Пес недолго семенил вокруг оставшихся кустов у подъезда, обнюхивал их, как казалось, скорее по инерции, чем из обычного собачьего любопытства. Затем, вяло опрысывав их, присаживался, наконец, где-нибудь в укромном месте, наваливал небольшую кучку, после чего направлялся к подъезду, что означало завершение утреннего мониторинга.

Вернувшись с прогулки, выпил Мирза Халил еще одну рюмку коньяка, провел звонки на телефоне: все, кроме одного, неизвестного ему номера, – были от Сары. Перезванивать ей, однако, он не стал. А вместо этого снова вышел из дома и, пребывая в глубокой задумчивости, неторопливо направился к книжному пассажу.

Запруженные людьми и машинами улицы перетекали друг в друга, бесконечными рядами пестрели витрины, зазывая покупателей нереальными скидками, однако наш герой никого и ничего не замечал, двигаясь, как говорится, почти на автопилоте. Держа руки за спиной, продолжал Мирза Халил мысленно возвращаться к встрече в ресторане «Палеолит», к его огненно-рыжему хозяину и несчастному ка-бардинцу.

В книжном магазине людей было немного. При виде Мирзы Халила сидевший за прилавком продавец заметно ожидался.

- Мирза, давненько не заходишь! Надеюсь, все в порядке?
- Нормально, – сказал Мирза Халил, насаживая на нос очки.
- Слава богу, слава богу! Кошелек нашелся?
- Кошелек?.. А, да, нашелся. Оставил дома...

– Со мной тоже так бывает! Ну, сегодня-то кошелек с собой? У нас, Мирза, новый завоз, позавчера из Москвы доставили! Что хочешь: есть французский, американский, есть российский – на любой вкус! Посмотри...

Мирза Халил стал листать книги в ярких глянцевых обложках. Полистав несколько, отобрал он четыре книги, спросил цену.

– Мирза, с тебя здесь лишнего никогда не возьмут! Дешевле, чем здесь, ты книг в этом городе не купишь, слава богу, сколько лет друг друга знаем!.. Берешь?

– Возьму, наверное.

– Сейчас и кулек достану. Ведь в других местах... у них же наценка сумасшедшая! Вот, – ткнул он пальцем в книгу на прилавке: – Этот же Акунин в «Али и Нино» ровно на пять манат дороже! Точно такое же издание! Я, Мирза, в этом книжном деле всю жизнь кручуясь. Еще в советское время в железнодорожном парке за кинотеатром «Дружба» с книгами стоял! Каждую субботу и воскресенье. Хоть какая погода! Меня все знали! Раньше было хорошо, был я сам себе хозяин! Сдавал, скажем, Сименона или Агату Кристу по пятнадцать рублей. А брал я их у членков, когда по пятерке, когда за шесть, если уж очень популярная вещь. Чистого навара получалось рублей

семь, потому что с каждой книги надо было еще башлять участковому, чтобы не трогали... Рисковали, но рисковали за дело! Несли, как говорится, культуру в массы!

– Ты мне давай сказки не рассказывай, – неожиданно строго сказал Мирза Халил. – Не трогали тебя потому, что ты каждую неделю в комитете отмечался, доносы там строчил, кому какие книги продал, кто какими книгами интересовался! Ты же не одними только детективами приторговывал, а?

– Эх, при чем тут это, Мирза? Кто сейчас об этом помнит? По своей воле, что ли, я писал? Если бы не попался тогда...

– А на чем попался-то?

– Да из-за жадности! Честное слово, как дурака обвели! И ведь знал, что плохо все пахнет... Раз принесли мне книгу Авторханова «Технология власти», издание паршивенькое, шрифт мелкий. Принес знакомый один. Не близкий. Говорит, сдать можно за сотню, но есть риск. А я с этим никогда близко дела не имел. Мое – Агата Кристи, Жюль Верн, Сабатини. Думал, думал – и согласился. Меня сразу и повязали. Подстава это была. Что мне тебе рассказывать, Мирза, ты же сам в системе работал, знаешь, какие у вас там приемчики паскудные были...

– Я в комитете никогда не работал. И людей не закладывал...

– Да ладно тебе, Мирза! – отмахнулся торговец, его худое, плохо выбритое лицо приобрело вдруг плаксивое выражение: – Что теперь уж вспоминать... Я когда-то в хороший месяц продавал штук сорок книг, считай – получал больше инженера! Кому я мешал? Хватало и на хлеб, и на колбасу, и одеться-обуться. А сейчас?! – махнул он рукой. – За копейки стою здесь, ишачу на старости лет, приду с утра, стою за прилавком, как дурак... А раньше был сам себе хозяин, мог в любой ресторан зайти запросто, все меня знали, эх! Уважали! Книги доставать надо было... умоляли...

– Ладно, ладно, не начинай!..

– А сейчас надо уговаривать, чтобы у тебя книжку купили... Кому сейчас эти детективы нужны, у нас каждый день как детектив! Слышал, Мирза, что в «Палеолите» случилось? – спросил он, приободрившись.

– Слышал.

– Весь город только об этом и говорит!

– И чего говорят?

– А чего говорят, вроде все как бы понятно, у Искендера в России был компаньон, Ровшан, по кличке «Талыш». Не сработались они. Кинул он Искендера по крупному, хотел еще и убрать его, но не вышло. Искендер улизнул и здесь в Баку спрятался. А Талыш его высledил, приехал добить, да только не вышло, сам попался! Хотя, знаешь, все-таки дело это темное.

– То говорил – все понятно, а теперь говоришь – темное? – насмешливо спросил Мирза Халил.

– Как тебе сказать, Мирза, Ровшан этот, говорят, парень не очень крутой. Хотя про него распространяют слухи, что он, типа, чуть ли не в авторитете. Правда, сидел, но по глупости какой-то.

– Ну, а про Искендера что говорят?

– Про Рыжего-то? Да ничего. Ну, что богатый человек. Все, кто у него работают, довольны. Семьи, вроде, нет. Человек со связями. С большими яйцами, как говорится! Кто-то там наверху у него есть, из больших людей! – торговец многозначительно ткнул пальцем вверх. – А то, сам понимаешь, как бы он тут развернулся! Давно бы или налоговая замордовала, или вообще...

- Ладно, не болтай лишнего.
– А что я? Как будто сам не знаешь, как у нас все работает! Я только повторяю, что все остальные говорят.
– Меньше повторяй, целей будешь. Пошел я...

4

Встречу для конфиденциального разговора адвокат Ашумов назначил на половину седьмого в ресторане «Старый Тбилиси». Мирза Халил прибыл без опоздания. Адвокат уже ждал его: на столе стояли закуски, графин вина, свежая зелень. Столик, за которым они сидели, был в самом дальнем углу. Прежде, чем заказать горячее, выпили они по стаканчику вина. Накладывая на тарелку сациви с грибами и курицей, адвокат сразу же перешел к делу:

– Мирза, я говорю, прежде, чем спокойно поесть, давай разберемся с нашими делами! Еда любит приятную беседу, а какая уж тут приятная беседа, когда говоришь о законе, суде, деньгах...

– Есть какие-то новости?

– И очень даже хорошие, между прочим! – раскрасневшееся от вина лицо адвоката расплылось в довольной улыбке. – Есть отличные новости! Я же обещал, что результат, Мирза, обязательно будет! Когда я берусь за дело, результат всегда есть!

– Хорошо. И что за новости?

– Ладно, слушай. Были у меня кое-какие ниточки, – сказал адвокат, наклонившись над столом, насколько позволял ему его огромный, выпирающий из полурастянутой рубашки пивной живот. – В суде, Мирза, шансов у нас, сам понимаешь, маловато. Сам понимаешь, в нашей стране это, в принципе, несудебное дело. Позвонил я кое-куда, потянул за те самые ниточки, встретился кое с кем, и, как видишь, кое-что получилось.

– Пока еще ничего не вижу, пока только слышу, – спокойно ответил Мирза Халил.

– Сейчас все услышишь, Мирза! Так вот, узнал я очень важную вещь. Ты знаешь, кто владеет «Синдбадом»?

– Я же говорил тебе, с его отцом я когда-то вместе работал, ну, что ты, в самом деле?.. Если есть что сказать, давай уже, не тяни!..

– Ты думаешь, это Рзаев? А ничего подобного! Настоящий владелец фирмы... – для пущего эффекта адвокат взял цирковую паузу, в которой не хватало лишь барабанной дроби: – ... тот самый Алиоглу, про которого теперь каждый день все каналы говорят!

– Искендер, рыжий этот?

– Да, Мирза! Именно он! Владелец «Палеолита». Деньги – его, а твой бывший коллега, точнее, его сынок, – официально управляют компанией, обеспечивают прикрытие, контракты, лицензии, налоговую, и так далее.

Откинувшись на спинку стула, Мирза Халил задумчиво посмотрел на адвоката:

– И что из этого следует?

– Как, что? Ты не понимаешь?

– Пока не очень. Хорошо, не один, так другой владелец, как это меняет мою ситуацию?

– Мирза... – то ли от возмущения, то ли от самодовольства лицо Ашумов стало

еще краснее. – Ты сам говорил, что между тобой и этим твоим коллегой пробежала кошка, так? Я деталей не знаю, да мне и неважно. Это совсем другая история... Но если решение принимает не Рзаев, а Искендер – картина сразу меняется! Смотри сам, – он загнул на пухлой руке мизинец, украшенный массивным золотым перстнем с изображением звезды Давида. – С Искендером иметь дело гораздо легче, он бизнесмен и человек разумный, это все знают, раз! Второе, у Искендера сейчас проблемы гораздо серьезнее, чем твоя квартира. После всей этой пальбы в «Палеолите» на нем слишком много внимания, а у нас это очень не любят. И публика не любит, и там, на верху. Ты слышал, некоторые уже отменяют свадьбы в его ресторане, кому хочется платить кучу денег и праздновать свадьбу там, где трех человек уложили! Требуют деньги обратно. Это два!

– Это я знаю. У племянника должна была быть там свадьба в конце июня. Хотим теперь забрать задаток. Сестра хочет...

– Вот видишь, Мирза! А я тебе о чем говорю! Он теперь станет еще более сговорчивым...

– Или наоборот.

– Не думаю. Искендер бизнесмен, а не бандит. А твой этот Рзаев – работник системы. Ты уж извини меня за прямоту, Мирза, ты сам там работал когда-то... но если честно... – Ашумов хитро прищурился. – Методы-то у вас очень схожи.

– Ты имеешь в виду с бизнесменами или обычными головорезами? – уточнил Мирза Халил.

– Ты не обижайся, я этого навидался... Давай, Мирза, еще выпьем. – Он налил из графина вина. Чокнулись керамическими стаканчиками, выпили. Адвокат подцепил вилкой кусок сулугуни и, почти не жуя, проглотил его, следом, сложив пучком, он отправил в рот несколько веточек тархуна.

– Ладно. Пусть будет, как ты говоришь. Искендер человек разумный и с ним можно договориться. Договориться о чем конкретно?

– Тут мы и подходим к самому важному! – воскликнул Ашумов. – Я на самом деле уже договорился!

С видом победителя резко откинувшись назад так, что стул жалобно заскрипел под его весом, адвокат утер рот бумажной салфеткой, скомкал ее и бросил в тарелку:

– Мы выпьем сегодня с тобой не вина, Мирза, а чачи! Есть реально, что праздновать!

– Слушаю тебя.

– Ты что, не рад?

– Я пока не знаю, о чем идет речь. Может, хватит уже? Полчаса морочишь мне голову!

– Э, Мирза, на другого я бы давно уже обиделся! Честное слово, вот встал бы прямо и ушел! Но тебя я очень уважаю! Ты мне как старший брат. Ничего не могу с собой поделать, не могу на тебя обижаться, делай со мной, что хочешь!..

К столу подошел официант, спросил, не надо ли чего еще и нести ли уже горячее.

– Ты принеси, дорогой, нам бутылку какой-нибудь минеральной и минут через пять неси горячее. Умираю с голода, честное слово!..

Дождавшись, когда официант отойдет подальше, адвокат продолжил:

– Мирза, через одного человека передали мне новые условия. И эти условия такие. Подняли они сумму на целых десять процентов! Но и это еще не все, это ме-

лочь, сверху денег они дают еще и отличную квартиру! Отличную, клянусь могилой матери! На Монтина, три комнаты, балкон, я знаю этот дом! Архитектурный, сталинка, потолки четыре метра! У меня в этом доме сестра жила в угловом подъезде с мужем и детьми. В Канаду уехали! Шикарный район, прямо около метро, почти центр, можно сказать! Бывшая Левандовского, сейчас улица...

– А.М. Джума! Дурак ты, Ашумов, и болтун! – рассердился Мирза Халил. Достав из нагрудного кармана письмо, полученное от «Синдбада», развернул его и бросил на стол перед адвокатом. – Мне-то тебя рекомендовали как серьезного человека, знающего! Гонорары берешь астрономические, а что на деле?

Глядя исподлобья на Мирза Халила, Ашумов надел очки в золотой оправе. Читая письмо, шевелил он коричневыми губами и хмурился.

– Ну и что, Мирза? Просто они сообщили тебе раньше, чем я, и все дела!.. А кто, между прочим, все организовал-то, а?! Кто с ними встречался? Добивался?.. Клянусь могилой матери, ты меня очень сильно обидел! – сказал он расстроенно и снял очки.

– Никому бы я не позволил...

– Послушай, Ашумов, я тебя нанял для чего? Для чего плачу тебе деньги? Для паршивой квартиры на Монтина? Для этого?..

– Мирза, почему ты так говоришь! Это отличная квартира! Я сам не видел, правда, но я-то знаю! Архитектурный, потолки, балкон, два шага до метро – что еще надо, такая квартира сейчас стоит...

– Плевать, сколько она стоит! Мне нравится моя, и уезжать я из нее не хочу! Подумай об этом, Ашумов. – Продолжая сердиться, Мирза Халил поднялся с места. В это время к столу неслышно подлетел официант с подносом, на котором стояли блюда с горячим. – Позвони завтра утром и скажешь, сколько я тебе должен. В твоих услугах больше не нуждаюсь.

Всей своей массивной тушей поднялся над столом и адвокат.

– Да как же так?.. После всего, что я для тебя сделал! И это твое «спасибо»?.. Ты же умный человек, Мирза! Ты что, и вправду рассчитывал, что они вот так возьмут и остановят стройку и оставят тебя жить в этом доме? Может, еще извинятся за причиненные неудобства? Ты в каком таком мире живешь? Это же бред!.. Я-то думал, ты знаешь, что делаешь!.. Пойми, ничего уже нельзя остановить! Соглашайся!.. – брянился и причитал вслед уходящему Мирзе Халилу адвокат Ашумов. – Вот увидишь, твое упрямство оставит тебя на улице и без копейки на старости лет! Нет, это просто смешно, клянусь могилой матери...

Безнадежно махнув рукой, рухнул адвокат на стул и, подтащив к себе тарелку с дымящейся едой, стал быстро поглощать ее.

Уже на улице, окунувшись в фиолетовое марево, сплошь пронизанное неоновыми огнями рекламы и светом фар автомобилей, Мирза Халил вдруг успокоился. Раздражение, растущее в нем с того самого момента, как встретились они с Ашумовым в этом подвалчике, словно испарилось, постепенно уступив место необыкновенно ясному пониманию всей безнадежности своего положения. И едва ли не в первый раз по-настоящему, с тех пор, как бросил он курить много лет назад, вернулось острое желание затянуться горячим дымом и почувствовать табачную горечь во рту. Медленно пошел Мирза Халил вниз по улице, с каждым шагом все больше смешиваясь с пестрым потоком людей и машин, совершенно слившимся друг с другом в этот вечерний час. Увлекая за собой, повел его поток сквозь перекрестки, переулки и площади, словно через коридоры воображаемого лабиринта к некоей таинственной

цели. И вот за Дворцом Гейдара Алиева, уже на Самеда Вургуня, где-то впереди в толпе мелькнула ярко-рыжая голова. И ростом, и сложением рыжий никак не напоминал владельца «Палеолита». Да и вообще, было бы совершеннейшим абсурдом предполагать, что после всех известных событий будет тот вот так запросто гулять пешком без сопровождения. Однако даже понимая все это, легко убедил себя Мирза Халил, что идет следом за Искендером Алиоглу, что Искендер и есть та самая таинственная цель, до которой следует ему непременно добраться. Проснулся в нем охотничий азарт старого следака, прибавив шаг, стал он догонять рыжего, однако тот, словно почувствовав, что его преследуют, тоже пошел быстрее.

Вечер был душный. Все еще по-весеннему свежие кроны деревьев, вырванные из темноты восковым светом уличных фонарей, стояли неподвижно. Увлеченный преследованием, Мирза Халил быстро вспотел.

Перед кинотеатром Низами рыжий на мгновенье сбавил шаг, ловко прикурил от зажигалки. Мирза Халил почти уже догнал его, но тут рыжий, встрепенувшись, резко свернул влево и через несколько метров нырнул в дверь под ярко светящейся вывеской «Pub». Войдя следом за ним в полутемный переулок, Мирза Халил остановился перед входом в пивную в нерешительности.

Пятничный вечер только начинался, и клиентов в баре оказалось немного. На трех бильярдных столах шла игра. За стойкой, переговариваясь вполголоса, сидело несколько человек, среди которых разглядел Мирза Халил двух ярко накрашенных девиц в коротких обтягивающих платьях. Большинство столиков в глубине были не заняты. За один из них он и уселся, так, чтобы было удобнее наблюдать за посетителями. За барной стойкой на стене висел большой монитор, по которому крутили музыкальные клипы. У подсоччившего к нему официанта спросил он себе бокал немецкого пива.

– Есть свежие креветки, сардельки, отличные сосиски...

Из коридора, ведущего в туалет, вышел рыжий и присоединился к одной из компаний, играющих в бильярд. Разумеется, это был не владелец «Палеолита», более того, в концентрированном свете ламп над бильярдными столами казался он даже не совсем рыжим, а, скорее, ярким шатеном.

– Принеси-ка пока пива, а там посмотрим.

Официант ретировался в полусумраке пивной так же быстро, как и появился, оставив Мирзу Халила наедине со своими мыслями. Откинувшись на мягкую спинку кресла и продолжая краем глаза рассеянно наблюдать за рыжим, который успел застучать рукава белой рубашки и теперь с кием в руках стоял в ожидании своей очереди, Мирза Халил стал пытаться свести к единому знаменателю все бурные и странные события последних нескольких дней. Перед его мысленным взором мелькали вперемешку лица дурака-прораба, продавщицы лимонов, рыжего Искендера, адвоката, вечно обиженное, а потому глупое лицо его сына, с которым, в надежде оправдаться, продолжал он вести день за днем бесконечный диалог.

На столе перед ним возникло пиво и соленые орешки в вазочке. Одним глотком он отпил чуть не половину высокого бокала и почувствовал, что голоден. Не долго думая, помахал он официанту.

Вышел Мирза Халил из пивной лишь в половине десятого, слегка навеселе. Счет за три бокала пива и съеденные сардельки оказался неожиданно высоким и несколько подпортил настроение. Однако, несмотря на это, причудливая погоня за рыжим игроком в бильярд принесла свои плоды: продолжая во время ужина с пивом

и сардельками размышлять о последних событиях, сложил он в уме почти все, прежде казавшиеся разрозненными элементы паззла, встали они на место, сложившись в цельную картину. Остались лишь некоторые, незначительные детали.

Вернувшись пешком домой, не переодеваясь, вышел он выгулять пуделя. Чувствуя хорошее расположение духа хозяина, собака в этот раз дольше, чем обычно, крутилась вокруг чахлых кустов и даже сбегала к неподвижно стоящему темным силуэтом экскаватору и помочилась ему на гусеницы.

На часах было почти одиннадцать, когда Мирза Халил набрал номер мобильника Ашумова. Тот отозвался лишь после четвертого или пятого звонка.

– Что, отвечать не хотел?

– Мирза?.. Не ждал! А сказал, что иметь дел со мной больше не хочешь! – развязно ответил Ашумов. Судя по голосу, был он в подпитии.

– Говорить можешь?

– Говорить, конечно, могу. Только вот о чем? Сам сказал, что услуги мои тебе больше не нужны.

– Как я сказал, так и есть. Судиться с «Синдбадом» отменяется. Заявление заберешь. Это своим чередом. Но это не все.

– А что еще?

– Нужна мне от тебя кое-какая помощь. Не бесплатная, конечно. Слушай меня, Рафаил, внимательно, – Мирза Халил сделал небольшую паузу. – Ты, Рафаил, человек ушлый. Везде бываешь и всех знаешь. Мне нужно, чтобы ты раздобыл для меня кое-какую информацию. Все, что сможешь. Но очень быстро. Короче говоря, все, что касается перестрелки в «Палеолите» и Искендера.

– Э, Мирза, зачем это тебе? – явно трезвея, спросил Ашумов.

– Слушай, Ашумов, не набивай цену. Тебе это сделать несложно. За дельные сведения я заплачу, не пожалеешь. Главное, узнай, что у Искендера случилось в России до того, как он сюда приехал. Я же не прошу у тебя полного досье на него. Погдумай. Все это мне нужно до завтрашнего вечера.

– Да когда же я успею? – возмутился адвокат. – Это просто нереально!

– Давай, давай, Ашумов! Нет ничего невозможного. Особенно для тебя! Ты же у нас лучший адвокат в городе! Или нет?

Мирза Халил повесил трубку. Посидев с минуту неподвижно, подался он вперед и погладил пуделя, дремлющего у его ног.

– Такие вот дела, брат! – пудель повел ушами. – Теперь нам остается с тобой только ждать и надеяться. Как ты думаешь, нарочито этот болван что-нибудь интересное?.. Сомневаешься? Честно говоря, я тоже. Может, вообще не стоило ему ничего поручать? Вдруг как-нибудь напортачит?.. А впрочем, ты же знаешь его, он хотя и жадный до денег, но очень осторожный. Так что давай смотреть телевизор. Сейчас вот только чайник поставлю и переоденусь.

Истерически зазвонил телефон.

– Наверняка, опять Сара! – сказал Мирза Халил и, надев очки, стал проверять номер на телефонной трубке.

5

Почти всю поездку Мирза Халил хранил задумчивое молчание, и лишь когда впереди уже отчетливо стала видна розовая реклама «Палеолита», вдруг перебил

Эльмара, рассказывающего свежий анекдот:

– Я так подумал... ты вот что, со мною не ходи, оставишь меня у входа и отъезжай. Потом вернешься за мной через час.

– Вот тебе раз, дядя! С чего это?

– Так надо. Мне с этим рыжим кое о чем нужно переговорить.

– С Искендером? Да о чем ты с ним будешь говорить?! Он же не отказывается деньги вернуть! Мама сказала: подъехать, забрать деньги и все! Что за дела, дядя...

– Послушай, говорю, так надо. У меня с ним небольшое дело. Не по твоему поводу. А деньги я сам заберу. И маме твоей говорить необязательно. Короче, покрутишься где-нибудь часок и возвращайся за мной. Тебе что, трудно это сделать?

– Да не трудно мне ничего, просто не понимаю, что у тебя за дела с ним могут быть!

– Честное слово, ты стал, как твоя мать! Такой же приставучий!.. Знакомый собирается бизнес начинать в Тюмени, попросил кое-что узнать...

– Дядя, кончай мне вешать!..

– Ты лучше скажи, где мой мобильный телефон!

– Какой еще телефон?

– Ты же обещал мне подарок...

– Да с этой свадьбой у меня в голове все уже перемешалось! Поезжай туда, погружай сюда, закажи цветы, да не такие, а такие, чтобы подходили под платье Нармин... С ума сойти можно, честное слово! Договорись с этим, договорись с тем... Ношусь, как угорелый, по городу! Только бензин успеваю заправлять! Знаешь, сколько народа в «Палеолите» свадьбы отменили после этой стрельбы и за три дня все приличные рестораны разобрали? Представь, на июнь почти ничего нормального уже не осталось!

– Ладно, ладно! Просто никто тебя за язык не тянул... Сам предложил.

– Значит, сделаю, только дай время!..

Подъехали они к «Палеолиту».

– Так что, мне в машине сидеть целый час?

– Точно, как твоя мать, вообще не умеешь слушать! – проворчал Мирза Халил, открывая дверцу. – Я же сказал, уезжай, ждать меня здесь не надо. Вернешься через час, то есть в половине девятого. Плюс-минус минут пятнадцать.

– Ты уверен? А вдруг ты еще будешь внутри? Как я узнаю, мобильного же у тебя нет?

Мирза Халил вышел из машины, пригладил седые волосы, наклонился к окну:

– Если в девять меня все еще не будет, уезжай домой. Доберусь на такси.

– Куда? С целой кучей денег на такси?

– Разберусь.

Мирза Халил повернулся и уверенной походкой направился к задней стороне ресторана.

– Дядя! Дядя!.. – окликнул его Эльмар, но Мирза Халил, не поворачивая головы, отмахнулся.

Со времени прошлого визита деревянную дверь с глазком сменили на тяжелую сейфовую. Поднял Мирза Халил голову и посмотрел в камеру, висящую в углу. Через пару минут дверь открыли. Вместо долговязого Хасана увидел он плотного молодого человека с почти квадратным лицом.

– Мы договорились... – начал было Мирза Халил.

– Знаю, проходите. – Перебил его молодой человек и, махнув рукой с рацией в глубину теперь ярко освещенного коридора, спросил: – Дорогу знаете?

Мирза Халил кивнул.

Опять, как и в прошлый раз, прошел он немного вперед под всевидящим оком камер, пока коридор не свернулся вправо. Спустившись вниз в полпролета, оказался он в подвале, откуда и прошел в офис Искендеря Алиоглу.

На этот раз рыжий хозяин ресторана сидел во главе стола в высоком председательском кресле с вензелями. Однако во внешности его произошли разительные перемены: роскошная огненно-рыжая шевелюра исчезла, был он обрит наголо, и теперь лишь легкая рыжеватая патина на верхушке его массивного черепа напоминала о цвете его волос. От былого, несколько назойливого радушия также почти ничего не осталось. Лишь приветственно махнул он Мирзе Халилу и знаком пригласил сесть.

– Помню! – сказал Искендер, бросив взгляд на Мирзу Халила сквозь очки. – Значит, тоже решили свадьбу отменить? Что ж... Понимаю. Где у меня тут было записано... сейчас!

– Сестра настояла.

Рыжий ничего не ответил. Развернув толстый блокнот на заложенной странице, ткнул он пальцем в самый верх, медленно спустился к середине:

– Ага, здесь вот: июнь, 250 гостей, пять тысяч задатка, все правильно? Записано: Эльмар и Нармин, телефоны...

Приподнялся Искендер со своего председательского кресла, открыл сейф, стоявший по правую руку от него, и выудил оттуда конверт.

– Ровно три пятьсот, бери, аксакал, и пусть твои молодые будут счастливы!

– А почему не пять? – удивился Мирза Халил.

– Как почему? Все справедливо! Свадьба, считай, через две недели, мы продукты закупили, подготовили все, музыкантам дали задаток – а как же? Одни убытки! Вообще-то, я мог бы ничего не возвращать! Сам, наверное, знаешь, какой порядок, если все отменяется в последний момент, задаток остается у меня. Это тебе, аксакал, любой скажет! Просто я не такой человек! Мне чужого не надо. Я все понимаю, свадьба, расходы... Ну, а я-то в чем виноват? Кто мои убытки покроет? Если передумаете, буду рад. Свадьбу сыграем по самому высшему разряду! Я вам еще и скидку хорошую сделаю. Клянусь могилой матери!.. Вот, смотри, тут у меня целый список тех, кто от «Палеолита» не отказался. – Рыжий показал листок бумаги. – А нет, как хотите! Навязываться не стану. Так что решаем?

– Это не я решаю. Жених и невеста решили перенести свадьбу в другой ресторан.

– Ну что ж, пусть будут счастливы! Тогда, аксакал, бери деньги и доброго тебе пути! А у меня, извини, еще полно дел.

Мирза Халил дотянулся до конверта, который Искендер толкнул по полированной поверхности стола в его сторону, подержал его в руках и положил обратно на стол.

– А что, здесь камер нет, как я понимаю? – спросил вдруг Мирза Халил почти равнодушно. Рыжий, делавший вид, что просматривает бумаги, лежавшие перед ним, поднял голову и с интересом посмотрел на Мирзу Халила.

– Камер?

– Камер наблюдения.

– А что? При чем тут камеры?

– Просто странно. Повсюду камеры. Над входом, в коридорах, на лестницах, а тут, в офисе, как будто нет ни одной камеры.

– А тебе какое дело, есть у меня тут камеры или нет? – неожиданно грубо спросил Искендер. – Ты деньги получил? Иди себе, доброго тебе пути!

– Я понял. Я сейчас уйду, – ответил Мирза Халил все так же спокойно, не меняя позы. – Но, прежде чем уйти, хочу вам сказать, что именно деталь с камерами наблюдения в первый мой визит как раз и навела меня на кое-какие мысли. Клянусь моей матерью! – добавил он с явной иронией.

Лицо Искендера потемнело:

– Слушай, если есть, что сказать, говори! А если ты мне пришел сюда голову морочить...

– Хорошо. Я кое-что расскажу, а вы мне скажете, прав я или нет. Много времени не займет, всего минут десять-пятнадцать вашего времени.

Рыжий, продолжая буравить Мирзу Халила тяжелым взглядом, ничего не ответил.

– Считай, договорились!.. Так вот, я все не мог придумать, как начать наш разговор. А потом пришло само собой. Как говорится в старой притче, где лучше всего прятать горох? Не в кармане, не в амбаре, а в мешке с таким же горохом, конечно. Вот я и подумал, если горох лучше всего прятать среди гороха, то где легче всего спрятаться человеку, который от кого-то бежит? Ну, например, от своего криминального компаньона, который хочет его убить? Само собой, лучше всего спрятаться в большом городе, затеряться среди людей! Так вот, человек, про которого я рассказываю, так и поступает. Приезжает он в родной город, но вместо того, чтобы лечь на дно, вдруг берет и открывает самый модный на всю столицу Дом торжеств, да еще под самым идиотским названием, которое ни с каким другим не перепутаешь, да еще вешает гигантскую розовую неоновую вывеску! – торжествующе улыбнулся Мирза Халил и сложил руки на груди. – Кроме того, человек этот... скажем так, имеет яркий цвет волос от рождения. Ну, волосы, конечно, с возрастом седеют, становятся менее яркими, а если стричь их коротко, не столь и заметными. Но наш человек особый, не дает никому ни на минуту забыть о цвете своих волос, отращивает на голове целую копну и, уверен, подкрашивает их! Чтобы ни с кем его не перепутали в массе брюнетов!

– Я волосы никогда не красил, не было нужды, – вдруг холодно сказал рыжий.

– Ну, в чем-то я могу и ошибаться, – парировал Мирза Халил. – Дальше рассказывать?

– Обязательно. Только вот дверь закрою. – Искендер прошел к двери, ведущей в коридор, и закрыл ее на ключ. – Раз уж ты у нас такой сочинитель, отчего не послушать. Продолжай!.. Хотя нет, еще секунду!..

Достал он из кармана брюк мобильный телефон и, прищурившись, набрал номер.

– Я тут занят буду... Полчаса, может, час. Примешь людей, если надо. Звони, если только что-то срочное. Все.

Вернулся Искендер на свое место.

– Я слушаю. Продолжай, пожалуйста.

– На чем я остановился?.. Ах, да, Этот наш человек опасается своего подлого компаньона, и поэтому ходит везде только с телохранителем. Что, в общем-то, понятно. Но среди кучи возможных вариантов выбирает он, как бы это сказать, самого экзотичного – длинного худого бородатого кабардинца. Я, конечно, извиняюсь, но

нашему этому герою не хватает только пиратской треуголки и какого-нибудь попугая на плечо!

– Ну, ну! – улыбнулся рыжий. Выбив из пачки сигарету, он закурил, подвинул к себе бронзовую пепельницу. – Ты куришь?

Мирза Халил отрицательно покачал головой.

– Бросил. Давно уже. И вам советую.

– Да, да, все знаю, но привык очень. Вот, пытаюсь уменьшить. Перешел на лайт. Да куда с этим бизнесом... Сплошная нервотрепка!.. Хорошо, и что дальше с этим рыжим-то? – усмехнулся хозяин «Палеолита» и провел рукой по своей рыжеватой патине. – Что он натворил дальше?

– Ну, а дальше спрятался он в подвале собственного Дома торжеств. И вроде бы все логично: мой дом – моя крепость. Все правильно, но только на первый взгляд.

– Интересно.

– Например, входная дверь, ведущая в его офис, не железная, как можно было бы предположить, а самая простая, деревянная. Можно сломать одним хорошим пинком. И даже охраны у двери нет! Зато, правда, есть камера слежения. И вообще эти камеры повсюду! По всем коридорам! Самое интересное, что света в коридорах почти нет, зато инфракрасные камеры имеются! Очень удобно!..

– Для чего удобно?

– Вот тут-то и начинается самое интересное! – Мирза Халил подался вперед. – Я уже говорил, что если прятать горох, то логичнее всего положить его в мешок с таким же горохом. Попробуй, найди. А что, если задача иная? Что если цель не спрятать горох получше, а наоборот, сделать так, чтобы его непременно обнаружили? А?.. Вот для чего нужен был весь этот маскарад! Владелец модного ресторана «Палеолит», к тому же еще и с рыжими волосами, попробуй не заметить такого! Разгадка самая простая, вся затея не для того, чтобы спрятаться от кого-то, а для того, чтобы этого самого «кого-то» поймать в капкан! Как говорится, ловушка на живца!

– Ага, и этот кто-то – Ровшан, мой бывший компаньон. Так?

– Именно! Просто, но эффективно! – Мирза Халил довольно улыбнулся. – Другое дело, что слабым звеном этой версии для меня долго оставались мотивы того же самого Ровшана. Ну, хорошо, если все произошло так, как ты рассказывал, зачем ему было рисковать, ехать сюда, чтобы убить? Он отжал у тебя компании, получил все, что хотел, зачем ему ты тогда вообще нужен? Нелогично. Были у меня разные догадки на эту тему. Но сегодня, когда я получил кое-какую информацию, все сразу стало на свои места! После перестрелки здесь прокуратура делала запрос в Тюмень на Ровшана. Оказывается, два года назад это он, а не ты попал под следствие, и это его, а не тебя пытались убить... В него всадили две пули в подъезде дома, где он снимал квартиру. Он выжил и исчез. Лег на дно.

Искендер затушил сигарету в пепельнице и резко отодвинул ее от себя.

– Так что история про компаньона-кидалу чистая правда. Только... наоборот! Не тебя кинули, а ты кинул Ровшана. Отжал компании, его подставил под прокуратуру, а когда его неожиданно для тебя выпустили, попытался убрать. Не получилось. Ровшан исчез из поля зрения. Но, рано или поздно, все равно бы всплыл где-нибудь и достал тебя. Ты вытащил все деньги из бизнеса и сорвался в Баку! А здесь ты придумал для него ловушку. Он в нее и попался. При первой нашей встрече ты сказал мне, что любишь рыбачить, и что бизнес – как рыбалка, нужно уметь забрасывать удочку с правильной наживкой и ждать. Ты сам, можно так сказать, дал мне под-

сказку. Ты и вправду отличный рыбак!

Рыжий рассмеялся.

– Да, ничего не скажешь, с фантазией у тебя все хорошо, Мирза. За пять минут целый детектив насочинял! Клянусь могилой матери! Можно кино снимать! Ну, хорошо, предположим, все так оно и было. Что ж, кроме тебя одного никто больше не догадался? Ты один такой умный? Сам говоришь, запрос делали, чего же меня не арестовывают?

– Ну, это как раз понятно почему, прямых доказательств нет. Одни догадки. Одни сплошные догадки! А потом, как ни крути, Ровшан заявил сюда с оружием, пришел по твою душу. Так что формально все чисто! Все эти твои камеры наблюдения для того и нужны были, чтобы предъявить доказательства в случае расследования. Самооборона! Не придерешься. Ты все точно рассчитал. И главное, как удобно, камеры есть везде, кроме твоего офиса. Здесь же нет камер?

– Конечно, нет! – улыбнулся Рыжий. – Ты думаешь, я стал бы с тобой такие разговоры вести при включенных камерах? Я что, Мирза, по-твоему, похож на придурка?

– Все правильно! Так что, думаю, у Ровшана с самого начала не было никакого шанса. Ты и твой кабардинец ждали его здесь и хладнокровно прикончили. И его, и второго, который был с ним. Кстати, кто этот второй?

– Дальний родственник Ровшана, недавно откинулся с зоны.

– Понятно. А что, кабардинца они реально тяжело ранили, или ты сам решил прикончить его за то, что много чего знал?

Искендер криво усмехнулся и прощедил сквозь зубы:

– Думай, что говоришь. В него стреляли из их оружия.

– По-твоему, я не знаю, как это делается?

– Что ж ты мне сразу не сказал, что ты бывший мент? А то – «в архиве работал»...

– Ну, во-первых, потому, что я не бывший мент, а бывший следователь прокуратуры. Во-вторых, какое это имеет значение. А в третьих, откуда тебе известно, что я работал в системе?

– А я вас носом чую! У вас у всех запах особый. А город тут маленький, народ шустрый, все друг про друга всё знают, или думают, что знают!.. Расстроил ты меня всеми этими разговорами, Мирза! Куда уж тут курить бросать! Нервы, нервы! Надо бы в Карловы Вары съездить, водички попить... Хочешь коньяку?

– Можно, – после небольшой паузы согласился Мирза Халил.

– Вот и отлично! – Рыжий достал из сейфа фигурную бутылку Hennessy и два пузатых коньячных бокала, разлил коньяк. – Вот лимон. Угощайся.

Выпив одним махом свой бокал, Искендер налил себе еще и закурил.

– Ладно, Мирза. Ты меня уж извини, но надоело мне тебя слушать. Ничего нового ты мне уже не расскажешь, всю эту историю я и без тебя отлично знаю. Давай-ка поговорим лучше о том, что нам со всем этим делать дальше.

– Давай!.. Отличный коньяк!

– Не стесняйся, наливай еще! Дай мне свой бокал! Вот так! – плеснул он Мирзе Халилу еще коньяка. – Раз ты ко мне пришел, значит, что-то тебе надо. Денег, что ли, хочешь?.. Ты говори, не стесняйся, а то засиделись мы тут с тобой!

Мирза Халил прожевал, не морщась, дольку лимона. Тщательно вытер пальцы и рот салфеткой.

– Денег мне не надо. Но есть у меня к тебе одна просьба, большая или ма-

ленькая, это как посмотреть.

– Ну, ну! И что за просьба?

– Я знаю, что ты владеешь строительной фирмой «Синдбад».

– Не я один ею владею.

– Вы строите дом около Молоканки.

– Строим. Тебе-то что? Квартиру там хочешь? А не жирно тебе будет?

– Подожди! Выслушай! Я живу в том доме, который вы пытаетесь снести. Понимаешь?

– Ага... – Рыжий удивленно взглянул на Мирзу Халила. – Так ты что, и есть тот старый пердун, который оттуда выезжать не хочет? Ни фига себе, какой фокус! – хлопнул он себя по колену. – Кто бы подумал! Это ты, что ли, прораба избил?

– Просто немного поучил уважать старших.

– Вот не ожидал! А я-то думаю, чего это он мне тут свои детективные истории вкручивает!.. Тесен мир! Честное слово, не ожидал! А вроде пожилой человек! Прораб парень здоровый, килограммов сто...

– Здоровый-то он здоровый, только очень тупой!

– Да, Мирза! Вот где настоящий детектив! Уважаю!.. Только что тебе надо от меня? Чтобы я твой клоповник не трогал? Сам-то ты понимаешь, что тут никаких вариантов быть не может?.. Это, брат, уже и от меня даже не зависит, это же все-таки центр города! На самом высоком уровне добро получено!.. И вообще, не пойму, тебе, что, денег мало предложили? Или что? Тебе же еще квартиру сверху того дают, тоже мало? Сколько же ты хочешь? Не понимаю... – Одним глотком допив коньяк, Искендер уставился на Мирзу Халила налитыми кровью глазами. – Объясни наконец!

– Хочу жить там, где живу.

– И все?

– И все!

– И денег тебе не надо?

– За мою квартиру нет. Хочу жить там, где жил всю жизнь...

– То есть ты у нас принципиальный... Вот, смотри, из-за тебя уже третью сигарету закуриваю! А сегодня, между прочим, я собирался в два раза сократить дневную норму! – рыжий прикурил от зажигалки и, глубоко затянувшись, наклонился вперед: – Послушай, Мирза, а с чего ты решил, что я вообще стану для тебя что-то делать? Хочешь на понт меня взять? Думаешь, испугаюсь твоих дурацких фантазий, а? Ты лучше скажи, за что тебя из прокуратуры погнали? Только не рассказывай мне, что за принципиальность, и что ты сам оттуда ушел! Это все для кино и сериалов! Облажался, видать, по-крупному! Кому-то что-то не додал? А, Мирза?

– Думай, что хочешь.

– Вот ты тут пытаешься шантажировать меня, а чем? Доказательств-то у тебя все равно никаких... пшик! Ни одного! Ты понимаешь, что тебя никто даже слушать не станет! Хоть к кому иди! А я могу прямо сейчас вызвать сюда одного из телохранителей, их у меня много, и все вопросы сами собой решатся! О-о-чень быстро!

– Давай, зови, – холодно сказал Мирза Халил. – Будет еще один труп в твоем ресторане. Прессе понравится эта история. А заодно и всем остальным.

– А трупа и не будет. Тебя найдут где-нибудь на окраине города, и все дела! Как тебе такой вариант?

– Послушай, Искендер, неужели ты думаешь, что я об этом не подумал, прежде чем прийти сюда? Что я, по-твоему, девчонка малолетняя? Да и потом, не такой ты

человек, трупы ты не любишь! Ты же не приблудненный Ровшан, ты бизнесмен! Ты прав, доказательств у меня мало, косвенные улики одни. Но скандалов и разговоров у нас не любят, ты это знаешь не хуже моего, а у тебя серьезный бизнес. На тебе и так много внимания после этой стрельбы здесь. Слишком много внимания! И потом, ты не понял, я пришел к тебе с просьбой, а не с требованием. Посмотри на меня, я пожилой человек. Дай мне дожить там, где я жил всю свою жизнь. Это в твоих силах. И это все, что я прошу у тебя.

Наступила долгая пауза. Рыжий курил, глядя куда-то в глубину офиса, стучал пальцами по столу. Наконец, откинувшись на спинку своего директорского кресла с вензелями, он перевел взгляд на Мирзу Халила.

– Черт с тобой! Считай, что договорились. Но предлагаю только один раз. Второго предложения не будет, Мирза! Значит, так, клоповник твой все равно снесут. Тут все решено, и остановить это никто не сможет. А через год там будет стоять новый дом со всеми наворотами, лифтами, охраной, подземным гаражом и прочим. Получишь в этом доме квартиру. Больше той, что сейчас. Квартира будет «под маяк», деньги-то на ремонт найти сможешь?

– Постараюсь.

– Когда дойдет до этого дела, помогу людьми. Дам тебе того же прораба, которого ты избил, – усмехнулся Рыжий. – А пока поживешь годик в квартире, где она там, на Монтина, кажется. Если согласен, завтра-послезавтра тебе занесут все бумаги, просмотр, подпиши. Но не тяни с этим. Дом твой мы собираемся сносить месца через полтора. Так что, начинай собираться.

Мирза Халил поднялся с места, взял со стола конверт с деньгами и снова положил его на стол:

– Тут кое-чего не хватает...

– Да, кстати.. – Рыжий достал из сейфа пачку денег, быстро отсчитал пятнадцать купюр и, сложив, подтолкнул по полированной поверхности стола к Мирзе Халилу. – Тысяча пятьсот. Теперь в расчете, надеюсь... А все-таки, интересный ты фрукт оказался! Никак не ожидал! Но только не думай, ради бога, что ты меня взял на испуг!

– Я и не думаю.

6

Выходи из дверей, Мирза Халил с удовольствием вдохнул свежий воздух, медленно пошел вокруг здания к центральному входу. Посмотрел на часы: было почти десять. Значит, добираться придется на такси. Он зашагал быстрее и вдруг заметил на парковке перед рестораном знакомую светло-голубую тойоту и Эльмара, ожидающего его у машины.

– Дядя!..

– Я же сказал тебе не ждать после девяти!

– Просто я подумал...

– Подумал он! – проворчал Мирза Халил, садясь в машину. – Когда ты, наконец, научишься слушать и понимать с первого раза!

– Я тут, дядя, ребят с собой захватил. На всякий случай.

– Каких еще ребят? – Мирза Халил оглянулся.

С заднего сидения его приветствовали два молодых человека спортивного вида и в спортивных же костюмах.

– Дворовые ребята, Али энд Вели, они близнецы, дядя, дзюдоисты! Думал, мало ли что... – Али и Вели по очереди протянули руки Мирзе Халилу. – Просто ты, когда уходил, такого туману напустил, я подумал, что придется тебя оттуда выручать!

– И как ты собирался меня выручать? Штурмовать «Палеолит»? С Али и Вели? Или еще кавалерия на подходе?

– Да ты, дядя, не знаешь этих ребят, они реально головой стены пробивают!

– Хорошо, хорошо, поехали уже, давай... – Мирза Халил глянул в зеркало заднего вида на одинаково квадратные лица Али и Вели. – Чемпионы, вы в бильярд играете?

Братья дружно закивали.

– Может, тогда попьем пивка, сыграем партию, другую? Я тут случайно забрел в один бар за «Низами» – хорошие столы. И пиво тоже хорошее! Угощаю!

– Гуляем! Поехали! – воскликнул Эльмар, запуская мотор. – Только маме позвоню...

Домой Мирза Халил попал уже заполночь. На чердаке пустого здания возбужденно кричали кошки. Открыл он ключом дверь, включил свет, с облегчением стащил с отекших ног туфли и сел в коридоре на невысокую оттоманку. Пудель спал на коврике, трогательно уткнувшись кудрявой мордочкой в стоящие в углу тапочки Мирзы Халила.

– Слушай, ты не помнишь, куда я дел книгу с рассказом этого мексиканца, как его там звали? Про лабиринт? Хорхес, что ли?.. Мне тогда рассказ не понравился, а теперь я думаю, как это он здорово придумал насчет лабиринта-ловушки... Чего молчишь? Обижаяешься?.. Обижаяешься! Я знаю, виноват, оставил тебя одного на весь вечер! Зато у меня для тебя новости! И очень хорошие новости, между прочим! Никогда не угадаешь! – Мирза Халил сделал паузу. – Мы их дожали, брат! Представляешь, нет?! А ты не верил! Мы остаемся здесь! Ты понял? Ты слушаешь или нет?.. Что говоришь?.. Что?.. Ах, это! Я и не говорил, что мы их на все сто процентов победим, но ты же понимаешь, что у них на сто процентов выиграть просто нельзя! Невозможно, говорю я тебе! Они же передергивают зары, прячут карты в рукаве, жульничают, как могут! И каждая победа над ними – неважно, пусть даже маленькая, – все равно победа! Понимаешь ты это или нет? Слышишь? Не хочешь со мной разговаривать?.. Э, да ты даже и воды не пил...

Опустившись на одно колено, Мирза Халил погладил пуделя. Тот лежал, не шелохнувшись. Нос его был сухим и холодным. Выключив свет, сел Мирза Халил на оттоманку и так просидел в полной темноте с полчаса. Потом, стараясь не шуметь, сходил в спальню за пледом, который расстелил в коридоре на полу, переложил на него пса, туда же положил его миски, резиновые игрушки и ошейник, завернул все это и, осторожно взяв сверток на руки, вышел из квартиры.

Кирку и лопату взял он из сколоченной наспех рабочими «Синдбада» каптерки: сбил замок камнем. Выбрал Мирза Халил место позади дома, между кустами жимолости. Долго рыхлил он киркой сухой суглинок, стер в пузыри ладонь правой руки.

Опуская пуделя в вырытую им яму, он вдруг вспомнил, что у собак есть своя звезда – Сириус, самая яркая звезда в ночном небе. Стал искать он ее среди россыпи звезд, но так и не определил, какая именно, каждая новая казалось ярче предыдущей.

Вернулся Мирза Халил инструменты в каптерку и отправился домой.

Спать.

День Смешного Зверька

Так случилось – ошибся.
Думал –
соседи готовят
на масле,
шкворчащем громко
(соседи мои постоянны,
как газ и вода –
хлопают дверьми,
и вообще,
грузят мозг так,
что частенько
свербит в печёнке...).

Аберрация слуха –
то не соседский обед,
а танцующий на площадке
майский дождь.
Повременю с прогулкой...
Легкий ужин,
сладкий с лимоном чай –
устоявшийся мой рацион...
(Случись турнир по режиму –
был бы я чемпион...)

Ливень кончился –
выхожу...
Ароматы грозы знакомы.
Вспомнил Бродского –
у него в строке
пахло мятой и резедою...
Вот и здесь воздух полон
какой-то фигней,
зеленою – как недозрелый томат –
тоской...
И уши заложены ватой.

Иду вразвалочку,
словно плыву.
Мимо парней,
шашлык жующих;
мимо девок,
себя продающих;
мимо компаний

и пар разношерстных,
по городу
праздно бредущих...

Мимо баров, кафе,
сквозь гул голосов...
Время к полуночи –
яблоку негде упасть...
Я бы тоже вот так посидел,
но в одиночку –
не в масть...
Да и форму нельзя терять.

...Мимо – нищенки,
что заставляет дочь
просить подаяние...
Разве ты мать?!..
Где взять слова
в ее оправдание?..
Впрочем, а ты кто такой?..
Других не суди –
иди...
Тоже, небось, не святой –
мне бы себя найти...

...Мимо – толстой
пушистой кошары,
обитающей в нашем дворе,
единственной,
кто мне рад...
Пальцем прижму влажный нос –
в ответ она скажет:
– Мур-р-р!..
Что в переводе с кошачьего
(хоть и темно сейчас)
означает, уверен –
«бонжур»...

Вверх два пролета –
моя Голгофа...
Вот, собственно,
все.
Закончен
День Смешного Зверька –
Сурка...
Ночью стыло и пусто –
ах, злодейка-судьба! –
но автору не привыкать,
и не на кого пенять...

Незнакомке на бакинском бульваре

К жалобам привык и равнодушен
Этот Каспий, хмурый и седой...
Не смотрите вдаль,
    не бередите душу –
Я за вас замолвлю слово пред судьбой.

Плеску волн с теплом ладоней
    не сравниться...
На удачу скав покрепче кулаки –
Подойти?.. Чтобы спокойно объясниться...
Нет... Не пустит сердце за флагки...

Нечто

Осенняя лужа –
    ванна пернатым...
Воздух прозрачен, сладок на вкус.
Не предназначен никто быть распятым...
Что-то витает... Сглазить боюсь.

И даже если оно показалось,
И сердце, как компас, обманет опять –
Эту последнюю малую малость
Не захочу ни на что променять...

Подłość и Правда

Подłość – она симпатичная,
Спортивно-киногеничная...
Бодренькая, циничная,
Ухоженно-эротичная...

На премьерах тусит,
    суши кушает,
На трибунах звездит,
    виски глушит...
Жизнь ее сыта и размеренна –
Подłość в себе уверена...

А правда – с улыбкой наивною,
В наживе не креативная,
Проще сказать – дура дурою,
И – с неспортивной фигурою...

Встав спозаранку, на смену идет,
Крутит баранку, кубик кладет –
Рубаха от пота прелая...
У правды судьба –
не белая,
У подлости...
Алаверды.

МАРАТ ШАФИЕВ

Стихи одного дня

***

Доколе эти страдания,
доколе это счастье?..
До первой (последней)
сердечной колики.

***

Жена кричала, что я умер
пришли люди, кричали: он умер
я кричал, что не умер
предки, окружившие меня, кричали: не умер
О чем кричал новорождённый младенец?..

***

Раскручивает волчок мироздания,
с визгом и гулом
покачивающийся по оси;
встряхивает стеклянный шар Вселенной,
любясь взметнувшейся звездной пылью...
Боже,
никогда не уставай быть ребенком –
но не трогай спичечный коробок,
начиненный боеголовками...

***

Это мы,
узнающие друг друга
по запаху
свежевыпеченных стихов.

***

В книге
сгруппированные по датам
стихи –
маленькие могилы
нас самих

***

Ты приговорен
пожизненно
к пожизненно расписанному времени:
шаг влево, шаг вправо
карается высшей мерой –
судьбой

***

И если жизнь –
это биохимия,
а мысль – форма энергии,
тогда остается последний вопрос:
зачем нам эта Любовь?..

ЛАЧИН

Чёрная награда соch. 91

Поэт-изгнаник, устроитель ада,
Стопой уверенной девятый круг
Переступивший... Мне бездонных мук
Перечисленье – горькая отрада.

И я готов с тобою до упада
Их лицезреть, переборов испуг.
Неизлечим точащий нас недуг,
Твоё соседство – чёрная награда.

Стрелой поражены одной потери,
Через кошмар дорога к нашим пери,
Сквозь легион трёхстиший и чертей.

Иуда, Фарината, Капаней...
И на пороге инфернальной двери
Возьму вожатым Данте Алигьери.

ФИРИДУН ШУШИНСКИЙ

НАШЕ ДУХОВНОЕ БОГАТСТВО

*Я влюблен в мугам. Я очень люблю мугам.
Азербайджанская музыка основана на мугаме.*

Самед Вургун

Поэт прав. В этих словах заключен глубокий смысл и неоспоримая истина. Потому что гениальность любого народа отражается в первую очередь в музыке и поэзии. Развитие азербайджанской национальной музыки тесно связано с мугамом. Мугам – это краеугольный камень, основа и столп нашей музыки. Созданные на протяжении веков песни, теснифы, танцевальные мелодии базируются на мугаме.

Мугам обладает глубоким оригинальным смыслом и несет в себе дух народа. Эта древняя музыка на протяжении веков отражала духовный мир и характерные черты народа. Мугамы – очень поэтичные и оригинальные, в то же время различны по своей тематике.

Азербайджанский народ бережно, с любовью и вниманием относится к мугамам, являющимся его духовной ценностью и национальной гордостью.

Мугам – это база не только для теснифов и песен, танцевальных мелодий, но и оперы, балета, а также неиссякаемый источник для симфонических произведений. Одним словом, мугам – это ключ к азербайджанской музыке. Точнее, это наше самое ценнейшее духовное сокровище. По этой причине естественна любовь нашего народа к этому искусству. Даже колыбельные песни наши матери поют на основе мугама. Так с рождения наши уши «настраиваются» на мугам, мы воспринимаем мир через его призму, и в наших жилах текут его переливы. И мы не можем оставаться равнодушными к мугаму, не можем закрывать глаза ни на его гонителей, ни на тех, кто его искажает.

Поэтому меня, как музыкального исследователя и критика, волнуют проблемы мугама и его исполнение, поднятые в статье «Родник должен оставаться чистым» в газете «Коммунист» от 6 октября 1987 года. Я поддерживаю большую часть претензий, высказанных автором. В самом деле, в правилах исполнения мугама царят хаос и неразбериха.

Известно, что на протяжении веков были народные ханэндэ, которые пропагандировали, хранили и передавали от поколения к поколению секреты классического мугама. Но о современных исполнителях мугама этого сказать уже нельзя.

Несмотря на успешные выступления наших известных вокалистов и музыкантов в концертных залах по всему миру, в последнее время в развитии нашей музыкальной культуры, на концертах и особенно мугамных концертах, увеличиваются вкрапления чуже-

родных духу нашего народного искусства элементов. Естественно, нас не могут не беспокоить эти «новшества» исполнительского искусства. Слушая по радио и телевидению, в концертных залах, на свадьбах и в ресторанах песенки низкого пошиба, перевранные, измененные до неузнаваемости мугамы, испытываешь чувство отвращения. В эти минуты в глубоком смятении и тревоге понимаешь, что наша музыка начала постепенно удаляться от своих классических корней.

В первую очередь я должен сказать, что исполнительское искусство – это очень тяжелый и ответственный труд. Безусловно, не каждый человек может стать исполнителем, он должен обладать врожденным талантом, красивым, притягивающим голосом, глубоким дыханием, легко брать высокие ноты, иметь сильные запястья и быстрые ловкие пальцы. Но и обладание всеми этими качествами еще не говорит о том, что человек может стать исполнителем. Нужно умение управлять своим голосом, придавать ему эмоциональную окраску, использовать различные приемы, в каждом мугаме вне зависимости от того, в какой тональности он исполняется, брать все ноты легко и свободно, гладко переходить с уровня на уровень, передавать дыханием тончайшие нюансы настроения, переживания и, импровизируя, точно и метко делать музыкальные акценты. Кроме всего этого, музыкант должен быть грамотным, обладать высокой культурой, знать музыкальную грамоту, классическую литературу, стихосложение, а точнее, в совершенстве владеть стихосложением аруз. И еще голос исполнителя должен обладать оригинальным тембром, чтобы его пение завораживало слушателей. Если исполнитель правильно уловил особенность мелодики мугама, глубоко вник в содержание поэтического произведения, его исполнение становится естественным и простым. К сожалению, некоторые современные исполнители не обладают этими качествами. А это является результатом того, что современные ханэндэ не опираются на научные основы нашей музыки и классическое наследие, по этой причине в исполнительском искусстве царят произвол и бесконтрольность. Неслучайно новоиспеченные «ханэндэ», не знающие тонкостей мугама, не обладающие голосом, не имеющие понятия о музыкальной культуре, допускают искажения в своих исполнениях. Постепенно увеличивается число невежд, которые, едва выучив один-два мугама, три-четыре песни, рвутся на сцену. Как говорят настоящие ханэндэ, их голоса идут и не «из груди», и не из «головы», и могут только утомить слушателя. Дошло до того, что на нагаре, классическом инструменте мугама, музыканты играют так, будто на лошади скачут. Самое смешное то, что «ханэндэ» приглашаются на телевидение, а голоса таких «ханэндэ» записывают даже на грампластинки.

Эта сложившаяся опасная ситуация, в первую очередь, должна обеспокоить Министерство культуры республики, Союз композиторов, Государственную филармонию и Объединение Госконцерт.

Вызывают удивление ошибочные высказывания в статье «Родник должен оставаться чистым» в адрес нашей знаменитой певицы Зейнаб Ханларовой. Автор пишет: «Вызывает сожаление, что блестящее мастерство народной артистки Зейнаб Ханларовой постепенно идет на спад, и еще большее сожаление вызывает ее равнодушное отношение к нашим мугамам».

Хочу донести до сведения автора, что Зейнаб-ханым никогда не оставалась равнодушной к нашим мугамам. Один из сложнейших мугамов «Чаргях» Зейнаб-ханым спела феноменально и по всем канонам. Кроме того, эта неповторимая певица в своей оригинальной манере прекрасно исполняла такие мугамы, как «Сегях», «Шахназ», «Гатар» и другие. Даже исполняя ашугские и композиторские песни, она всегда включает в них элементы мугама. Одним словом, выступления этой певицы, завораживающие не только наших, но иностранных зрителей, не обходятся без мугама.

Меня заставляет задуматься еще одно смешное и невообразимое высказывание. Это слова о том, что «...исполнительское искусство Зейнаб Ханларовой постепенно сни-

жается...» Хочу напомнить, что Зейнаб Ханларова находится на вершине своего исполнительского искусства. И доказательством этому являются аншлаги на ее концертах, данных в Голландии. Зейнаб Ханларову порой упрекают в том, что она при исполнении песен пританцовывает. Некоторые даже пишут, мол, не можем понять, кто перед нами – певица или танцовщица. Безусловно, это было сказано именно в адрес Зейнаб-ханым. Просто смелости не хватило назвать ее имя. Хочу напомнить обвиняющим Зейнаб-ханым, что ритм в восточной музыке является основополагающим условием. Если у ханэндэ нет чувства ритма, он никогда не сможет петь танцевальные мелодии. А Зейнаб-ханым своими ритмическими движениями украшает песни, расцвечивает их. И нам нравится оригинальная манера ее интерпретаций. Она обладает хорошим вкусом, может передать на высоком профессиональном уровне тончайшие грани чувственности, она живет песней и гордится этим. Если певец наслаждается результатом своей работы, ни одно препятствие не может остановить его. Надо сказать, что певцы, приходящие на эстраду после Зейнаб-ханым, как ни стараются перенять ее манеру, ничего у них не получается. Потому что только Зейнаб-ханым может петь, танцую.

Хотелось бы сказать еще об одной ошибке, допущенной в статье...

Говоря о симпозиуме, посвященном мугаму, который проводился в Узбекистане, автор пишет: «На симпозиуме было выслушано около двадцати докладов. Армянские музыковеды доказали, что с теоретической и практической точки зрения могут продемонстрировать армянский мугам (?!)».

Выражение «армянский мугам» звучит смешно. Интересно, где это автор встречал такое словосочетание: «армянский мугам»?! Это авторская фантазия в стиле «Дон Кихота» или измышления лживых дервишей. Потому что ни в одной музыковедческой восточной литературе, начиная с великих Абу Насира Фараби, Авиценны, Сафиэддина Урмави, Абдулбагира Мараги, Рухуллы Халиги, написавших книги о восточной музыке, нет понятия «армянский мугам». Безусловно, такую ошибку простить невозможно. Также хотелось бы довести до сведения читателей, что подобное ложное выражение использовали и некоторые преподаватели консерватории.

Известно, что на Востоке существуют 12 видов мугама, 7 из них – основные, 5 – дополнительные, и каждый из них имеет свое название. Не будем отрицать, что среди армян есть мастера игры на таре, кюманче, балабане и сазе. Но они играли наши мугамы, наши теснифы и танцевальные мелодии. Причем очень хорошо играли. И тем не менее, я еще раз хотел бы отметить, что в армянской музыкальной культуре мугамов нет.

И еще об одном с болью в душе хотел бы сказать читателям. Я говорю о судьбе тара и кюманчи. Они играют основную, решающую роль в исполнении мугамов. В последнее время мы редко встречаем эти инструменты на музыкальных вечерах. Постепенно исчезает даже балабан. Виной этому являются либерализм музыкальной общественности и безразличие руководителей ансамблей. Некоторые музыканты, забыв о национальных корнях, культуре, чести, занимаются самоуправством, заменяют тар гитарой, кюмянчу – кларнетом, а балабан – гобоем. Все это должно беспокоить музыкальную общественность.

Чтобы защитить мугам, изолировать его от чуждого влияния, необходимо создать Центр мугама, вернее, открыть в Баку Дом мугама. В школах ввести предмет «музыкальная история», было бы хорошо создать при Доме мугама «Совет по мугаму», куда войдут старейшие музыканты. Нужно сделать так, чтобы без разрешения этого Совета никто не имел права выступать на радио, телевидении, на сцене. Только так мы можем сохранить наш классический мугам и его традиции. Пока не поздно, мы должны все это сделать, в противном случае, будущие поколения нам не простят этого...

ХРАНИТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ МУГАМА

Трудно найти какой-нибудь другой вид искусства, который, не признавая границ, способен был бы передать и донести все человеческие чувства, сблизить и консолидировать людей так, как музыка. Служители этого искусства могут говорить со своими коллегами в любой точке планеты на «своем собственном» языке. Знаменитый английский философ, историк и публицист Томас Карлей сравнивал музыку с глубокой содержательной речью без слов. И эту «речь» слышат и понимают люди во всем мире. Музыканты – единственные специалисты, владеющие подобным специфическим «своим языком». На этом «языке» они общаются со всеми народами, вне зависимости от национальности, расы, религии, языка.

Каждый народ, любящий свою национальную музыку, интересуется ее историей, творчеством людей, посвятивших свою жизнь музыке, старается пропагандировать ее. Эту миссию, в первую очередь, выполняют музыковеды, изучающие пути развития национальной музыки и исполнительского искусства. Насколько тяжела исследовательская работа в этой области, настолько же она и ответственна. Нельзя забывать, что для того, чтобы стать музыкальным исследователем, особенно исследователем истории мугама, необходимо, кроме музыкального образования, хорошо знать историю, литературу, географию, обладать хорошим пером. Таким исследователем, соединившим в себе все эти качества, взявшим на себя тяжелый и ответственный труд, был заслуженный деятель искусств Фиридун Шушинский.

Фиридун Магомед оглу Гасанов (Шушинский) родился в Шуше в 1925 году. Его отца, любителя золота и драгоценных камней, называли в народе «златолюб Магомед-бек».

Начальное образование Ф.Шушинский получил в Шуше, а среднюю школу и трехлетнюю музыкальную школу окончил в Физули. Одаренный Фиридун на профессиональном уровне играл на многих музыкальных инструментах: на таре, кыманче, пианино и даже на скрипке. Владел и духовыми инструментами. Интерес к музыке у него зародился еще в детстве, в их доме часто собирались народные певцы-ханэнде и музыканты. Порой он отправлялся в леса, в горы, чтобы там, вдали от людей петь, подражая знаменитым певцам.

В шестнадцать лет Фиридун окончил школу. К тому времени началась война, он отказался от поступления в вуз и отправился в военкомат, чтобы записаться добровольцем на фронт. Ввиду несовершеннолетия он получил отказ, однако после настойчивых просьб его желание было удовлетворено. Он прошел войну от начала до конца и вернулся на родину победителем, с грудью, украшенной орденами и медалями.

После войны он принял решение продолжить образование. В 1946 году Шушинский подал документы на исторический факультет Азербайджанского государственного университета. Любознательный парень зачастую не мог получить ответы на свои вопросы у педагогов и профессоров, преподававших ему. Большую часть дня он проводил в библиотеках, архивах, где искал ответы на интересующие его вопросы, собирая материалы, исторические документы, рассказывающие о жизни и творчестве певцов-ханэнде XIX-XX веков – выходцев из Гарабаха.

В 1948 году был создан организационный комитет в связи с проведением научной конференции в Азербайджанском государственном университете. В комитет ввиду серьезности конференции вошли видные ученые Азербайджана. Как и другие студенты, Фиридун подготовился к конференции. Тема его выступления «Вагиф и Гарабах», очень близкая Фиридуну, была предложена ученым-историком Аловсатом Гулиевым. Еще учас-

на первом курсе, Шушинский интересовался историей Шуши и собирал материалы и документы об истории родного края. Известно, что Молла Панах Вагиф был не только поэтом, но и выдающимся политическим деятелем и служил визирем у гарабахского хана Ибрагимхалила.

Член организационного комитета, поэт Самед Вургун, ознакомившись с докладом «Вагиф и Гарабаг», пожелал встретиться с его автором...

– Ну что, гарабахец, мне очень понравился твой доклад, но если ты не против, я поменяю название твоей работы на «Вагиф, как государственный деятель», потому что тут больше освещена деятельность Вагифа именно как государственного деятеля, – сказал поэт.

Поэт перечеркнул старое название, сверху написал «Вагиф, как государственный деятель» и подписался. Этот доклад стал первой публицистической работой Фиридуна.

В 1949 году в преддверии 70-летнего юбилея «отца народов» шла масштабная подготовительная работа, Фиридун, как всегда, искал в библиотеках интересные материалы. И таким документом стало письмо, адресованное Сталиным Нариману Нариманову. На это письмо он наткнулся при чтении книги Сталина. Фиридун знал, что в те времена было запрещено даже упоминать имя Н.Нариманова. Студент-второкурсник заинтересовался письмом. Он обратился с вопросами к своим профессорам и педагогам, но те не только не ответили на его вопросы, но и запретили ему даже думать об этом. Отчаявшись, Фиридун решил написать Секретарю Центрального комитета партии Мир-Джафару Багирову. В своем письме он просил, по возможности, объяснить следующие вопросы:

1. *Каково отношение партии к Нариману Нариманову?*
2. *В чем заключаются ошибки Наримана Нариманова?*

...Когда Фиридун вошел в приемную Багирова, его там уже ждал помощник Новиков.

– Не забывай, хозяин может уделить тебе только восемь минут.

Однако эта встреча продлилась больше часа.

После того, как начальник организационного отдела прочел это письмо, Багиров обратился к Фиридуни:

– Сынок, почему ты с этим вопросом обратился ко мне, а не к Сталину?

Студент немного растерялся от этих слов. Но быстро взял себя в руки:

– Товарищ Багиров, меня учили никогда ничего не совершать через голову старших.

Багиров едва заметно улыбнулся. А принимавший участие в беседе секретарь по идеологической работе решил показать свое рвение.

– Разве ты не знаешь, что Нариман Нариманов выступал против Закфедерации?

– Нет, это было не так! – неожиданно для самого себя резко ответил Фиридун. – Не Нариман Нариманов, а Рухулла Ахундов и комиссар здравоохранения Мохсун Исрафилбеков (Гадирли) выступали против.

– А ты откуда знаешь?

– Я прочел книгу товарища Лаврентия Берии «Из истории Закавказского большевистского движения».

– Ты прав! – подтвердил Багиров слова студента. – Рухулле Ахундову было предложено принять участие от имени азербайджанского народа в церемонии похорон Наримана Нариманова в Москве, но он отказался. Я всегда хорошо относился к Н.Нариманову и выступил на церемонии похорон.

На тех похоронах М.Дж.Багиров выступил с пламенной речью:

«Азербайджанский народ и наш Союз высоко оценил заслуги Наримана Нарима-

нова. Нариман Нариманов, в отличие от других, был истинным революционером. Тридцать лет своей жизни он посвятил общественно-политической жизни и художественному творчеству. Он являлся одним из представителей активной интеллигенции, которые впервые освободил тюркских женщин от рабства и дал достойный ответ буржуазным идеологам.

Плоды многолетней революционной деятельности товарища Наримана Нариманова принадлежат не только тюркским труженикам Азербайджана, но и тридцатимиллионному тюркско-татарскому населению Российской империи, а ныне Советского Союза.

Память о нем будет вечно жить в памяти азербайджанских трудящихся, его художественные произведения, идеалы станут примером и призывом для народов Востока, многие годы живущих в рабстве. И хотя Н.Нариманов покинул наши ряды, его идеалы, тридцатилетняя революционная деятельность будут жить и развиваться дальше. И это самая большая заслуга Наримана Нариманова».

Позднее на одном из Пленумов в своем выступлении Мир-Джафар Багиров говорил: «Вы только посмотрите, до чего все дошло, что один из студентов по фамилии Гасанов обратился ко мне с вопросом: «Почему забыт Нариманов?». Он просто заболел «наризмом». А в университете не нашелся хотя бы один педагог, который бы ему все объяснил».

Говорят, смелость птицы заключается в полете, коня в скорости бега, а смелость ученого измеряется выявленными и обнародованными духовными ценностями народа. Смелость Ф.Шушинского как ученого-исследователя заключается в том, что он глубоко изучил теоретические вопросы истории, духовные богатства народа и исследовал нашу музыкальную историю. Фиридун-муаллим не любил проторенных путей. Он хорошо знал, что наша музыкальная история осталась в стороне от широких исследований и работы там непочатый край. Молодой исследователь, взвавив на себя этот труд, нашел в себе силы и направил их на достижение своей цели. Очень скоро в республиканских газетах начали появляться статьи о певцах-ханэндэ и музыкантах. Своими выступлениями на радио и телевидении, посвященными народному творчеству, он собирал большую аудиторию слушателей и зрителей.

Так Ф.Шушинский превратился в исследователя нашей музыкальной истории. Не только в Азербайджане, но и в других городах Советского Союза он изучал и раскрывал все новые и неизвестные страницы нашей музыкальной истории. В это же время, наряду со своими исследованиями, он выступал в печати со статьями, посвященными героям-азербайджанцам и сохранению культурных памятников. Эти статьи подписывались «Ф.Магомедоглу», «Ф.Гасанов», «Фиридун Гасанов», «Фиридун Шушинский», «Ф.Шушинский», «Ф.Шушалы», «Фиридун-бек Шушалы». Несмотря на то, что в прессе он был известен как «Шушинский», в последние годы своей жизни он подписывал свои работы «Шушалы».

Первая книга Ф.Шушинского «Шуша» была опубликована в 1962 году. Она стала важным событием в азербайджанской литературе. Еще до того, как она была переведена на русский язык, книгу высоко оценили как историки, так и читатели. Книга ходила по рукам.

Самым большим желанием исследователя было широкомасштабное изучение истории Шуши. Он гордился этой неприступной, величественной крепостью. С другой стороны его всегда интересовал вопрос, по каким историческим причинам были расселены в Шуше и ее окрестностях армяне. Именно поэтому автор еще в годы обучения в университете, не имея никакой финансовой поддержки от государства, начал собирать материалы об истории Шуши в архивах и музеях Азербайджана и ряде городов СССР. Добывая у частных лиц исторические документы, касающиеся истории Азербайджана, проходя все трудности на этом пути, Фиридун-бек и не подозревал, чем обернется для него в будущем его книга. Он не знал, что «Шуша», явившаяся результатом его поисков

и бессонных ночей, принесет ему славу и... преследование.

В 1968 году, когда «Шуша» была переведена на русский язык, автор послал один экземпляр члену Президиума Верховного Совета СССР, депутату Верховного Совета СССР А.И.Микояну. Ф.Шушинский был лично знаком с этим человеком, и отношения у них были достаточно хорошие. После прочтения книги отношение Микояна к автору резко изменилось. Он вместе с группой армян, занимавших в Москве крупные посты, потребовал от руководства республики принять серьезные меры в отношении Ф.Шушинского. Причиной стала резкая и непримиримая позиция Ф.Шушинского против дашнакского генерала Андроника и его приспешников Дро, Нжде, Тевана и других. Ф.Шушинский не скрывает резко отрицательного отношения к Андронику, упоминает и о том, что ему за предательство было отрезано ухо, за что он получил кличку «одноухий бандит», «одноухий Андроник». Так что книга вызвала всеобщую шумиху.

Вот что писал об этом сам Ф.Шушинский: «...Чего только я не натерпелся из-за книги «Шуша». Тогда из-за армян я три месяца не мог поехать в Шушу. На каждой улице меня закидывали камнями. Несколько раз ломали ворота и били стекла, перерезали телефонный провод. Несколько раз совершались покушения на мою жизнь... За мое убийство было обещано вознаграждение в шесть миллионов манат. Вся армянская пресса, начиная с газеты «Пионер» и кончая «Коммунистом», поливала меня грязью, ложью и руганью, выставляя меня, как врага армянского народа. Интересным фактом является и то, что эти оскорблении исходили даже из Бейрута, столицы Ливана. Выходящая там газета «Хаястан» просто соревновалась с армянской прессой по количеству лжи и угроз в мой адрес».

Дошло до того, что даже в родном Азербайджане, где родился и вырос Ф.Шушинский, за который он готов был отдать жизнь, нашлись люди, поддержавшие армян. Не стыдясь, они клеймили его, как «буржуазного националиста», «врага дружбы народов». Результатом всей этой кампании стало то, что произведения Ф.Шушинского попали под запрет на публикацию.

Когда Зорий Балаян опубликовал клеветническую книгу «Очаг», в Армении он стал национальным героем. А против Ф.Шушинского, написавшего об истории массовых убийств азербайджанцев генералом Андроником, Дро, Нжде и Теваном, был объявлен «крестовый поход».

Эта книга автора была протестом против тех, кто собирался установить памятник Андронику в Ереване. А партийные деятели, запретив любое упоминание об этих преступлениях, заклеймив Ф.Шушинского клеймом «враг народа», вынесли его вопрос на обсуждение на Пленум Центрального Комитета. Пленум решил, что разоблачение Андроника служит разжиганию межнациональной розни, и по этой причине весь тираж книги «Шуша» необходимо уничтожить. После Пленума некоторые «историки», дабы высунуться в глазах А.Микояна, выступая на страницах печати, подвергли «Шушу» яростным атакам «критики».

Как не вспомнить тут слова нашего великого поэта Мирзы Алекпера Сабира:

*Kim nə deyər bizdə olan qeyrətə?!
Qeyrətimiz bəlli bütün millətə!..*

Кто посмеет что сказать о нашей чести?
Известна честь наша всему народу!..

(Подстрочный перевод)

Отметим, что на Бюро ЦК были и те, кто защищал книгу. Если бы не было таких историков, как Аловсат Гулиев, Анвер Шукюрзаде, Исмаил Гусейнов, Джамиль Гулиев, Махмуд

Исмайлова и другие, то неизвестно, как бы сложилась судьба автора «Шуши». Профессор Московского государственного университета профессор Азиз Шариф в письме к журналисту Гуламу Мамедли выражает несогласие с нападками, которым подверглись книга и ее автор: «Я посмотрел книгу Фиридуна Шушинского. Критикующие его пусть напишут, если могут, и вынесут на суд публике такую же книгу. В подобных исследованиях возможны ошибки, но их можно исправить. Я в свое время уже сказал свое «спасибо» Фиридуну. Но в прессе не выступил, так как я не являюсь специалистом в данной области. Если увидите его, передайте ему привет. Как было бы хорошо, если бы у нас было больше таких исследователей».

Фиридун Шушинский долгие годы подвергался гонениям и критике из-за «Шуши». Пресек эти гонения и защитил его общенациональный лидер Гейдар Алиев. Вот что рассказывал сам Гейдар Алиев об этом: «Помню, еще когда я должен был быть избран Первым секретарем Центрального Комитета, в свет вышла книга «Шуша». Автор ее был Фиридун Шушинский. Эта книга подверглась яростным атакам, особенно со стороны армян. К сожалению, бакинские ученые резко выступили против этой книги. Мне привнесли эту книгу. Я прочел, смотрю, книга хорошая... В общем, я тогда пресек атаки армян...» Так по указанию Гейдара Алиева был положен конец гонениям и нападкам на этого достойного ученого-исследователя. Позднее Фиридун-бек признавался, что если бы не Гейдар Алиев, эти вороны заклевали бы его.

Очень жаль, что до сих пор «Шуша» не получила признания и не опубликована.

В 1964 году Ф.Шушинский опубликовал свою первую книгу-исследование музыкальной истории нашего народа «Джаббар Гарягдыоглу», посвященную жизни и творчеству этого, по выражению С.Есенина, «пророка восточной музыки». Отметим, что книга переиздавалась автором несколько раз. Позднее я написал к этой книге предисловие, добавил еще одну главу, написанную Ф.Шушинским, и издал ее под названием «Пророк восточной музыки».

Позже одна за другой вышли монографии: «Сеид Шушинский», «Хан Шушинский». После долгих и серьезных исследований, наконец, он выпустил книгу «Народные певцы Азербайджана», в которой рассказал о почти позабытых музыкантах и певцах. Книга эта получила большие отклики не только в СССР, но и заграницей. Вот что писал об этой книге народный поэт Халил Рза Улутюрк: «Ф.Шушинский один проделал работу, которая под силу целому научному коллективу». Зия Буньятов назвал это произведение «большим исследованием целой академии». Еще раз хотелось бы отметить, что Фиридун Шушинский – первый исследователь в истории азербайджанской музыки. В нашей республике нет другого такого исследователя, который, как Фиридун-муаллим, занимался бы только музыкальной историей. Ф.Шушинского, не имея финансовой поддержки, месяцами, годами изучал материалы в музеях и архивах. Исследователи в своих работах порой ссылаются на произведения Ф.Шушинского. Однако ни один из них так и не поднял вопрос перед соответствующим государственными организациями о переиздании произведений своего учителя на латинской графике. Те, кто выступал против критических выступлений Ф.Шушинского, ныне нашли новый повод для нападок на него. Теперь его критикуют за то, что он «пропагандировал» армян в своих произведениях. Люди искусства в беседе со мной не скрывали свое чувство негодования. Я и сам, знакомясь с его архивными материалами, видел фотографии армянских «ханэндэ». Но не будем забывать, что армяне веками перенимали у нас наше искусство, чтобы казаться «своими» среди нас. Они не только переняли у нас культуру, искусство, но и все области нашей жизни, вплоть до обычая и обрядов. Еще с конца XIX века армяне, играя на свадьбах, праздниках наряду с нашими музыкантами, зарабатывали себе на жизнь. Даже на телевидении, на официальных торжествах выступали вместе с любимцами народа, азербайджанскими музыкантами.

Довожу до сведения тех, кто называет Фиридун-муаллима приспешником армян,

что в архивах телевидения, прессы, в государственных архивах, они непременно встретят фотографии и ленты, на которых изображены армяне. О каком бы певце ни говорилось на телевидении, один из его музыкантов, играющий на балабане ли, на кяманче или на дэфе, обязательно будет армянином. И что теперь?! И в этом виноват Фиридуң Шүшинский?

В 70-е годы в прессе появилось выражение «армянские мугамы». Дошло до того, что даже наши некоторые «музыковеды» начали использовать это выражение. Фиридуң муаллим выступил с резкой критикой по этому поводу и дал такой тенденции достойный отпор.

В последние годы мугам переживает эпоху своего расцвета, большое внимание этому искусству уделяет президент Фонда Гейдара Алиева, член Милли Меджлиса, посол доброй воли ЮНЕСКО, Мехрибан Алиева, более того в 2008 году ЮНЕСКО объявил мугам одним из шедевров нематериального культурного наследия человечества. Теперь, после этих инициатив и проделанной работы многие пытаются выставить себя приверженцами мугама. Но этих людей заботит не азербайджанское искусство, а личные интересы.

Почему же было такое негативное отношение к неутомимому пропагандисту нашей музыкальной истории, имеющему большие заслуги в доведении до широких кругов слушателей философии мугама? Почему мы забыли Ф.Шушинского, который взял на себя миссию изучения истории мугама и его исполнителей, их пропаганду и выполнял это самым достойным образом?!

Каждый, кто пытается написать какую-либо статью о мугаме и певцах-ханэндэ, по неволе вынужден обратиться к трудам Ф.Шушинского. С сожалением приходится отмечать, что, несмотря на то, что в этих статьях просто копируются целые абзацы из работ ученого-музыковеда, его мысли и мнения, тем не менее, имя его не называется, а «авторы» без зазрения совести ставят под этими «работами» свои имена.

Ф.Шушинский открыто давал отпор подхалимам, тем, кто косо смотрел на народную музыку, кто, не обладая голосом, не разбираясь в тонкостях мугама, пытался выставить себя знатоком этого искусства. Таких «ханэндэ» он называл «пролезшими в мугам».

Великий азербайджанский композитор Фикрет Амиров писал: «Я знаю двух Фиридунов. Один – изdevающийся над 95% нашей интеллигенции, закидывающий на них сатирический аркан. Второй Фиридуң – ученый, гражданин, талантливый музыкoved и журналист. На самом деле разделить этих двух Фиридунов невозможно».

Ф.Шушинский – ученый-исследователь, не боящийся трудностей, докапывающийся до самых истоков событий. Несмотря на загруженность, многочасовую работу в архивах, Ф.Шушинский вел на азербайджанском телевидении передачу «İfaçılıq sənəti» («Исполнительское искусство»). Высокопрофессиональный специалист, человек с безукоризненным вкусом, рассказывая о певцах-ханэндэ, для передачи колорита их времени приводил высказывания историков, писателей, документальные факты, создавая у слушателей целостную картину тех эпох. Прекрасно разбираясь в этой области, он уверенно и с любовью рассказывал о мастерах-исполнителях мугама.

Большой ученый-исследователь Фиридуң Магомед оглу Шушинский не выдержал несправедливостей в свой адрес. В 1997 году он покинул нас.

Перевод Наталии ХАЛИЛОВОЙ

ЛЯМАН БАГИРОВА

Базилевс

Уже заморгала лохматая звезда, и сиреневое утро медленно поползло с востока, а Базилевс все лежал, положив голову на лапы. Желтые глаза его сводились лунками и все качалась, качалась в них нахальная звезда, которая теперь обиженно моргала и с которой не хотелось расставаться. Косые лучи ее пахли влажной пылью, нагретым песком и еще чем-то, от чего заходит сердце и что осталось далеко, совсем в другой жизни.

Если бы Базилевс был человеком, он непременно вспомнил старинную песню:
*Звезда полей над отчим домом
И матери моей печальная рука.*

Но Базилевс не был человеком. И отчего дома у него тоже не было. Хотя была родная желтая пустыня, по которой так хорошо было бегать, поднимая за собой фонтанчики песка.

Мать... Да, мать была. Но у нее была вовсе не печальная рука, а большая пушистая лапа с втянутыми когтями. Так хорошо и безопасно было, когда она обнимала Базилевса и прижимала его к мягкому душному животу с набухшими сосцами. Сразу же у матери в животе начинало что-то тарахтеть, и звук этот, вместе с теплыми струйками молока, был для него сладчайшей музыкой. Потому что Базилевс был всего лишь трехмесячным львенком, — смешным, с нетвердыми лапами, в крапчатой шерстке, похожей на пижаму, треугольным носишкой и любопытными глазами.

И он вовсе не был Базилевсом. Мать звала его гортанно: «Mr-p-p». Точно так же она звала его брата и сестру. Удивительно, как она не путала одинаковые имена, но Базилевс точно знал, что вот на это «Mr-p-p» следует откликнуться именно ему, а то мамино «Mr-p-p» превратится в «Pp-p-p!» А вот на это «Mr-p-p» пусть откликаются брат или сестра, а он еще подремлет в тени акации.

...Здесь тоже росла акация. Красивая, — и цветы ее были похожи на розовые пушистые свечи. Чужая. Та акация была бедной, серой, но она давала короткую тень, и под нею так хорошо было спать после маминого молока.

Мать учила их всему: умываться, лазать по деревьям, пользуясь хвостом, прятаться от врагов. Враги были разные: любопытные шакалы, недалекие и аморальные гиены, леопарды, орлы и змеи. Даже неповоротливые буйволы, и те, учая запах львят, бежали к ним, чтобы растоптать. Мать очень сердилась, и долго бежала за буйволами, чтобы что-то им объяснить, а потом приносила львятам кусочки чего-то упругого, красного, от которого шел вкусный пар. Иногда в этих кусочках было что-то белое и твердое, и Базилевсу нравилось с хрустом разгрызать это белое, упиваюсь душистым соком.

А потом мать осторожно вытягивала лапы в тени акации и засыпала; а малыши начинали возню. Как же приятно было легонько укусить брата за нос, так, что тот сразу начинал хныкать и тереть укушенное место; а сестру двинуть по ушам и встре-

пать ей шерстку. Когда около матери образовывался пушистый пятнистый клубок из голов, лап и хвостов, она неспешно открывала один глаз, отвешивала клубку несильный шлепок и снова закрывала глаза. Отрезвление после шлепка наступало ментально, и трое встрепанных львят с ярко-красными носами изумленно глядели друг на друга, не понимая, как это они – солидные, трехмесячные львы – позволили себе такую легкомысленную шалость?

Но это осталось в той, совсем уже далекой жизни, когда раздался сухой звук, будто сломалась ветка акации, и мать вдруг странно завалилась на бок и стала скрести по песку когтями, а потом зарычала так сильно и страшно, как никогда не рычала в жизни. Этим последним рыком она предупреждала детей об опасности, и те побежали, неловко заплетая лапами, а мать все смотрела им вслед, и прыгучее тело ее становилось тяжелым и немотным, а она все смотрела и смотрела тревожно.

А потом вдруг стало темно. На голову львенка набросили мешок, и он заскулил яростно, обиженно, больше от унижения, забарахтался изо всех сил. Где-то рядом плакали брат и сестра, но он не мог им помочь.

Потом чем-то противно запахло, заскражетало и стало качать из стороны в сторону. Так иногда бывало, когда мать перетаскивала его за холку с места на место, но мать пахла хорошо и сладко, а тут пахло так, как никогда не пахнет в пустыне. Базилевса мучило. Сильно хотелось пить. Мешок с него так и не сняли, было темно и душно, и Базилевс стал погружаться в какую-то одурь, без конца и начала, вроде сна, но облегчения она не приносила. Сколько так продолжалось, он не помнил; давно уже притихли брат и сестра, а он все оставался в этой одури.

Потом в глаза вдруг ударили яркий свет, Базилевс зажмурился и услышал:

– Я беру его! Вот документы, деньги.

– Вы уверены? Это все же не котенок. Что скажут соседи?

– Я вам уже говорил, что я учитель. Преподаю труд и историю в местной школе. Я беседовал с вашим начальником. Живу в отдельном доме с большим двором. У меня много животных и птиц. Можете навести справки в ближайших школах. Ко мне педагоги детей на экскурсии водят.

Базилевс осторожно приоткрыл глаза. Ни брата, ни сестры рядом не было. Земля, твердая и серая, пахла кожей и железом. Эти запахи тоже были незнакомы Базилевсу, но в них было что-то тревожное и притягательное.

– Ну что, малыш, пошли? – Над львенком склонился худой человек с жирными кудрявыми волосами и поднял его на руки.

Базилевс уткнулся в засаленный ворот пиджака и задышал так часто, словно это было последнее дыхание в его жизни.

– И не стыдно тебе? – сказал ему человек. – Такой большой, красивый лев, а дрожишь, как котенок. Ты же царь зверей! Буду звать тебя Базилевс. Нравится?

Базилевс ничего не понял, кроме того, что с этой минуты он стал Базилевсом и что, кажется, незнакомец – добрый. Он глубоко вздохнул и положил лапы человеку на грудь.

– Так-то лучше, – улыбнулся незнакомец. – Поехали.

Опять стало трясти, запахло противным, и Базилевс хотел уже разочароваться в незнакомце, но тут что-то взвизгнуло, остановилось, и вокруг львенка образовался пестрый круг из двух скачущих детей и плотной женщины со спокойными серыми глазами. От женщины приятно пахло мясом, и Базилевс приободрился.

– Ой, папа, какой хорошенъкий! Ой, можно я его на руки возьму?! Ну па-а- па!!!

Дети – одиннадцатилетняя Камилла и восьмилетний Эмиль – прыгали и верещали. Базилевсу эта назойливость не понравилась, и он глухо заворчал.

– Не пугайте его! – сказал отец. – Пошли в дом!

– Ты что грустная? – приобнял он жену. – Не бойся: хватит сил, за всеми лично буду смотреть!

– Нет, я ничего, – иронично отозвалась жена. – Я вот думаю, может нам в зоопарк переехать жить, а наш дом пусть будет зоопарком?

– Натия, не начинай только! Я тебе сказал: все будет хорошо! Ты кому должна верить – своим мыслям или родному мужу?!

Базилевс оказался в большом, заросшем травой дворе. В глубине его стоял белый дом с высоким крыльцом и стеклянными дверями. Во дворе росло так много цветов и разных деревьев, что львенок растерялся. Куда там бедной пустынной акации до этого праздничного многоцветья!

– Вот тут ты будешь жить, – и незнакомец опустил Базилевса на траву перед высокой и неширокой будкой.

Львенок недоверчиво потянул носом воздух. Внутри было темно и тихо, но, в общем-то, безопасно.

– Не нравится? Ну, ничего, пока живи, а потом мы новый домик тебе построим побольше. Только подожди.

Тут незнакомец достал что-то блестящее и осторожно начал это надевать на шею Базилевсу.

– Потерпи, дорогой. Смотри, как тебе подходит. Сразу стал выглядеть солидным львом.

Цепь была достаточно длинная, она не доставала до дома, но все же львенок мог гулять вокруг будки и наблюдать за обитателями двора.

А их было предостаточно. Пять собак с любопытными мордами и высунутыми от жары языками, восемь кошек с заспанными и безразличными физиономиями, цесарки в скромных серых платьишках, нарядные петухи и роскошные павлины. В траве шелестели ежи, на ветках шелковой акации и боярышника заливались птицы. В глубине двора стояли четыре аккуратных домика, и в них что-то сердито журжало, рядом неспешно прыгали кролики, и их красные глаза почему-то сильно раздражали Базилевса. В отдельной пристройке под низенькой крышей что-то хрюкало, блеяло и мекало. Поодаль, под ивой, был маленький бассейн из известняка, и в нем плавали невиданные рыбы: красные и голубые неоны и пестрые лялиусы.

Базилевс, как старому другу, обрадовался седому угрюому орлу, который сидел на заборе и тоже был привязан цепью.

Тут высокая женщина с серыми глазами поставила перед ним две миски. В одной оглушительно вкусно пахло мясо из супа, а в другой было молоко. Базилевс неуверенно лизнул того и другого, потом решил, что новая жизнь начинается сносно, и сразу уснул, уронив голову на лапы.

А за круглым столом, накрытым в тени боярышника, шла оживленная беседа. Хозяйка, ловко снуя между домом и столом, выносила все новые блюда: пахучую влажную зелень и белый сыр, сочные помидоры, огурцы и глянцевитый болгарский перец, творог с зернами черного тмина, лобио в ореховой подливке, горячий хлеб и копченое придумленное мясо. От него тоже шел такой одуряющий запах, что Базилевс на секунду приоткрыл глаза, но тут же снова закрыл их, сраженный усталостью. В довершение всего на стол явилось огромное блюдо с черным и белым виноградом,

свежий мед в маленьких блюдечках и запотевшая бутылка домашнего холодного вина.

– Благодать! Да не сглазить бы! – произнес хозяин, ловко свернул трубочку из лаваша с сыром и зеленью, макнул в ореховую подливу и отправил в рот. – Кушайте, дети!

Пока дети уминали снедь, хозяйка неспешно приводила свои доводы.

– Ему сколько в день мяса надо, ты об этом подумал? Ну и что, что все растет, все свое, я и так уже как лошадь устаю, пока всех этих животных накормлю. Детям столько внимания нет, сколько им! Много ты имеешь с этих экскурсий?! «Ах, посмотрите, это шелковая акация-альбиция, очень редкий вид, а это редкий белый павлин!» – передразнила она мужа. – Подумаешь! У нас все редкое, а самое редкое – деньги в доме. Я сама экскурсии буду проводить, когда у нас лишние деньги в доме появятся! Все пустой звон. А на самом деле ничего нет, кроме моей усталости!

– Женщина, – лениво возражал муж, – я тебе уже один раз сказал: «Все будет хорошо!» Не надо много говорить. Вот говоришь – устала, а свой ротик, смотри, как сейчас утруждешь! Помолчи и дай ему отдохнуть!

Так потекли дни, сплетались в месяцы. Цветы боярышника сменились морщинистыми ягодами, похожими на крохотные яблочки; в дом к хозяину часто приходили дети, смотрели зверей, цокали языками, восхищались. Подойдя к Базилевсу, они взвизгивали и прятались друг за друга, а потом осторожно выглядывали. Самые смелые протягивали к нему руки, пытались погладить. Но женщины, с которыми они приходили, кричали: «Не трогайте! Это же лев, может укусить!», – хотя Базилевс никогда в своей жизни никого не кусал, если не считать нос брата в той, далекой жизни.

А по вечерам, когда расстилалась прохлада, и в траве зажигались звездочки мирабилиса – ночной красавицы, и все сильней, все пронзительнее пах душистый табак, к Базилевсу приходила черная кошка Мацеса. Она смотрела на него умными янтарными глазами, потом осторожно вытягивала лапы и ложилась рядом с ним. И если бы не ее возмутительная миниатюрность, можно было бы подумать, что это лежит рядом мать. И внутри у нее таращило так же, как у матери, когда она обнимала своих детей.

«Все радуются жизни, всем весело, и только я один мучаюсь. Зачем я вообще родился?» – думал Базилевс.

«Ну-ну, – беззвучно отвечала Мацеса на его мысли – тебе еще не плохо. Вот по соседству с нами была шашлычная. Она очень вкусно пахла и мне там иногда давали кусочки мяса. Нет, ты не подумай, я не голодущница, но не всегда же есть домашнюю пищу. Иногда хочется и в ресторан. Так вот, там хозяин ради потехи держал привязанным на солнцепеке медвежонка. Кормил его очень плохо, сама видела. Собаки из такой посуды есть не будут, в какой ему давали. И еще бутылку с водкой давали. Эта такая вода, она плохо пахнет, и от нее все горит. Хозяин так говорит, когда ее выпьет, а потом стучит себя по груди и кричит жене: «*Anima dimidium meae!*»

«Это что такое?» – спрашивал беззвучно Базилевс.

«Это по латыни, ты не поймешь! «Половина души моей». В смысле, она, хозяйка – половина его души!

И вот этот медвежонок сначала все плакал, а потом лежал и не хотел есть и пить. Просто лежал и тосковал. А потом за ним приехала машина и увезла его куда-то. Поэтому ты не тоскуй, я тебе точно говорю, от тоски плохое бывает».

«Я не тоскую», – молча говорил Базилевс, и кошка смотрела на него умными

недоверчивыми глазами, потом вздыхала и они вместе не сводили глаз с большой лохматой звезды, которая висела на горизонте и обиженно моргала, как только он начинал синеть.

А потом начались дожди.

– Глё! Глё! – тревожно кричал орел из своего укрытия. Трава вокруг поникла, звери и птицы попрятались, кто куда. Из садка с кроликами все время доносилась возня, собаки были в конуре, цесарки сидели, нахолившись, на насесте, и только Базилевс упорно не желал залезать в будку.

– Ты посмотри! – тихо выговаривала Натия мужу. – Он совсем худой стал, одна кожа да кости. Может, болеет? Умрет – клянусь могилой твоего отца! – честное слово, я к нему и близко не подойду! Жалко животное, и я устала уже. Хватит!!! Что у нас, зоопарка нет?! Позвони, договорись, пусть приедут, заберут. Я тебя прошу: пожалей ты его и меня!

– Не знаю, посмотрим, – уклончиво отвечал хозяин, потом осторожно подходил к Базилевсу, присаживался перед ним на корточки.

– Что, друг, ты меня подводишь? Кушать надо, ты почему не кушаешь? Чем тебе здесь плохо?

Но Базилевс молча лежал и смотрел на мокрую землю. Хозяин вздыхал, уходил в дом, кричал: «Натия, где у нас марганцовка?!», а потом приносил ему противную розовую воду.

Мацеса уже не приходила, но по-прежнему смотрела на него издалека.

В один из дней хозяин привел с собой ветеринара. Тот долго мыл руки, но Базилевс сразу ощетинился – так отвратно от него несло острой воинью лекарств и опасности.

– Базилевс, Базилька, – уговаривал хозяин, и голос его сразу же стал неприятно-сладким. Львенок зарычал, как мог.

– Животное агрессивно, – отрезал ветеринар. – Вы хотите, чтобы он вам детей покалечил? Жену? Соседей? Дикое животное не держат дома. Отвезите в зоопарк, там и ветеринары, и уход. Телефон дать?

– Все у меня есть, доктор. Я сам позвоню.

А потом пришли дети, Тамилла и Эмиль, и долго гладили львенка за ушами и под шеей. Базилевс любил, когда они это делали, и волосы у них пахли, как кора акации, под которой отдыхала мать. Как они пахнут, эти волосы! Зачем ты создал их, Всеблагий?!

Под вечер Натия, вытирая глаза, поставила перед ним миску мясной похлебки, но он и не притронулся.

Он ждал своей лохматой звезды, но небо было затянуто тучами и пусто.

Беззвучно пришла Мацеса и легла с ним рядом.

«Тоскуешь?» – спросила она.

«А что бы ты делала на моем месте?»

«Не знаю. Я на твоем месте не была».

«У тебя есть дети?» – продолжал он мысленный диалог.

«Девять. – ответила она. – Некоторые и сейчас здесь. Вон тот полосатый, с порванным ухом – сын. Только он забыл об этом. И я тоже. Так легче».

«Моя мать не забыла бы».

«Это тебе так кажется. Ты был маленьким. Все забывают. Когда маленькие, все смешные, с ними хочется играть, и они пахнут молоком. А потом вырастают, и от них

пахнет уже мясом и любовью».

«Ее нет», – сказал Базилевс.

«Любовь есть всегда».

«Нет, звезды сегодня нет».

«Что тебе звезда? Нашел о чем думать? Сегодня нет, завтра будет».

Львенок ничего не ответил. Мацеса взглянула на него искоса и вздохнула. Небо было темным, собирался дождь, и в курятнике беспокойно квохтали цесарки.

Наутро за Базилевсом приехала машина. Он уже привык к людским запахам и не удивился, что от хозяина и маленького толстого парня рядом пахнет бензином.

– Ну, поехали! Вставай! – сказал хозяин и отвязал цепь. – Будешь жить хорошо, смотреть тебя будут хорошо, здесь ты мучаешься, может, правда.

Базилевс не пошевельнулся. Хозяин просунул под него руки и поднял легкое тело. Базилевс не уткнулся ему в воротник, как в прошлый раз.

На пороге дома появилась женщина. Серые глаза ее блестели.

– Половина души моей! – хвастливо сказал хозяин парню. – Дети где?

– Спят, – коротко ответила женщина. – Он живой?

– Конечно, живой! И еще долго будет живой! Правда, Базилевс? – К хозяину вернулось его обычное приподнятое расположение духа.

– Глё-ё-ё! – вдруг крикнул орел.

– Молчи, глупый ишак! – беззлобно замахнулся на него хозяин.

– Ну, с Богом! Доброй дороги, – тихо сказала женщина и вылила им вслед на дорогу кружку воды. – Смотри, больше никого не привози, хватит с меня уже!

– Золотая душа! – вздыхал хозяин, устраиваясь в кабине. – А хозяйка какая!

Приезжай ко мне домой просто так, посидим, поговорим. Так угощать буду – ум-м-м! – пальчики оближешь!

Водитель согласно кивал. А в кузове среди перекатывающихся бочек на подстилке из сена лежал Базилевс. О своей будущей жизни он пока не думал.

Он смотрел на дорогу: от машины на ней поднимались желтые клубы пыли, такие же, как фонтанчики песка от его лап в той первой далекой жизни, и такие же, как янтарные глаза кошки Мацесы в этой второй, уже тоже закончившейся жизни.

Начиналась третья...

Буддлея – сухая сирень

Дьявол начинается с пены на губах ангела.

Все рассыпается в прах: и люди, и системы,

но вечен дух ненависти в борьбе за правое дело.

Поэтому зло неистребимо.

Г.Померанец

Когда мне подарили семена буддлеи – выносливого, рослого цветка, похожего на сухую сирень, я и вспомнила эту историю.

Новый век, да и новое тысячелетие начались для меня не 1 января 2001 года, а 26 марта 1999-го. В этот теплый день хоронили мою бабушку, мать отца – властную, непростую женщину с искореженными от работы руками.

Мы не были особо близки с ней, но именно тогда я отчетливо поняла, что дет-

ство ушло и более не вернется. Оно ушло, растворившись в особом запахе бабушкиного дома – нафталина и сухих трав. Все лето бабушка перебивала матрасы и одеяла, перекладывала ковры нафталином, а на огромных газетных листах у нее сушились на зиму базилик, розмарин и мята. Этот смешанный запах плыл в открытые окна и давал ощущение надежности. Раз перебиваются матрасы, закатываются ковры и сушится зелень впрок, значит, следующей зиме – быть!

«Та не хозяйка, кто не умеет работать с шерстью и тестом!», – выносила свой вердикт бабушка. В ее устах это был лаконичный и безжалостный приговор! Со всем остальным любая женщина более или менее справится, а вот шерсть и тесто – это ступень для избранных! Самой высшей похвалой живой и лучшей эпитетафией покойной женщине у бабушки было: «Хозяйка!» или «Хозяйка была!»

До этого ушли мама, другая бабушка, двое дедушек, дядя, но эта бабушка была последней из старшего поколения, последним его олицетворением, традиционным и непоколебимым, как древний храм.

Так и вижу ее перед собой, опустившую коричневые, похожие на кору старого дерева руки на колени. Руками этими она обхаживала, кормила, обстирывала и обшивала огромную семью. Удивительно ловко и бережно эти распухшие, покореженные пальцы умели обмыть новорожденного младенца, готовили в огромных казанах праздничный и поминальный плов, варили мыло, делали сыр и аккуратно, стежок за стежком, выкладывали затейливый узор на новых подушках и скатертях.

Когда ей говорили, что сейчас все есть в продаже, и зря она портит свои глаза и не дает отдыха измученным рукам, она только отмахивалась:

– Э-э! Разве вы понимаете? Вы думаете, мне делать нечего, а я так отдохваю. И мать моя, и бабушка стежок за стежком вкладывали в узор свои мысли, свои тревоги, свои радости. Вот смотри, – она подвигала мне уголок скатерти с отогнутым вышитым лепестком, – видишь, лепесток алый отогнут. Это что значит? Что рядом ляжет другой такой же лепесток, только синий, словно руку к алому протянет. Это скатерть для радости, в праздничный день ее на стол стелить.

– А это? – протягивала руку я к синей, вышитой ее безрукавке.

– Синий цвет – цвет мудрости и покоя, приличествует старости, а золотые звезды по вороту означают, что уже чаще следует говорить с небом, чем с людьми.

И лилась речь, которой я могла заслушиваться часами.

– Вышивка помогала вынести тревогу за ушедших на войну, в море, за тех, от кого долго не было вестей, за тех, кто на чужбине. Иголкой женщина сердце свое, боль вкалывала в ткань, надежду, любовь.

Бабушка плохо говорила по-русски, никогда не брала в руки книгу, кроме – изредка – старого фолианта, завернутого в чистую белую ткань. «Это, – говорила она, поглаживая чугунной рукой нежную материю, – Богина книжка». Я смеялась над забавным названием, а она хмурилась и водворяла книжку на место, непременно выше, на самую верхушку шкафа. «Так, – говорила она, – злые духи никогда в дом не прилетят. Увидят Богину книжку наверху, почувствуют чеснок под половицей – (О, это тоже была традиция! Под половицкой у входной двери непременно закладывался завернутый в бумагу зубчик чеснока!), – подумают и пройдут стороной».

Средством массового поражения злых духов служили также соль, сухие семена травы могильника и прочие изыски народной фантазии.

Бабушкины соседи были четко разделены на 2 неравных лагеря: тех, кто уважал бабушку (таких было большинство) и тех, кто ее боялся. Сама же она строго от-

носилась и к тем, и к другим, не терпела возражений, но неизменную сердечность питала к худощавой, острой на язык женщине, жившей в соседнем доме.

Я помню эту женщину. Узкая в кости, плоскогрудая, она никак не вписывалась в каноны восточной женской красоты, где выступающая косточка на запястье уже служит признаком болезни или плохой жизни. Если у недавно вышедшей замуж девушки выступала косточка на запястье, бабушка цокала языком и причитала: «Вай-вай-вай! Житье бедной девочки в замужестве несладкое. В плохое место попала!» (Про меня она вообще говорила: доска доской! – и пыталась закормить до отвала).

Кроме того, соседка та носила очки, что тоже не особо приветствовалось в женщине, и не красила седые легкие волосы, будто гордилась своей сединой.

Жила в однокомнатной квартире на первом этаже. Перед окном был крохотный палисадник, в котором рос огромный куст буддлеи – сухой сирени, медоноса. В июле над тяжелыми кистями тучами летали пчелы. Тогда весь куст казался дымчато-фиолетовым сердито жужжащим облаком! Даже аромат над ним казался сизым. Я любила глядеть на него в марево, когда воздух звенел от жара, и все другие цветы безвольно поникали. Только расплавленная синева текла с неба, да дымилась сизым облаком буддлея, и вяло трепыхались подсиненные крахмальные простыни.

Единственно к этой соседке бабушка употребляла совершенно иное определение: «Дочь настоящего мужчины».

– Она мужественная женщина, – как-то однажды обмолвилась бабушка. – Не каждая решится на то, что сделала она.

Я замерла. Бабушка была не склонна к пропастранным речам. Но обливной летний вечер так нежил нагретые перила балкона и руки бабушки, непривычно сложенные на коленях. Откидной столик был накрыт ковровой скатертью, в маленьких грушевидных стаканчиках бархатом переливался чай, дыня золотилась на узорчатом блюде. Покой обнимал душу, вечерний лиловый покой, когда не хотелось думать ни о чем, а только смотреть в угасающее ласковое небо.

– Она из хорошей семьи, – негромко начала бабушка. – Говорят, предок ее был какой-то князь, но это я не знаю точно. Отец умер рано, жила она с матерью. Мать болела, ухаживала за нею, замуж, когда нужно было, не выходила. А у девушки что? Хоть красивая, хоть дурнушка, – у любой есть свое время, когда сваты чуть не толпами приходят. А пропустишь это время, и пойдет их толпа на убыль. Думаешь, еще успеешь, а Судьбу, как коня, за уздцы не схватишь – уходит твое время. Будь ты красавицей. Молодость для женщины – великое дело, об этом помни всегда.

Ну вот, дожила она до тридцати лет, или даже больше ей было. Мать, чувствуя, что недолго ей осталось, стала молить, мол, выходи замуж, дай мне напоследок на счастье твое полюбоваться и умереть спокойной.

Отнекивалась она, да и характер у нее непростой, все, что думает, в лицо говорит, но какие-то родственники или знакомые постарались, решили познакомить с мужчиной ее лет. И вроде все хорошо складывалось, о свадьбе стали поговаривать. Мать хорошая у нее была, простая, как радовалась, бедняжка. Все меня домой звала, открывала сундук, показывала, что она для дочки подготовила в приданое и приговаривала: «лишь бы к добру служило, лишь бы к добру».

А месяца за два до свадьбы расстроилась помолвка. Сейчас, конечно, многое забылось, но тогда шум такой подняли. Говорили, что, вроде, она еще параллельно с кем-то встречалась, а этому жениху своему просто голову дурила. Я первая сказала, что никогда этому не поверю. Не такой она человек. Тут что-то другое было.

Так и оказалось. Меня удивить трудно, я в жизни всякое видала, но тут я подумала: правильная девка и умная! Только ум этот ей счастья не принесет.

Оказывается, вот как было. Почувствовала она себя внезапно плохо. И температура, и слабость, и кашель, и исхудала еще больше. Ну, понятное дело, волнуется девушка перед свадьбой, тут еще и мать больная, как не похудеешь.

Но пошла на всякий случай к врачу. И оказалось, к несчастью, — туберкулез у нее открылся. Правда, в начальной стадии, еще не заразный. Можно было лечить в домашних условиях. Конечно, расстроилась страшно. А на мать вообще было больно смотреть: что люди скажут, как теперь со свадьбой.

Но делать нечего, надо жениху было все сказать, как есть. Он, конечно, сразу опечалился, стал утешать, что это ничего, не смертельно, это лечится, и они все преодолеют вместе.

Но что-то, видимо, она увидела в глазах его. Потом мне сама рассказывала. Не матери, а мне. Иногда бывает, что посторонний человек лучше поймет, чем родной.

Страх и презрительность промелькнули в его глазах. Но неудобно. Подлецом-то никому быть не хочется. И поняла она, в ту же секунду поняла, что ему хочется вывернуться из этого, так, чтобы и хорошим оставаться, и от заболевшей невесты бежать, куда подальше.

Улыбнулась она и перевела разговор на что-то другое. А через несколько дней, зная, что жених должен прийти к ним в гости, пригласила соседа-студента из квартиры напротив. Будто бы для того, чтобы помог ей разобраться с утюгом. А дверь специально притворенной оставила. Мать в своей комнате была, она редко из нее выходила.

И вот в ту минуту, когда послышались шаги на лестнице, и жених вошел в дом с сеткой фруктов, она резко повернула к себе бедного студента и крепко обняла его!

— Да ты что?! — не удержалась я.

— Да-а! Вай, что тут началось! Студент хлопал глазами, весь красный, ничего не понимал. Жених кричал, что, вот, он думал, что его невеста — чистая девушка, заболела, ей надо помогать, поддерживать, а она, шалава такая, оказывается, вот чем занимается! А он-то молился на нее! И что ноги его доме не будет. Потом швырнул фрукты на пол, пнул дверь и убежал.

А она едва заметно улыбалась. И когда вышла мать и стала плакать, она приложила ее руки к своему сердцу и сказала, что так было надо.

А студент, приди в себя, спросил, что это было? И она ответила, что просто подарила человеку свободу.

Бабушка хитро сощурилась. Вечер из лилового стал чернильным, и оттого лицо ее казалось черным.

— Скандал был, конечно, большой. Но потом все стихло. Она лечилась, выздоровела. Правда, замуж так и не вышла. Так и жила с матерью. Потом одна. Хорошая она. Ты, смотри, всегда с ней здоровайся, как встретишь.

— Я здороваюсь.

— А этот куст красивый, что у нее под окном растет, знаешь, как вырос? — не обращая внимания на меня, продолжала бабушка. — У них рос маленький кустик этих цветов, но не цвел даже. А она ухаживала за ним, поливала. И вот, когда разъяненный жених сбежал вниз, он от злости наступил на него, и даже топтал, чтобы на верняка его сломать. А она потом вышла, аккуратно поломанные ветки и листья обрезала под корень, и все равно поливала. И он не погиб! Двинулся в рост и уже на

следующее лето дал несколько цветов. А теперь видишь, какой красивый вырос. Только я не знаю, как он называется. На сирень похоже, но сухую, и цветет летом. И листья – как пальчики, а у сирени – сердечками.

Я украдкой бросила взгляд на соседний дом. В свете уличного фонаря и дом, и кустарник у стены сливались в одно черное пятно.

– Пойдем в дом, – вздохнула бабушка. – Комары совсем закусали!

Наутро солнце наяривало так, словно мстило за прохладу вечера. Над буддлеей вновь поднималось дымчатое сиреневое облако, жужжали пчелы. Худощавая женщина с легкими седыми волосами поливала его. Шумные соседки с бабушкиного двора развесивали подсиненные крахмальные простыни и подпирали веревки длинными палками-рогулинами. В окна плыл запах буддлеи, свежего белья, нафтилина и пряных бабушкиных трав. Как надежность, обещание следующей зимы.

Это обещание рухнуло 26 марта 1999 года. А вскоре исчез и палисадник с красицей-буддлеей. На этом месте построили гараж.

Я не захожу в этот двор. Там давно живут другие люди. Но всякий раз, когда мне приходится видеть красивый рослый кустарник с дымчатыми кистями, похожими на сухую сирень, я вспоминаю худощавую, острую на язык женщину. Единственную соседку, о которой бабушка неизменно отзывалась «Дочь настоящего мужчины».

Голубой янтарь

*Посвящается Эми Ариель.
Физику от дочери физиков!*

Наш учитель физики – Григорий Алексеевич, был денди в самом классическом понимании этого слова. Всегда одетый с иголочки, в безупречно сидящем на нем костюме, он и сам походил на стрелки своих брюк – идеально параллельные прямые. Изрядно облысевший, но сохранивший гордую посадку головы, он на мир взирал снисходительно и несколько надменно.

Кабинет физики как нельзя лучше подходил его облику. В нем все было монументально. Огромный, темный от полуспущенных штор, с большой кафедрой, с высоким потолком – он напоминал средневековый готический собор. Потемневшие таблицы физических величин и портреты физиков усиливали впечатление. Физики, все, как на подбор, были угрюмые, бородатые и суровые. Лишь портреты Марии Кюри-Склодовской, Эйнштейна и Льва Ландау разбавляли средневековую торжественность этого школьного храма науки. Пышные облака их волос придавали ему налет неуловимой праздничности.

Сходство с готическим собором усиливала и акустика. Наши звонкие голоса отскакивали от стен и падали камнями в темное бездонье кабинета. И особая прохлада окутывала наши разгоряченные после физкультуры юные тела, высыпал смех на наших губах, и мы чинно рассаживались за парты. Они тоже были потемневшими от времени.

Ровно через две минуты после звонка Григорий Алексеевич входил в класс. Лицом – словно брат-близнец телеведущего Юрия Сенкевича, он не обладал ни ульбчивостью того, ни умением расположить к себе собеседника. Григорий Алексеевич был лордом, застегнутым на все пуговицы, изнутри и снаружи.

Уроки он строил по своему собственному принципу. Никаких разделений на опрос учащихся по предыдущей теме и объяснений нового материала не было. Григорий Алексеевич или неделями напролет диктовал нам лекции, мерно прохаживаясь между рядами, или по несколько раз подряд устраивал фронтальные опросы. И тогда пощады не жди! Прямой, высокий, с набрякшими веками и чуть трясущимися руками, он вossaедал за кафедрой и бесцветным, лишенным всяческих модуляций голосом вызывал к доске очередного страдальца. Конечно, таковыми являлись не все. Многие из нас прилично знали физику. Но я не была в их счастливом числе. Мои дорогие родители-физики, отчаявшись вложить в мою голову хоть крупицу понимания завораживающих слов: «правило буравчика», «закон гидростатики», «закон Бернулли» и прочих подобных словосочетаний, просто принялись решать за меня школьные задачки. Я их аккуратно переписывала и предъявляла Григорию Алексеевичу как свидетельство не окончательной моей тупости в физике. Григорий Алексеевич рисовал мне «четверки» и посматривал на меня иронично! Кому, как не ему было знать, что в учебниках по физике я больше заглядывалась на портрет физика Сади Карно, потому что он, в отличие от своих коллег, был красив и еще не успел обзавестись академической бородой. Сами же труды Карно по физике интересовали меня куда меньше! Точно так же моей настольной книгой с двенадцати лет была книга Евы Юори о своей матери. Но и в ней меня больше привлекали не работы супругов Юори по открытию радия и полония, а личность самих ученых. В законе Архимеда меня больше интересовала ванна, в которую изнемогающий от жары грек решил бултыхнуться; в законе Ньютона – сорт яблока, которое свалилось ему на голову, его сочность, вкус, цвет. Все, что хоть на капельку могло вызвать ассоциации, выпускало джинна моего воображения из бутылки. Оно цвело и распахивало радужные миры предо мною. Григорий Алексеевич в эти минуты не мешал мне. С точностью метронама падали звуки бесцветного голоса, и это была единственная хрупкая связь с реальным миром!

Понятно, что такая восхитительная беспечность не могла длиться вечно. Результатом моего триумфального позора явилась злополучная тройка по физике – единственная в моем аттестате. На фоне сияющих пятерок и четверок, тройка эта ехидно скалила зубы моим родителям. Мне на нее, в общем-то, было начихать; я знала, что свяжу свою жизнь с филологией. Но вот родители, и в особенности мама, грустно смотрели на аттестат и приговаривали: «Хоть бы по какому-нибудь другому предмету она была!»

А «тройка» получилась совершенно внезапно и неожиданно. Так же, как неожиданно появляется все, что остается навечно. До сих пор не знаю, какой злой черт дернул незабвенного Григория Алексеевича вызвать меня к доске, когда на урок пришла комиссия с проверкой.

До сих пор ясно помню этот день – 8 апреля 1986 года. Готический храм кабинета физики был суров и торжественен больше обыкновенного. И вот комиссия расположилась на задних партах; я, в полной уверенности, что к доске вызовут сильнейших, приготовилась изобразить предельное внимание примерной ученицы. Благость и жертвенное рвение к науке изобразилось на моем лице! Еще минута и ... я снова воспарю в сладостном мире своего воображения!

– Багирова! – надтреснутым голосом вызвал меня Григорий Алексеевич. – К доске!

Я не испугалась – это было позже! – я удивилась настолько, что соседка по

парте дернула меня за рукав: иди, мол!

Все еще недоумевающая, я вышла к доске и с интересом посмотрела на нее. В последний раз я стояла возле нее в прошлом году. Больше милосердный Григорий Алексеевич не тревожил ни меня, ни себя.

– Ваша задача № 147. Приступайте! – Григорий Алексеевич медленно повернулся и принял объяснять действие какого-то механизма.

Я написала условие задачи и застыла в позе угнетенной невинности.

– Ну-с, Багирова, что будем делать? – раздался миролюбивый голос Григория Алексеевича. Он, кажется, понял свою оплошность. Не стоило вызывать слабого ученика при комиссии.

– Очевидно, надо что-то делать! – голос Григория Алексеевича пробудил во мне «храброго зайца», и я обнаглела!

– Несомненно! – саркастично подтвердил учитель. – Так что же надо сделать?

– Здесь надо, надо...

– Не правда ли, вы хотели вывести формулу кинетической энергии?!

– Правда-правда! – радостно закивала я. – Я как раз о ней и думала!

– Я рад, что мы мыслим в одинаковых плоскостях, Багирова! Пишите!

У меня за спиной выросли крылья! Дело в том, что формула кинетической энергии была единственной (!!!) формулой, которую я помнила с шестого класса наизусть. Помню до сих пор. $E=mv^2/2$.

Это была неслыханная удача! Радужный ветер воображения не оставил меня и пришел на выручку! Я знала, что он мне поможет!

Ломая и кроша мел, я бодро написала формулу и горделиво застыла возле доски.

– Ха-ха-ха! – раздалось за спиной. Я обернулась. Класс хохотал, а Григорий Алексеевич глядел на меня с выражением глубокой тоски и обреченности. В водянистых глазах его застыла вся скорбь этого мира.

– Багирова! – произнес он трагично. – Я отдаю должное вашей замечательной памяти. Вы так кстати вспомнили формулу, которую мы изучали в шестом классе. Но, надеюсь, вы не забыли, какой раздел физики мы изучаем сейчас, в 10-м классе?

Я молчала, потрясенная! А что, есть несколько разделов физики? Как интересно! И сколько? Смутно стали всплывать названия, будто острова, похожие на сон: оптика, термодинамика, статика... Стоп! А что мы сейчас изучаем?!

– Фотоэффект! Фотоэффект мы сейчас изучаем! – воскликнул Григорий Алексеевич в ответ на мои мысли. – Корпускулярную теорию света! – Это было первое восклицание, которое мы все услышали от него! Водянистые глаза его от бешенства стали ярко-голубыми! Что значило, мне удалось вывести его из привычного индифферентного состояния!

– Да, Багирова, мы сейчас изучаем фотоэффект! Уже месяц! И там совершенно иная формула кинетической энергии! Там нужна постоянная Планка!

Размашистым шагом он подошел к доске и, с силой вдавливая мел, написал несчастную другую формулу.

– Видите!!! Вот это! – он жирно, так что поднялась меловая пыль, подчеркнул одну из латинских букв, – это и есть постоянная Планка!!! Вы поняли?!!

Кто такой Планк? Почему его не нарисовало мне воображение? Как оно смело меня подвести! Впрочем, как не нарисовало?! Это тот дядька, похожий на писателя Ромена Роллана! И он тоже любил музыку. Ну да, он любил музыку постоянно! От-

сюда и постоянная Планка!

– Да! – пролепетала я.

Григорий Алексеевич посмотрел мне в глаза и отправил на место. Назавтра журнал против моей фамилии украсился двумя «двойками», в четверти и на экзамене получилась «тройка». Это не было справедливо. Это было милосердно. По справедливости, я заслуживала единицы! Но, возможно, человечество давно бы вымерло, если бы с ним поступали только по справедливости.

Мы встретились с ним в последний раз, когда я уже была студенткой четвертого курса. Я летела домой после экзамена летней сессии, пробегала мимо своей школы и чуть не врезалась в него. Он заметно постарел, хотя был по-прежнему невозмутим и подтянут.

– Не стоит так торопиться, Багирова! – прозвучал знакомый ироничный голос.

– Быстрота перемещения материальной точки по направлению к цели еще не определяет скорое достижение этой цели.

– Ой, Григорий Алексеевич, простите! Здравствуйте! Как вы?

– Благодарю. Нормально. Вы лучше расскажите о себе. Как учитесь?

– Отлично! – похвасталась я. – Мне нравится.

– Ну что ж, литература и филология всегда были ваши страстью. Рад за вас. Вы, кажется, еще хорошо успевали и по биологии.

– Да, – изумленно протянула я. И как он только все помнит?! – Я любила литературу и биологию.

– Да-да, *De Rerum Natura*, – задумчиво сказал он.

– Что?

– Так, – усмехнулся он. – «О природе вещей». Лукреций Кар, поэт, ученый и философ. Вспомнилось. Пройдемте-ка в сторону. Что же мы на пути у людей стоим? Или вы торопитесь?

– Нет, что вы!

Мы присели на скамейку под большим платаном. Он почти укрыл ее тенью, но сквозь листья то и дело прорывались веселые солнечные лучи. Один из таких лучей выхватил янтарь на моем кулоне и зажег его россыпью теплых искр. Невозможно было им не залюбоваться!

– Вы любите янтарь? – спросил учитель. – Он идет вам.

– Да, мне нравится этот камень. И потом это память. Вообще это были серьги моей прабабушки. – Я протянула Григорию Алексеевичу свой кулон (он и по сей день со мной) со старинной огранкой на серебре. – Во время войны одну из серег прабабушка выменяла на полбуханки хлеба и немного яблочного повидла. Тогда выменивали на продукты все ценное. А после войны уже бабушка сделала из оставшейся серьги кулон, и он так и переходит по наследству в нашей семье.

Григорий Алексеевич едва заметно улыбнулся. И в глазах его вдруг затеплились голубые огоньки с медовым оттенком. «Точно голубой янтарь», – подумала я. Об этом исключительно редком сорте янтаря мне было известно.

– А вы знаете, Багирова, – по-прежнему иронично спросил он, – легенды о янтаре? Или фольклор не входит в число изучаемых вами дисциплин?

Я улыбнулась. Вопрос был задан явно в шутку, шуткой надо было и ответить.

– Ну, конечно, не так хорошо как вы, но кое-что из легенд известно и мне. Древнегреческие, латышские. О Фаэтоне, сыне Солнца, Мелеагре, о царевне Юрате и ее янтарном замке.

– А о птице Гая?

– Нет, честно говоря.

И на маленькой скамейке под раскидистым платаном отнюдь не романтичный наш учитель физики поведал мне прелестную легенду о волшебной птице Гая в ярко-голубом оперенье, о янтарном ожерелье удивительной красоты, что хранила эта птица в своем гнезде. О том, что каждая пластина его обладала чудесной силой. Посмотришь с одной стороны – увидишь затерянный мир с его обитателями. С другой – перед тобой леса, моря и горы. С третьей – небо, поля, равнины и реки. А с четвертой – сады, деревья, оливковые и дубовые рощи. Все во славу жизни и природы, и труда рук человеческих. И о злом заморском короле, что позавидовал птице и велел своему лучшему охотнику отнять янтарное чудо у нее.

И свершилось злодейство! Подстерег охотник голубую птицу, когда та улетела к морю, и выкрад у нее ожерелье. И, опьяненный легкой победой, сел на свой парусник и собрался отплыть. Но как вихрь налетела на него разгневанная птица, вцепилась когтями и подняла в воздух. «Отпусти меня, – взмолился охотник, – я верну тебе ожерелье. Ну, хочешь, возьми за него выкуп».

Не дослушала птица охотника и сказала: «То, что ты украл, земля подарила людям. Но владеть этим даром дано не тому, у кого длинные, а у кого умелые и работящие руки, умное сердце и добрый ум».

С этими словами птица разжала когти, и охотник упал в море. А ожерелье хоть и не было тяжелым, потянуло вора ко дну. Испугался охотник, выбросил ожерелье, и скрылось золотистое чудо в илистом дне. Кое-как выбрался охотник и на суденышке своем отплыл восвояси.

Король был очень разгневан и велел казнить охотника. Прошло много лет. Никто не видел больше янтарного ожерелья и чудесной его хранительницы. Покинула она эти места навсегда. Но, говорят, будто каждая янтарная пластинка ожерелья пустила корни в илистом дне, и в этом месте выросло дерево. На его ветках растут хрустальные свечи. Плачут эти свечи восковыми слезами о нежной обиженной птице, что больше не прилетит в эти края. И каждая такая слеза, попадая в руки людям, преображается в янтарь и рассказывает им о волшебных мирах, что потеряны для них навсегда.

– Изумительно! – выдохнула я. – Григорий Алексеевич, я даже представить себе не могла, что вы, вы..

– Знаю легенды, а также многое другое, – спокойно подытожил он. – Боритесь с клише, Багирова. Клише портят человеческие отношения и представление о людях. Это в точных науках надо придерживаться установленных величин, мер и весов; ваша стезя предполагает больше свободы для творчества. Могу поспорить, что вы решили, будто это легенда только о янтаре.

– А о чём еще? – не поняла я.

– О труде! – усмехнулся физик. – По большому счету, песнь во славу человеческого труда. О том, что только созидательному труду дается в награду красота. Человек должен работать, тогда будет радость для его души.

Это уже смахивало на лозунг, и я подавила улыбку.

– Разве я сказал что-то смешное? Посмотрите на свои ладони.

Я взглянула. Ладони как ладони, испещренные линиями.

– Видите несколько глубоких линий? Вместе они как бы образуют букву «М». Это сейчас их модно называть линиями жизни, судьбы, ума и прочее. А в Голландии

есть такой хороший обычай. Когда ребенок становится способен что-то соображать, мать показывает ему его ладошку и говорит: «Это буква «М», что означает man – человек. Ты – человек!» А потом она переворачивает ладошку и буква «М» превращается в «W» – work – работа. И говорит малышу: «Человек родился для того, чтобы работать. Человек должен работать». Ребенок запоминает, и ощущение труда живет в нем. В нем его усталость и удовлетворение. И это правильно, это здорово, в конце концов, это продлевает жизнь.

Я промолчала. Григорий Алексеевич тоже задумался. Тень от платана стала гуще и длиннее. Потянуло холодом.

– Вечереет, – поднялся он, и в глазах его вновь на секунду вспыхнули голубые искры с медовым оттенком. – Бегите, солнечная девушка. В свой век, в свой час.

– Простите?

– Ах, да, я и забыл, вы не проходите Цветаеву. – «Не проходите» было сказано даже не с иронией, а с сарказмом! – «Езжай мой сын. В свой край, в свой век, в свой час, – от нас». Удачи вам.

– До свидания, Григорий Алексеевич.

Он ничего не ответил и медленно стал удаляться. Высокий, подтянутый, невозмутимый. В белоснежной рубашке и безупречно отглаженных брюках. Сам походивший на стрелки своих брюк – идеально параллельные прямые.

Больше мы никогда не встречались. Через несколько лет одна из одноклассниц сказала мне, что Григорий Алексеевича не стало. Жена с сыном проживали отдельно. Другой семьи, кроме школы, у него не было.

Кода

Август в Алупке был тих и задумчив. Уже краснели листья винограда, и причудливые их тени отражались на выбеленных жарой и временем стенах домов. Уже лазоревые кипарисы казались более сдержанными, и от них тянуло печальной смолистой прохладой. Воздух становился прозрачным и звенящим, а это верная примета осени, еще не наступающей, а, словно кошка, вкрадчиво и мягко крадущейся. Но так же, как кошка, всегда верно и незаметно достигающей своей цели.

Малика Андреевна медленно перебирала бахрому скатерти. Вся жизнь прошла в этом доме, еще дедовском, потом родительском. Каждая вещь в нем имела свой запах, цвет и даже звучание. Так, старое кресло издавало короткий печальный звук, будто вздыхало, а дверка рассохшегося шкафа – длинный и резкий, будто школьный звонок.

От отца – русского и матери – татарки ей досталось необычное имя и привлекательная внешность. Имя в переводе с арабского означало «Принцесса», и Малика помнила, как отец, подходя к ее детской кроватке, шутливо окликнул ее: «Принцесса Андреевна, извольте просыпаться». Лицом Малика Андреевна была похожа на артистку Самойлову, ту юную и трепетную Веронику в бессмертных летящих «Журавлях».

Ах, время, время, безжалостное время... Не щадишь ты ни красавицу, ни дурнушку. С одинаковой безжалостностью вычерчиваешь ты скулы, делая их более резкими, с геометрической точностью касаешься щек, и они провисают, утрачивая юношескую припухлость и очарование. С какой дьявольской фантазией рисуешь ты на полотне человеческого лица узор из морщин и горьких складок, истончаешь губы,

гасишь глаза. И вот уже ложится на голову первый снег, выбеливая ряд за рядом, и вот уже молодость остается как напоминание несколькими темными волосками на затылке, но вскоре и эти осенние чернотропы укроет зима.

Дом был главной любовью Малики Андреевны. Большой, нескладный, бестолково, но крепко сложенный,, он был рассчитан на большую семью, на беспрерывный топот босых детских ножек по теплым половицам. Часть дома выходила на одичавший грушевый сад. По кривым стволам груши бегали веселые ящерки, в глубине листвы виднелись мелкие каменные плоды, но, самое главное, сад надежно защищал от солнца и любопытных глаз. Это радовало.

Трогательной и наивной мечте деда Малики о большой семье не суждено было сбыться. Малика Андреевна доживала свой век одна: единственная дочь ее, Раиса, или как называл ее муж – Раиса, вышла замуж и уехала в Ленинград. Семейная жизнь не заладилась, и она осталась одна с маленьким сыном Ленаром на руках. Но к матери не вернулась, осталась в своем далеком холодном городе, где даже глаза у людей напоминают синеватый невский лед. Малика Андреевна была южным человеком, горячее крымское солнце было у нее в крови, и глаза ее были похожи на ягоды винограда «Изабелла» – того самого, из которого делают самое колдовское и нежное вино Крыма, и она не понимала, как можно жить без гула Черного моря, без запаха кипарисов и соленой гальки.

Раиса приезжала редко и с какой-то неохотой. Она стала совсем северным человеком, и на многоцветье родного города смотрела с легкой снисходительной улыбкой, как смотрит взрослый человек на свою старую детскую игрушку. Несколько теплых, радужных воспоминаний, и вот уже снова игрушка убрана в дальний угол антресолей. Ленар тоже был совсем не южным мальчиком – степенным, ровным, вдумчивым. Улыбка редко появлялась на его узких губах, он смотрел на Малику Андреевну поверх стекол небольших очков и почему-то ей становилось не по себе от этого взгляда. Она понуждала себя любить внука, но с горечью понимала, что не чувствует к нему ничего, кроме привычных «должностных» чувств бабушки. Да и он много-го не требовал. Чинно ел, чинно говорил «спасибо» и белые его носочки были всегда идеально чисты. Малика Андреевна вспоминала свое детство, загорелые ноги, исцарапанные тамариском и прибрежными колючками, и ей отчего-то становилось тоскливо.

Когда дочь с внуком уезжали, она чувствовала некое облегчение. Привычно чмокала отъезжающих в щеку, впихивала им в руки корзины и свертки с домашними разносолами, фруктами и прочей снедью, долго махала рукой на перроне, и ... внутренне улыбаясь, возвращалась в свой любимый деревянный дом с прохладными чисто-вымытыми половицами, в милое свое пристанище, пропахшее солью и сухими травами, винным запахом груш-дичков из сада и еще чем-то неуловимым, от чего вздрагивало и звенело сердце.

К Малике Андреевне редко приходили гости. Обычно это были две или три приятельницы, две золовки, жившие в Евпатории и после смерти брата нечасто, лишь по большим праздникам наведывавшиеся к его вдове. Да и она не была любительницей кого-то обременять своим присутствием. Ей было хорошо в своем доме, она знала в нем каждую щербинку, каждую смешную отметину на косяке двери, на котором они с мужем отмечали рост Раисы, ежегодно делая новую черточку.

Впрочем, сегодня к ней должен наведаться старинный приятель – Георгий Валерьевич, или попросту Жоржик, с которым они вместе учились в школе, сидели за

одной партой и который был беззаветно влюблен в нее до сих пор.

«Ромео» – так звали Жоржика в школе, «постаревший Ромео» – такое бы прозвище подошло ему сейчас. Иногда Малика Андреевна испытывала легкие угрызения совести: ведь, по большому счету, это из-за нее Жоржик так и не женился, не обзавелся детьми, и даже не имел мало-мальски стоящего романа на стороне. У него в жизни была одна звезда – его Принцесса Малика и еще большая страсть к музыке. Но и тут судьба насмешливо улыбнулась ему: вместо мужа он стал всего лишь добрым другом любимой женщины, а вместо исполнителя-виртуоза всего лишь настройщиком роялей. Почти рядом, но всегда почти. Вот и сегодня он придет, чтобы настроить старинное пианино, принадлежавшее еще матери Малики, красавице Эсьме, о чьей яркой красоте в Алупке некогда ходили легенды.

Сама Малика играть не умела. Эсьма, обладавшая небольшим, но глубоким контральто и прекрасно владевшая инструментом, иногда в сердцах кричала на Малику, что, мол, за какие- такие грехи Бог послал ей dochь, которой на ухо наступил не один, а, очевидно, целая стая медведей, и при этом долго и с удовольствием топталаась на этом ухе! Малика была напрочь лишена музыкального слуха. После смерти Эсьмы черную полированную крышку пианино с золочеными шандалами никто не поднимал. Раиса оказалась равнодушной к музыке, но продать или подарить кому-то память о матери у Малики не поднималась рука.

Так и стояло пианино в углу, тускло мерцая потрескавшимся лаком, и молчать бы ему всегда, если бы Малика изредка, будто стесняясь, не просила бы Жоржика зайти и настроить его. Собственно говоря, не так оно и нуждалось в настройке, но Жоржик – нынешний Георгий Валерьевич – так чудесно играл на нем. Малика Андреевна усаживалась рядом и обращалась в слух.

Особенно часто звучал вальс Шопена №7 до диез минор. Оба любили эту вещь, и лицо Жоржика – длинное некрасивое лицо с лошадиными зубами и впалыми, будто изъеденными астмой щеками, становилось одухотворенным. Тонкие пальцы его, пальцы пианиста, взлетали над пожелтевшими клавишами и касались их так легко, так бережно, будто ласкали любимую женщину, дотрагивались, как до святыни бархатистого шелка ее кожи. Лоб его бледнел, глаза были полузакрыты, а жиденькие серые волосы казались в эту минуту роскошной шевелюрой Шопена – вечного романтика в музыке, лунного композитора, испепеленного в тридцать девять лет неистовым солнцем Майорки и огненной любовью Жорж Санд.

Малика Андреевна вздохнула и улыбнулась своим мыслям. На часах было без четверти пять пополудни, и длинные тени уже пролегли на полу слева направо. Звонок в дверь. Жоржик.

– Прости, припозднился, Малика. Работы много. Учебный год начался, все просят настроить инструменты. Здравствуй.

– Что-то редко ты стал меня навещать, – проворчала Малика больше для виду.
– Последний раз в мае был.

– Ну, так, то-сё, туда-сюда. Сама знаешь.

– Знаю, – коротко ответила Малика, хотя на самом деле никаких «то-сё» она не знала, а знала, что Жоржик пореже старается бывать у нее, чтобы не бередить душевную рану. Но она не была бы женщиной, если бы не попеняла ему за редкие визиты.– Есть будешь?

– Нет, что ты! Вот от чаю не откажусь. Продрог что-то. Как Раиса, внук? Звонят, пишут?

– Нормально, – пожала плечами Малика. – Живы-здоровы. Привет тебе передавала Раиса.

– Я ее еще маленькой помню, – вздохнул Жоржик. – Веселая была, все спрашивала: «Дядя Шошик, ты пофему к нам едко пийходиф?! Ты када мне мифку подаиф?»

– Да ты ей мишек этих надарил кучу. Вон на антресолях всех размеров и сортов. И пластмассовые и мохнатые, и белые и коричневые. Я ей говорила: «Возьми Ленару», а она «Нет, кто сейчас такими старыми играет, у него лучше есть». Так и лежат.

– Ну, правильно она говорит, зачем ему старые игрушки. В Ленинграде красивее можно найти. Ладно, пойду работать.

Он откинулся на спинку кресла, взял несколько звуков и внимательно вслушивался, как звуки растворялись в тишине дома. Потом открыл верхнюю крышку и стал сосредоточенно всматриваться в бесчисленные бархатные и металлические молоточки и струны. Что-то подтягивал, снова пробовал звук, недовольно покачивал головой, опять всматривался внутрь пианино и походил при этом на врача-хирурга, который никак не может решить, как сделать надрез. Малика вышла в кухню.

Прошло еще немного времени, сумеречный свет стал лиловым, и зажгли электричество. В его свете даже голоса приобрели другой оттенок.

– Ну, кажется, все, – удовлетворенно хмыкнул Жоржик. – Сейчас попробуем.

– Погоди, Жоржик, я все-таки покормлю тебя, – тихо сказала Малика. Она принесла из кухни чугунок с горячей картошкой, свежепросоленные огурцы и половину жареной курицы. От огурцов приятно пахло укропным семенем, от картошки валил душистый пар чеснока и лаврового листа, и у Жоржика на минуту сжалось сердце.

– Наливки хочешь рюмочку? Черносмородиновой?

– Что? Да, можно. А ты не сядешь со мной?

– Я уже ела. Я просто посижу рядом, ты ешь.

Она сидела напротив, смотрела, как он ест, как смешно и нелепо двигается кадык на его шее, как медленно краснеют уши и в тысячный раз спрашивала себя, могла ли она полюбить его вот такого – нелепого, трогательного, верного, беззатратно ей преданного? День изо дня делить с ним стол, постель, жизнь, засыпать и просыпаться рядом с ним, родить от него детей, ухаживать за ним, когда он заболеет, провожать его на работу, чинить ему одежду, утешать, когда ему горько. И с тоской понимала, что нет.

«Почему так? – думала она. – Ну почему? Ведь никого нет, кто так бы любил меня, ловил каждое мое слово. Дуры мы все же, женщины, нам непременно подавай того, кто нас бы покорял силой и словом и мы были маслом в их руках. А тут... Ведь одного моего слова достаточно, одного ласкового прикосновения к волосам, и он был бы счастлив до конца жизни. А я не могу. Почему? Почему??»

Малика вспомнила своего мужа. Он был красивым и зеленоглазым, улыбчивым, уверенным и сильным. И отчаянным бабником. Малика любила его без памяти. Жили они бурно, после жутких скандалов следовали страстные примирения, но муж любил повторять с самодовольной улыбкой вычитанную где-то фразу: «Тот, кто женится по любви, имеет славные ночи и скверные дни». В пятьдесят лет он умер, сраженный инфарктом, умер, как птица – тихо, без звука, и на губах его застыла недоуменная улыбка, он и сам не понял, что с ним. Мулла сказал на поминках, что так умирают праведники, и ангелы подхватывают их на свои крылья, перенося в долину, где схо-

дятся все стези. Малика не считала, что муж ее был праведником, но после него жизнь показалась ей пресной и лишенной радости.

Жоржик тогда немного воспрял духом. Но и сейчас, спрашивая себя, Малика поняла, что поступила бы точно так же, как тогда, отказав ему. «Бедный, чуткий Жоржик, — думала Малика, — он ведь избавил меня от необходимости что-то объяснять, он просто посмотрел мне в глаза и сказал, что опаздывает на работу и что зайдет как-нибудь потом. Господи, ну почему так, почему ты так устроил, чтобы люди мучились на пустом месте, когда все можно сделать удобно, любить того, кто тебя любит, и не любить того, кто тебя не любит? Или так невозможно? Какой у тебя в том расчет, Господи, чтобы люди мучились и страдали, и как счастье принимали крохи тепла и ласки?»

— Спасибо, Принцесса Андреевна, — улыбнулся Жоржик — очень вкусно.

— Погоди, чай принесу, — метнулась Малика в кухню, у меня и конфеты есть шоколадные. Сыграй, пожалуйста, как обычно.

— Ты знаешь, я недавно песню слышал по радио, французскую, мне она очень понравилась. Называется «Река нашего детства». Послушай, тебе понравится. А Шопена успею сыграть.

Жоржик уселся за пианино, пробежался по клавишам и запел негромко. Голос у него был маленький, но чистый и приятный. И слова чужого языка он выговаривал тщательно, как ученик, но так трогательно. Малика слушала с удивлением и вниманием.

Я помню дерево,
Я помню ветер,
Плеск волн
О берег океана.
Я помню город,
Я помню голос,
Блестящие на снегу и морозе
Рождественские огни.

Я помню мечту,
Я помню короля,
Уходящее лето,
Деревянный дом.
Я помню небо,
Я помню воду,
Кружевное платье,
Порванное на спине.

Это не кровь течёт в наших венах,
Это река нашего детства.
Это не смерть его причиняет мне боль,
А то, что я больше не увижу, как мой отец танцует.

Я помню маяк,
Я помню знак,
Вечерний свет,

*Безымянную комнату.
Я помню любовь,
Я помню жесты,
Дорогу в фиакре,
Аромат духов на моей куртке.
Я вспоминаю так поздно,
Я помню так мало.
Случайные поезда,
Парочку влюбленных.
Я помню Лондон,
Я помню Рим,
Солнце, которое создает тень,
Печаль, которая создаёт человека..*

Мелодия была незатейлива, повторялись одни и те же такты, но тем нежнее и пронзительнее звучали слова на чужом языке, тщательно произносимые нелепым, жилистым человеком. И только руки его с тонкими белыми пальцами, руки виртуоза, взлетали над клавишами и рассказывали миру простую и вечную историю о любви и печали, о лепестках памяти, греющих наше сердце, о жизни, уходящей, как песок сквозь пальцы, и о том, что больше никто, никто не придет назад.

*Это не кровь течёт в наших венах,
Это река нашего детства,
Это не смерть его причиняет мне боль,
А то, что я больше не увижу, как мой отец танцует...*

Малика плакала, прислонившись к дверному косяку, слезы бороздили и щеки Жоржика, текли из-под его закрытых глаз. Плакали два взрослых, немолодых человека, и слезы эти были безнадежны и благодатны одновременно. Прошла жизнь, пролетела, миновала, промелькнула, оставив после себя дуновение счастья, мгновенной радости, как пожелтевшие клавиши пианино Эсьмы, и запах ее духов, зыбких, неверных и вечных. Никогда больше не появится Эсьма в цветастом крепдешиновом платье в проеме двери, никогда больше не услышит Малика глуховатый и милый голос отца, будящий ее по утрам: «Принцесса Андреевна, пора вставать!» Никогда больше зеленоглазый красавец муж не обнимет Малику своими крепкими руками, и маленькая Раиса не побежит к ней во всю прыть на своих крепеньких ножках. Никогда это не будет больше. Но есть дом, милый дом, пахнущий травами и солью, и есть Жоржик, верный, любящий Жоржик, в чьей памяти она все еще нежная и трепетная девчонка, похожая на Веронику из бессмертных летящих «Журавлей».

– Понравилось? – тихо спросил Жоржик. Малика кивнула молча. – Я знал, что тебе понравится.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал он, помолчав. – Поздно уже.

Малика вышла за ним в прихожую. Смотрела, как надевает он куртку, натягивает на голову видавшую виды кепку, берет в руки потертую папку. Сейчас она закроет за ним дверь, и шаги его погаснут в глубине улицы.

– Жоржик, – тихо окликнула она его. – Я все хотела тебя спросить. Неужели ты так и не смог найти себе кого-нибудь? Я чувствую себя виноватой.

– Зачем, моя милая? – мягко сказал он. – Не надо. Каждый выбирает по себе. Ну кого я мог бы найти, кроме своей Принцессы, сама подумай?! А я себя несчастным не считаю. Есть ты, есть этот дом, куда я прихожу иногда, пианино, Шопен, и теперь – река нашего детства. – Он внимательно посмотрел на нее. – Ну, я пойду?

– Да. До свидания. Заходи, просто так, почаше. Хорошо?

Малика закрыла за ним дверь и долго вслушивалась, пока шаги не погасли в глубине улицы. Потом подошла к пианино; оно все еще было открыто, и золоченые шандалы тускло поблескивали в полумраке. Малика взяла несколько нот. Они про-звучали нестройно, сиротливо, но вместе с тем чисто, светло и нежно, как только и может звучать то, что на языке музыки называется «кодой», а на языке людей – кон-цом.

Песнь о жизни

Ах, как Лайлे хочется быть нарядной! Лайла новые белые капроновые чулочки на ножки натягивает, торопится! Потом белые узорчатые туфельки с блестящей за-стежкой обувает. И – обуты ножки – пухлые, розовые, чудесные. И сидят на них об-новки, как влитые!

Лайла новое, оборчатое платье надевает, торопится! Ах, это платье – мамин по-дарок – пышное, шелковое, цвета свежего масла с рукавами-фонариками! Ни у кого нет такого! Лайла белые кружева на рукавах расправляет, хмурится. Все егозе ней-мется, все ей не так!

Ах, и кудри у Лайлы! Темные с рыжиной; на солнце блестят – глаз не оторвать! Лайла на них белые банты поправляет, торопится! Банты, что нежное облако! Ни у кого нет таких!

Да и как Лайлे не торопиться – ведь сегодня ей целых семь лет! Жизнь, можно сказать, в самом расцвете, когда так много позади и грешно терять каждое мгнове-ние!!!

И Лайла торопится! Поскорее отведать всех салатов, обедов, тортов с празд-ничного стола и поскорее умчаться во двор, где ждет ее новенький сияющий вело-сипед – папин подарок – с двумя большими колесами и двумя маленькими по краям и таким громким звонком, что бабушка пугается и кричит, что у нее сейчас остано-вится сердце. А дедушка кричит, что у него давно остановилось сердце от бабушки-ного крика, и что он сам удивляется, как это он еще живой!

***

– Вай, ва-ай! – вздыхает бабушка и садится на скамейку в палисаднике. Боль-шие черные руки свои она осторожно кладет на колени и издалека они кажутся корой старого дерева. – Ва-ай! Устала я! Все!!! Сил моих нет! Это – честное слово! – по-следний раз долму готовлю, когда так много гостей! Шутка ли! Пятилитровый казан доверху долмой наполнила! На нитки нанизывала! У меня уже пальцы не гнутся! Все!!!

И бабушка трясет перед дедушкой кривыми пальцами. Наблюдает Лайла за ними чуть поодаль и заранее смеется. Бабушка – женщина простая, говорит, как ду-мает, и думает, как чувствует. А вот дедушка – натура утонченная в прямом и пере-носном смысле! Выражается он возвышенно и туманно, а рядом с пухленькой, круглой

бабушкой выглядит благороднейшим лордом! Что их связало – неизвестно, но уже больше сорока лет они живут душа в душу! Бабушка называет его – мой сказочник, а он ее – моя курочка. И то и другое соответствует истине!

– Ты просто неправильно оцениваешь ситуацию, – вкрадчиво начинает девушка. – Ты видишь в этом процессе утомительную работу и поэтому устаешь, а на самом деле – это увлекательнейшее занятие!

– В следующий раз сам будешь заниматься этим увлекательнейшим занятием, – отрезает бабушка.

– Нет, дорогая! – Усы у дедушки подрагивают, и он чуть заметно подмигивает Лайле. Лайла замирает и хихикает. Сейчас польется экспромтная речь, на которую бабушка реагирует... мягко говоря... с выражением глубокой скорби на лице, мол, что с него возьмешь! Сказочник, да!!!

– Пальцы у тебя распухли – это да! – глубокомысленно изрекает дедушка. Но ведь они распухли для общего блага. Твой скорбный труд не пропадет! – На этих словах бабушка иронически взглядывает на деда и, не выдерживая, улыбается. – А как же им не распухнуть, – вдохновенно продолжает дед, – если взять 4 кг жирной баранины или говядины с курдюком, смешать с рисом, зеленью, пряностями, луком и чесноком, а потом всю эту красоту завернуть, запаковать, запеленать в нежнейшие виноградные листочки, такие прозрачные, что сквозь них можно показывать театр теней...

А потом нанизать эти пухлые подушечки на нитку и сделать 15 низок по 30 штук в каждой!

А потом уложить их в казан с толстым дном, предварительно выстлав его большими виноградными листьями. Для такого почетного дела, как принять в себя столь нежнейший фарш, они по причине величины и грубости не годятся, а посему пусть служат подстилкой!

А потом накрыть эти низки фарфоровой тарелкой, перевернув ее вверх дном.

А потом водрузить в центр этой тарелки тяжелый камень. Специальный – «доломовый».

А потом залить водой так, чтобы она не доходила до верхнего края низок.

И поставить это все на животворящий огонь газовой конфорки!

И варить полтора часа, упиваясь запахом и предвкушая, предвкушая, предвкушая...

А потом осторожненько-осторожненько подцепить за ниточки исходящую изумрудным соком и маслом долму, разрезать ниточки и так же тихонечко спустить все изумрудные подушечки-жемчужинки в блюдо.

И полить бархатным оливковым соком, загадочно мерцающим маслом!

И подать это истомленное, женственное, нежащееся чудо к столу, приправив его сдержанной мужественностью соуса из густого кефира с чесноком!

И... поглощать его, как волшебный зеленый огонь, мгновенно оживляющий кровь!

И закусывать его румяным солнцем свежеиспеченного чурека.

– Ты чувствуешь разницу? – осторожно спрашивает дед и улыбается. – Пальцы уже гнутся? Во всем ищи поэзию!

Бабушка кратко и ехидно поддакивает:

– Да, дорогой! В следующий раз, когда у нас будет долма, ты будешь ее крутить, а я – сидеть рядом и рассказывать тебе поэтические сказки!

– Нет, моя милая! У каждого свои преимущества!

Но бабушка уже окончательно сдается. Она звонко смеется, прикрывая рот уголком фартука, и в уголках ее глаз расходятся тонкие лучики-морщинки.

– Иди уже, сказочник! Переодевайся, скоро люди придут!

Лайла бежит к ним, и они оба обнимают ее и гладят натруженными руками по нагретой солнцем голове...

... – Счастья тебе, Лайла-балá!..

***

...Ах, как Лайле хочется быть красивой! Лайла тушью черной, бархатной ресницы подводит, веки тенями зеленоватыми оттеняет. Губки пухлые помадой розовой трогает, блеск наносит, торопится. Волосы, длинные, богатые, до блеска расчесывает, локоны поправляет. Зеленую кофточку надевает, юбку белую с прошивкой по подолу, талию узеньким ремешком подчеркивает, торопится. Ножки узенькие в белые туфельки на каблучках обувает. И сидят туфельки, как влитые! Ноготочки розовые, холодные. Волнуется Лайла, торопится!

Да и как Лайле не волноваться, не торопиться! Ведь ей уже девятнадцать! И на первое в жизни свидание торопится Лайла!

– Ах! Чудо какое!

Жмурится Лайла. Будто в глаза ей ударили тысячи маленьких солнц! Но не солнце это, а огромная ветка пушистой мимозы. Знает, знает любимый, как угодить своей Лайле! Не дарит он ей ни роз, ни тюльпанов, а сирень и мимозу. Солнышки в руках Лайлы, солнце в волосах ее...

– Ты, ты... моя самая-самая-самая... – бормочет юноша.

– Кто-кто-кто я? – поддразнивает Лайла. Ах, как ей волшебные слова хочется слышать, от которых тает сердце, и глаза горят ярче звезд!

– Ты?! Ты... – И вдруг, не переводя дыхания, декламирует:

*Ты на небе облачко нежное,
ты пена прозрачная на море,
ты тень от мимозы на мраморе,
ты эхо души неизбежное...
И песня звенит безначальная.
Зову ли тебя – откликаешься,
ищу ли – молчишь и скрываешься,
найду ли? Не знаю, о Дальняя.*

*Ты сон навеваешь таинственный.
Взволнован я ночью туманною,
живу я мечтой нескованною,
дышу я любовью единственной.
И счастье мне грезится дальнее,
и снится мне встреча блаженная,
и песня звенит вдохновенная,
сиваясь в кольцо обручальное.*

Ах, как Лайле трепетно и сладко... Как же жаждет она поцелуя, робкого, не-

винного, но такого желанного.

– Расскажи еще что-нибудь, – просит она еле слышно. – Ну расскажи. Ты же умный такой!..

– А, а-а... – трудным голосом произносит юноша. – А... ты знаешь легенду о мимозе?

– Нет, – шепчет Лайла. – Пожалуйста! – И губки ее сводятся розовым бутоном...

– Ну, слушай... – тихо начинает юноша, и голос его ласкает Лайлу нежнее бархата. И руки ее он держит в своих...

– Была в давние времена такая красавица Балкис-Макеба, царица южноаравийского государства Сабы. И вот прибыла она в священный город Иерусалим, чтобы приветствовать Соломона и посмотреть на чудеса его царствования. Соломон без памяти влюбился в Балкис.

Трижды ходила гостья осматривать строящийся Иерусалимский храм и трижды просила представить ей создателя этого красивого здания. Соломон завидовал гению и славе финикийского мастера Хирама-Абия и лишь на третий раз с неохотой исполнил пожеланье царицы Савской. Царица и зодчий полюбили друг друга с первого взгляда, и в сердце царя закралась ревность.

Однажды прекрасная Балкис поехала за город посмотреть окрестности Иерусалима и в священной роще мимоз, посвященной богине Астарте – богине любви, встретила мастера Хирама. Спутница царицы, ее ручная птица хад-хад (удод) села на руку Хирама. Кормилица царицы воскликнула: «Хад-хад узнала супруга, предсказанного Балкис!» Влюбленные договорились порознь покинуть Иерусалим и в Аравии, в Сабе навеки соединить свои сердца. В знак любви царица сорвала и дала возлюбленному ветку солнечного чуда – мимозы.

Соломон догадался, от кого у Хирама священная ветвь Астарты – дар любви. Он надеялся сам стать супругом прекрасной Балкис и к тому же не хотел, чтобы тирский зодчий выстроил в Сабе нечто более величественное, чем его храм. Царь договорился с тремя подмастерьями, что они убьют мастера. Ночью в недостроенном храме убийцы настигли зодчего... Тело отнесли за город, «скончали его на откосе пригорка и в могилу воткнули ветку мимозы».

Наутро в городе поднялась тревога: главный строитель храма пропал. Девять мастеров отправились на его поиски. Один утомился и сел на пригорке отдохнуть. Когда он вставал, ему попалась под руку ветка мимозы. Она легко выдернулась из земли. Принялись рыть это место и нашли тело Хирама.

Зодчего с почетом похоронили, и безутешная Балкис, не внимая уговорам иерусалимского царя, уехала в Сабу...

– Говори, говори еще, – зачарованно просит Лайла, и голова ее клонится на грудь юноши...

...Счастья тебе, Лайлушенька!..

***

Ах, как Лайле хочется быть счастливой! Лайла белым шелком свадебным себя окутывает. Фатой пышной, что нежнее пенной волны обертывается; любуется собой! Да и кому подвенечный наряд не к лицу?! Волнуется Лайла, торопится... Букет мимозы давно приготовлен, на столике у зеркала лежит, а Лайла все прихорашивается. Шпильки жемчужные в прическу высокую, уже женскую вкалывает, а сердечко давно

уже невидимыми шпильками заколото, стучит, выпрыгнуть из груди хочет...

– Ты боишься?

– Нет!

Не боится Лайла. Нет в ее голосе страха. Радостно, гордо несет она себя любимому!

– Чему ты смеешься, Лайла?

– Яблоками пахнет от белья. Сладкими яблоками... Хоро-шо! Хо-ро-о-шо!!!

Нужны ли тут слова?.. Пусть звездная ночь опустится над их пологом, и счастье примет их в свои чертоги!

...Счастья тебе, Лайлочка!

***

Ах, как Лайле хочется быть спокойной! Лайла маленькую укачала, на старшем одеяло поправила и... тишину слушает. Волнуется. Ходит из кухни в комнату, к окну подойдет, взглядится... Темно, а мужа все нет. Всё на работе. Как нынче часто на работе совещания проводить стали... Два, а то и три раза в неделю. И муж после них уставший-уставший. Даже есть не хочет, спать заваливается. Не то, чтобы с детьми поиграть, словом с Лайлой перекинуться, сил нет у него. Все работа проклятущая, все жилы тянет из мужика! Разве что на прошлой неделе бросил Лайле рассеянно:

– Ты бы хоть духи себе купила какие-нибудь. А то пахнет от тебя манной кашей и молоком.

Ох, волнуется Лайла. Где-то он сейчас, муж любимый?.. На каких встречах, собраниях, конференциях время свое коротает; в буфетах каких-то бутербродов перехватит. Все всухомятку. Правда, не сказать, чтобы сильно похудел. Иногда даже пахнет от него так приятно: вином дорогим, коньяком...

Вот и сейчас: обед давно простыл, дети сопят, время давно за полночь перевалило, а его все нет.

Вглядывается в окно, в темное небо Лайла, и кажется ей, что там высоко бабушка и дедушка на нее смотрят, волнуются.

Вглядывается Лайла в небо, и губы ее шепчут невольно: «Здравствуйте, бабушка и дедушка, папа и мама... Не волнуйтесь, родные. У меня тут, на земле, все хорошо...»

Вспоминает Лайла, что завтра с утра торопиться надо: старшего в школу, младшенькую в садик, потом на работу, в перерыв – в магазины, старшего домой привести, потом младшую забрать, потом на обед что-то придумать, постирать, покормить, с сыном уроки сделать, с младшей поиграть, спать уложить... и опять ждать.

Ждать каждую неделю до воскресенья. Может, тогда вместе в театр пойдут или погулять. Но вот, наконец, ключи в двери звякают...

– Опять совещание? Да сколько же можно на тебе ездить?!

– Ой, не начинай только! Есть не хочу, спать, спать, спать! С ног валюсь!

– Ну, хоть чай выпей. А о чем совещание хоть было?

– Хр-р-р! Хр-р-р!

– Ну, спи, спи...

...Счастья тебе, Лайла...

***

Ах, как Лайле хочется быть здоровой! Лайла синяки от уколов-капельниц рас-

тирает, морщится. Много уколов, таблеток перед Лайлой, разноцветных, словно елочные шары, блестящих. Оранжевые, желтые, белые, красные. Только радости от них никакой. Выкусывает Лайла сведенные губы, отирает бисеринки пота с висков. Торопится Лайла, волнуется... Боль проклятая живот раскаленной иглой пронзает и отпускает, лучами пылающими расходится, затухает и снова пронзает... Завыла бы, да нельзя. Дети придут сейчас. Нельзя их расстраивать. Кому Лайла, кроме них, нужна, кто о ней еще порадеет? Хорошо, хоть дети с нею остались, не предали, как любимый...

Бросает Лайла взгляд на соседку по палате, усмехается серыми губами. У соседки на тумбочке в банке ветка мимозы стоит. Пушистая, что солнышко! Радостно от нее. Да только сил бы Лайле радоваться. Еще немного сил...

...Сил тебе, Лайла...

***

... Ах, как Лайле хочется быть...

***

...Света тебе, Лайла. Нежного света. Любимой твоей мимозы...

Таузское нашествие

Долго не могла сердцем понять афоризм Джалаеддина Руми «Каждая потеря есть приобретение, каждое приобретение есть потеря». Умом – что; умом все понимала, а вот в сердце в obratъ не могла. И вот услужливая память подкинула мне на глядное подтверждение этого афоризма. О-о-о! Сердце мгновенно поняло и приняло и поклонилось памяти Мевляны.

Случилось это давно, в начале 1980-го года. Мне шел тогда одиннадцатый год. Я была единственным ребенком в семье, первой девочкой на протяжении трех поколений. На меня молились и сдували несуществующие пылинки. Мне это нравилось, но иногда раздражало. Поэтому у меня были все основания желать второго ребенка в семье, желательно брата. Сестра, как потенциальная соперница и очередная дочь Евина племени мною не рассматривалась априори. Королевы бывают в единственном числе! И эта королева, естественно, я – Лямашенька Первая и Единственная!

Итак, сестра рассматривалась мною как некий ящик Пандоры. Иное дело – брат! Некий вассал. Его явление в этот мир милостиво допускалось.

Мои родители тоже мечтали о втором ребенке. После нескольких неудачных попыток, мама оказалась в тягости. Чтобы на сей раз все прошло благополучно, ее уговарили лечь в больницу на сохранение. На несколько месяцев.

Это было странное время. Бестолковое, немного тоскливоое, но чем-то безумно притягательное. Мы с папой были предоставлены сами себе. Папа с утра цеплял мне в волосы бант, который к концу пятого или шестого урока превращался в печальную тряпочку. Тряпочка висела на моих буйных кудрях и подвигала к деятельности сердобольных учительниц. Как бы то ни было, ДОМОЙ я всегда уходила с тую запле-

тенными и красиво уложенными косичками. Потом мы отправлялись с папой – о, какие чудесные авантюры! – в ресторан. Маме почему-то болезненно хотелось котлет по-киевски и грибного супа. Подавалось это в Интуристе в центре города. Мы шли туда; что ели сами, уже не помню, а вот для мамы наполняли судки. И с какой радостью и гордостью я несла эти судки в отделение акушерства и гинекологии роддома им. Крупской на Баилова! Все папины попытки перехватить у меня судки не увенчивались успехом!

В больнице мама познакомилась с женщиной из Тауза – одного из районов Азербайджана. Тары-бары, растабары, – что еще делать в больнице двум молодым женщинам? К выписке они стали близкими приятельницами, и женщина из Тауза – звали ее Флора (в советское время в азербайджанской среде были популярны такие имена) пригласила маму с семьей погостить несколько дней в районе, в большом доме ее родителей.

Кто был на Кавказе, знает, что кавказское гостеприимство не пустой звук. Хозяин последнюю рубашку прадаст, а гостя примет по-царски. Принять гостя – это честь хозяина, честь дома. Даже поговорка сложена: «Когда гость приходит в дом, он становится слугой хозяина, но зато, когда уходит – поэтом». Слугой – в смысле: нельзя отказываться от знаков внимания хозяина, обижать его, не вкушив блюд с его стола.

Приехали мы в Тауз ранним мартовским утром. Папа, мама, брат в проекте, бабушка и я. Утро было нежно-серое, весеннее, и сквозь туман виднелись абрисы зацветающих деревьев. Невозможная, почти мистическая нежность красок. Холодное розовое цветение миндаля. Миндаль цветет раньше всех, еще в феврале, и позже всех дает плоды. Но все же он – первый вестник весны.

Встретили нас изумительно, по всем меркам восточного деревенского гостеприимства. Подчеркиваю это определение – деревенского. Ибо в городе такой подвиг просто невозможен.

Огромный двухэтажный прадедовский дом. Четырнадцать комнат, изукрашенных коврами, паласами, подушками-мутаками, сундуки вместо диванов, тоже устланные коврами. Огромный подвал, где вдоль стен разноцветно мерцали банки со всевозможными закрутками-заготовками. Два гаража, огромный фруктовый сад с загоном для баранов и курятником, флигель для гостей, кладовая, громаденная кухня, где посуду мыли в ванне, а центр занимало несколько печек-буржуек 1927 года выпуска. Но работали они исправно, огонь в них гудел, грел душу и тело.

Жило в этом доме человек тридцать. По-крайней мере, я столько насчитала. Отец, мать – фундаментальные родоначальники огромного клана, женатые сыновья с семьями, неженатые сыновья, незамужние дочери.

По случаю дорогих гостей из столицы подтянулись и замужние дочери с семьями и бесконечными детьми, другие близкие и дальние родственники. За завтраком в 9 часов утра в огромной гостевой зале, более смахивающей на бальный зал в каком-то герцогском замке, собралось человек пятьдесят. Было еще рано.

Чтобы читатель имел представление о величине залы, скажу только одно. У одной стены стоял огромный сундук, накрытый ковром и подушками. На нем восседала Мать – несокрушимая и традиционная, как сама Жизнь. Сжатые в кулак, натруженные руки ее были украшены золотыми кольцами и браслетами и спокойно покоялись на коленях. Они уже заслужили Отдых.

У противоположной стены стояла громадная кадка с лимонным деревом, обве-

шанным плодами. Так вот, если стоять у стены с сундуком, дерево казалось чем-то зеленым с желтыми вкраплениями. Если стоять у кадки – то сундук казался продолговатой табуреткой с пестрым сиденьем. Разделял эти два объекта невероятных размеров обеденный стол.

Завтрак был выдержан в лучших традициях деревенского гостеприимства. Все свое – свежайшее. Мед, свежесбитое масло, молодой сыр, сметана, горячий румяный хлеб и лаваш из тендира. И, конечно же, чай, – терпкий, свежезаваренный, в грушевидных стаканчиках-армуды, с золотистыми кружочками лимона, с несколькими сортами варений.

После завтрака нам показали наши апартаменты. Две огромные комнаты с фресками на стенах. Фрески изображали пугливых оленей и девушек с глазами оленей. Где-то на заднем плане был изображен густой лес, в котором опять же проглядывались фигуры оленух и оленят. Оленья тема, очевидно, была близка художнику, поскольку кладовая тоже была расписана ими.

Центр комнат занимали кровати с горой одеял и подушек. В этом доме, видимо, не было ничего маленького. Еду в нем готовили чанами, а овощи солили бочками.

Только мы освоились в наших комнатах и переоделись, нас пригласили к обеду. К обеду подали баклажанную долму – фаршированные молотым мясом баклажаны, перец и помидоры.

Последняя подробность требует пояснения. Это блюдо тоже было особым шиком. Это сейчас в любое время года все можно найти. А тогда любое блюдо было сезонным – баклажаны готовили во время их появления, то есть, не раньше июля. Консервировать их на зиму было довольно кропотливым трудом, поэтому приготовление баклажанной долмы в марте из консервированных особым способом баклажан – было знаком величайшего уважения к дорогим гостям.

Вечером пиршество по поводу приезда дорогих гостей продолжалось. Снова в гостевой Зале (рука не поднимается написать это слово с маленькой буквы) накрыли стол. Ужин был более легким по сравнению с обедом – огромная сковородка с жареными бараньими потрохами, и кутабы (особые пирожки из тонкораскатанного теста) с начинкой из зелени с творогом и тыквы с гранатом и луком!

Хозяева позаботились не только о «хлебе», но и о «зрелищах». Пригласили местного ашуга с сазом. (ашуг – народный певец, саз – струнный инструмент). Меня по причине слипающихся глаз отправили в оленью комнату, где под задумчивый олений взгляд со стены и рулады, доносящиеся из гостевой, я и отошла ко сну.

На следующий день празднество продолжалось. Нас познакомили с местными достопримечательностями, отвезли на районную ярмарку, где мама приобрела два рулона фланели на пеленки будущему младенцу. На ткани был узор из бегающих футболистов. Увидев его, бабушка глубокомысленно изрекла: «И пусть только побывает родиться не мальчик!»

Чревоугодие этого дня не уступало в изобилии вчерашнему. И вот вечером мы, изрядно отяжелевшие (мама особенно), сели на поезд, отезжающий в Баку, увозя неизгладимые впечатления о деревенском радушии и гостеприимстве. Папа и мама восхищались и умилялись, и только бабушка сказала раздумчиво: «Это все так, сельские люди душу отдадут для гостя, но... Они такого же ожидают в ответ». На эти слова тогда никто не обратил внимания.

Вспомнились они только на следующий год. Брату тогда было месяцев шесть. Позвонила та самая мамина Флора и, узнав, что брат уже родился, начала поздрав-

лять. И туманно намекнула, что «всем скажет и все придут нас поздравить». Мама как-то не восприняла эти слова всерьез. А зря.

Через неделю Флора позвонила снова и сказала, что она «со всеми» придет завтра, и чтобы мы ничего не готовили, они придут «просто чай выпить». Когда так говорят, надо, чтобы на столе было как можно больше!

Целый вечер мы с мамой готовили, поручив брата заботам бабушки, благо, та была в отпуске и срочно по нашему вызову приехала к нам. Папа сбился с ног, доставая из-под полы (советские времена, 80-е!) кур, мясо, рыбу, рис для плова, майонез, горошек, и прочую снедь. Пятиметровая кухня нашими с мамой совместными усилиями превратилась в химико-технологическую лабораторию, где все булькало, кипело, скворчало, тушилось, пеклось и строгалось! Я взяла на себя салаты, мама – горячие блюда, бабушка, в перерывах, когда спал брат, взбивала крем для торты! Папа таскал!

Приготовления закончили в четыре утра! Учитывая, что в конце мая в Баку уже довольно жарко, а кондиционеры тогда могли позволить себе немногие, можете себе представить, в каком мы были состоянии. Ах, да, воду тоже давали по часам, поэтому душ пришлось отложить до утра.

В нашей трехкомнатной городской квартире смежными были две комнаты – гостиная и спальня. Гостиная могла вместить 15 человек, более тесно – 20. К часу Икс папа приставил к обеденному столу еще и кухонный, выдвинув его в спальню. Получилось 30 посадочных мест. По количеству домочадцев гостеприимного сельского дома.

Последние приготовления. Стол ломится от всевозможных, затейливо украшенных яств. Мы принарядились. Брат в оранжевом махровом комбинезончике сидит у мамы на груди, как на стульчике. Все в порядке, все готово!

Звонок в дверь. Папа открывает дверь и... растерянно оборачивается на маму. У мамы округляются глаза. Бабушка тоже замерла.

Вся лестничная площадка, и 4 (!!!) лестничных пролета внизу были заполнены людьми! Приехали не только 30 домочадцев, но и замужние дочери с мужьями и детьми, двоюродные сестры, братья, тети-дяди, и даже ашуг. В общем весь тот народ, который побывал в доме у хозяев за время нашего к ним визита! Я особо не считала, но больше семидесяти человек было точно.

Увидев моего брата, который совершенно мирно сидел у мамы на груди, вся эта толпа прогнула и в один голос закричала «Ай, Аллах!!!!»(выражение восторга по поводу ребенка!)

Мой достаточно криклиwy в то время брат онемел и быстро, словно маленькая оранжевая обезьянка сполз по маме и уполз в неизвестном направлении, но вглубь дома (это зрелище я запомнила на всю жизнь!). Мама была так ошеломлена, что даже не обратила на это внимания. Она оцепенела, и только машинально подставляла лицо под бесчисленные чмоканья гостей. Кстати, потом мы так забегались, таская все новые и новые блюда, что обнаружили брата только глубокой ночью, после ухода гостей, мирно спящего под кроватью!!!

В ход пошел мой письменный стол, кровати сдвинулись в угол, спешно притащили стулья от соседей, накрыли скатерть, достали посуду. Гости уверяли, чтобы мы не беспокоились, и они спокойно могут разместиться и на полу. Ну, их дело уверять, а наше дело их не слушать и накрывать на стол!

Вопрос со стульями был кое-как решен. Оставался самый главный вопрос – хва-

тит ли еды? Упаси Бог от такого позора, чтобы гостей в доме нечем было бы накормить вволю! В ход пошли все припасы: икра, лечо, соленья

В какой-то момент папа снова кинул растерянный и вопросительный взгляд на маму, мол, еды хватит? Мама сделала знак глазами – на исходе! При том, что мы подготовили с расчетом, чтобы осталось еще на два дня.

Папа, ни слова ни говоря, быстро спустился в магазин под домом, где у него был знакомый завмаг. Завмаг долго вздыхал, но под конец выдал папе из закромов восемь синих кур с болтающимися шеями и лапами. Разделали их тут же, в магазине, дома заниматься этим было некогда. Мама сразу кинула их вариться – жарить было тоже некогда – и пошла развлекать гостей пением и игрой на пианино. Бабушка в это время лихорадочно жарила картошку, я сновала с салатницами и тарелками из кухни в гостиную. Гости слушали и ели.

Вот, наконец, поспели курица и картошка. Бабушка все это выложила на два огромных блюда, украсила сверху зеленью, присовокупила к курице соус из алых и, гости, дружно возопив, что им уже не влезет, ...снова принялись есть.

К счастью, эта была последняя перемена блюд. За ней следовало разливанное море чая с тортами и пирогами. Не ударили в грязь лицом!!!

По-моему, гости рассчитывали еще и переночевать. Но, собственными глазами убедившись, что размеры городской трешки никак этого не позволяют сделать, отправились к каким-то своим городским родственникам. Дальнейшая судьба их селения мне неизвестна.

После 20-минутного обряда целования, дарения подарков, провожания и клятвенных заверений, чтобы мы друг к другу почаше приезжали, мама в изнеможении опустилась на пол и сказала, что это был первый и последний раз, когда она поехала погостить в район и пригласила в ответ к себе. Папа, присевший рядом, поддержал ее. Бабушкино лицо не выражало ничего, кроме вековой мудрости. Брат спал под кроватью. В квартире был разгром, его последствия мы убирали и мыли весь следующий день.

А я?.. Я за всем этим наблюдала и запоминала.

И если брызги памяти иногда окатывают меня своей пенной влагой, я стараюсь думать о них с нежностью, с доброй улыбкой, как о части нашей жизни, ушедшей навсегда, и оставшейся навеки...

Дочери

10 июня 1997 года Судьба преподнесла мне подарок в виде трех килограммов иронии и скептического отношения к миру. Но тогда я этого еще не знала! Как и не знала, что ты – это Она, а не Он!

Мы познакомились с тобой на следующий день. Обложенная льдом, я чуть-чуть приподняла голову и, увидев маленькую медсестру с крохотным синим свертком в руках, воскликнула: «Я же говорила, что у меня сын!»

– А вот и ваша девочка! – сказала медсестра. Оказывается, у них в роддоме все одеяльца синие!

Я взглянула на тебя. Ты спала, и твоё лицо выражало снисходительность и пре-восходство. Хозяйка!

– Давай познакомимся! – улыбнулась я. – Я – твоя мама!

Ты потянула носом и передернула бровями, вернее, тем местом, где они должны были быть обозначены. И продолжала спать.

– Она была очень недовольна тем, что ее разбудили при рождении, – сказала медсестра. – И громко выражала свое недовольство все время, пока ее несли в детское отделение.

Я взяла тебя на руки. Ты посапывала, и лицо твое было спокойным.

У меня не было бессонных ночей с тобой. Ты спала идеально.

Ты и сейчас любишь спать. И взираешь на мир с той же снисходительностью и иронией.

Мне нравится, когда ты классически подымашь бровь, выражая свою иронию по поводу... всего!

На мой шутливый вопрос: «Ты меня любишь?», ты вздыхаешь: «Ты – мама!..»

Мне так нравится слышать эти вздохи!

У нас мало общего. Я люблю книги и природу, ты – тяжелый рок и городской пейзаж.

Я – соленое, ты – сладкое.

Я – восхищаюсь, ты – иронизируешь.

Я – ахаю, ты – смеешься.

Ты – рисуешь, я – пишу.

Я – восторженна, но ревнива, ты – практична и ... тоже ревнива.

Мы уравновешиваем друг друга.

Мы противоположности. Мы притягиваемся. Как-никак – близкие родственники!

Мать и дочь.

Ты спиши с большим плюшевым котом.

Я уже не могу взять тебя на руки. Ты – большая.

Иногда ты тихо приникаешь ко мне и я обнимаю тебя.

Ты моя маленькая...

Я рада, что мы встретились с тобою в этой жизни...

А ты?

Сейчас на твоих губах появится ироничная фирменная улыбка!

Я люблю твою улыбку, доченька!..

Приехать к морю в несезон...

Памяти И.Бродского и в прощание с летом

Приехать к морю в несезон – это значит отряхнуть от себя жар и тревогу полыхающего лета и вдохнуть не расплавленную синеву, а предсентябрьскую терпкость увядания.

Приехать к морю в несезон – это значит почувствовать босыми ногами влажную прохладу песка и услышать, как ветер высиживает в волнах: «Шу-у! Шу-у! Приду-у! Приду-у!»

Это значит упорядочить мысли и ощутить, как тихо и осторожно в твое сердце вкрадывается, вползает, входит покой...

Почувствовать, как серо-зеленый бархат моря и неба, ставших единственным целым,

смывает с твоей души грязь и горечь, обманутые надежды, слезы и боль, обиды и ярость, собственные просчеты и достижения. Смывает все, кроме надежды. Шу-у-Шу-у! Приду!-у! Приду-у!

Увидеть дождь, пролившийся над морем, и убедиться в том, что круговорот природы вечен и одна вода заливает другую, и все ничто, кроме этого вечного моря, вечного неба, низких облаков и серого теплого дождя над единственной твоей, родимой, соленой, любимой землей.

Приехать к морю в несезон, это –

*Помимо материальных выгод,
имеет тот еще резон,
что это – временный, но выход
за скобки года, из ворот
тюрьмы. Посмеиваясь криво,
пусть Время взяток не берет –
Пространство, друг, сребролюбиво!
Орел двугривенника прав,
четыре времени поправ!*

*Здесь виноградники с холма
бегут темно-зеленым туком.
Хозяйки белые дома
здесь топят розоватым буком.
Петух вечерний голосит.
Крутя замедленное сальто,
луна разбрьется не грозит
о гладь щербатую асфальта:
ее и тьму других светил
залив бы с легкостью вместил.*

*Когда так много позади
всего, в особенности – горя,
поддержки чьей-нибудь не жди,
сядь в поезд, высадись у моря.
Оно обширнее. Оно
и глубже. Это превосходство –
не слишком радостное. Но
уж если чувствовать сиротство,
то лучше в тех местах, чей вид
волнует, нежели язвит.*

Послесловие:

В миниатюре приведено (с сокращениями) стихотворение И.Бродского.

Осеннее

О, какие длинные, безрадостные ночи. Осенние ночи, ночи философов. Вы смеетесь? Не надо. Это правда. Весенние, летние, даже зимние ночи – это ночи влюбленных и поэтов.

Осенние ночи созданы для размышлений, и как дождь барабанит по крыше, так в вашей душе стучит: «Кто я? Что я?».

Часы отрезают время, вздыхая. Это старые часы, им жаль отрезать время, ибо уходит и их век, но у них нет другого выхода. «Кто я? Что я?» – отстукивают они. Что они? Кусок старой жестянки с намалеванным циферблатом. Хорошенько шмякнуть об пол – и замолкнут навсегда! Но вы стираете с них пыль, бережно обходя каждую зазубрину. Они вам дороги. Это ваша память. Странная штука. Зачем она нужна? Это она крадет сон, неслышно, словно кошка, обнимая вас лапами. Вы вспоминаете все: ласку, обиду, боль, радость, звуки, запахи, прикосновения. И чем ярче память, тем яснее, что она взяла с собой самое лучшее. Молодость.

О, да, несомненно, впереди еще много хорошего. Жизнь, тихие радости, пресловутая мудрость, которая должна сопутствовать годам. Но хорошее не значит лучшее. Стан тяжелеет и с ним не подняться в сияющий полет.

В осенние ночи хорошо творить. «И пальцы тянутся к перу, перо к бумаге». Вы отжимаете свое воображение, как мокрую простыню, и капли его рисуют на бумаге причудливый узор. Вы на минуту рассекаете реальность. Вы – царь.

Царствуете вы недолго. До последней точки своего творения. Всему на свете приходит конец. Это единственная непреложная реальность. И мы убегаем от нее в романы, повести, новеллы, очерки, рассказы, так же, как когда-то убегали в любовь..

Вы знаете самый короткий рассказ на свете?

В нем всего шесть слов.

Его написал Хемингуэй на спор, когда ему доказывали, что нельзя написать рассказ в несколько слов, так, чтобы в нем были завязка, развитие, кульминация и развязка.

Хемингуэй написал такой рассказ и до конца жизни гордился им.

Вот он: «Продаются детские ботиночки. Даже не надевали».

Что время? Что наши раздумья в осенние ночи, что наше творчество и воображение, когда стоит на ветру старушка и держит на ладони ненадеванные детские ботиночки?..

И глаза ее сухи, но кто высушил их – ветер, боль или бедность, никто не знает...

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

В Ы Б О Р

О новой книге Анара «Амулет от сглаза»

Господь – есть Добро. Для чего же он

допускает в мире Зло?

– Для того, чтобы у нас был выбор.

«Амулет от сглаза» – так называется новая книга Анара (по названию помещенной в ней повести). Помимо данной повести, в книгу вошли рассказы «Лишь ты, лишь я, да третья – смерть» и «Поумнел, наконец-то», сценарий телефильма «Преследование» (по мотивам рассказа «Красный лимузин») и «Ночные мысли» (из неопубликованного).

Центральное место в книге занимает повесть «Амулет от сглаза». Здесь в очередной раз – и, на мой взгляд, особенно ярко – проявилась «тяга» Анара к мистицизму (тяга, в которой сам он признается в «Ночных мыслях»: «Видимо, у меня есть определенная тяга к мистицизму, – пишет Анар, – что нашло отражение и в некоторых моих произведениях»). Описываемые автором события порой принимают фантасмагорический характер, обретая очертания неких видений, или же рассматриваются сквозь призму неких мистических проявлений. К примеру, мог ли состояться в действительности разговор главного героя со старцем по имени Дири Баба, или это – всего лишь видение героя, его мысленный диалог с самим собой или же некоторыми высшими силами? В любом случае, встреча эта – важный сюжетный ход, поскольку она могла стать, но, к сожалению, не стала переломным моментом в жизни главного героя.

По ходу сюжетной линии автор делится с читателями своими размышлениями о вечных, хорошо всем известных, но так до конца никем и не познанных философских категориях: Добре и Зле, Боге и Дьяволе, Жизни и Смерти, что придает повествованию глубокий философский смысл.

Главный герой повести – ученый-оккультист Ахлиман – обладает «дурным глазом», способным навредить каждому, с кем пересечется его судьба. И это чувствуют окружающие. «У него – страшные глаза, – говорит, впервые увидев Ахлимана одна из героинь повести Рубаба. – В них одновременно скрываются и тайна, и жестокость, и опасность». Сила этих глаз действительно опасна, потому что она – от Дьявола...

В качестве эпиграфа к одной из глав повести Анар приводит цитату из «Братьев Карамазовых» Достоевского: «И я ли скрою от тебя тайну нашу? Может быть, ты именно ее хочешь услышать из уст моих, слушай же: мы не с тобой, а с Ним – вот наша тайна». Вот и Ахлиман – с Ним, с Дьяволом... Хотя сам он считает, что – с Богом. И он не ошибается, потому что он – и с Богом тоже. Как и в каждом из нас, в нем живут (и – борются!) и Бог, и Дьявол (Добро и Зло, Тьма и Свет). Вопрос в том, кого в нем (и – в нас) больше, кто чаще одерживает победу. Бог и Дьявол (Добро и Зло) составляют то единство противоположностей, находящихся в постоянной борьбе друг с другом, которое заставляет нас развиваться, двигаться вперед. Но – куда двигаться? К Тьме или к Свету? Зависит от нас...

На долю Ахлимана выпало множество обид, унижений, страданий – физических и нравственных. Они преследовали его с детства. Одноклассник и сосед Ахлимана Насиб издевался над ним, как только мог, понимая, что Ахлиман беззащитен перед ним – сыном «большого человека», влиятельного чиновника. Отец Ахлимана, вечно пьяный, ни за что, ни про что хлестал его плетью, бил мать, а та все сносила, не умея защитить ни себя, ни сына. И в сердце Ахлимана поселилась ненависть – он ненавидел Насиба, отца, мать – за ее слабость, за то, что все терпела. И вскоре все стали замечать, что у мальчика – «дурной глаз», способный навредить тому, на кого Ахлиман бросит недобрый взгляд. Ведь что такое «дурной глаз»? Это – посып негативного сгустка энергии – энергии ненависти, злобы, зависти. Ненависть, скопившаяся в душе Ахлимана из-за наносимых ему обид, привела его на путь темных сил, сил зла. Тогда же впервые, еще в школе, Насиб, переиначив имя Ахлимана, назвал его Ахриманом (в зороастризме Ахриман – Демон Зла, в противовес Ангелу Добра – Ормузд). Насиб же первым и испытал на себе темную магию «дурного глаза» Ахлимана: автомобиль, в котором Насиб отъезжал от дома, провожаемый взглядом Ахлимана, попал в аварию, и мальчик погиб. Потом были и другие жертвы дурных глаз Ахлимана – скопившаяся в его сердце ненависть заставляла его следовать путем Зла и Ненависти.

Могло ли быть иначе? Несомненно. Ведь каждый делает выбор сам. В каждом человеке живут и Ормузд, и Ахриман. Человек выбирает сам, путем кого из них следовать. Это пытался донести до Ахлимана мудрый старец Дири Баба. Встретиться с ним было дано немногим. Однако, увидев фотографию Ахлимана (его глаза на ней), старец дал согласие на встречу с ним.

«Твое имя должно быть Ормузд», – сказал он, увидев Ахлимана.

В разговоре старец напомнил Ахлиману легенду о Циклопе из «Китаби Деде Горгуд»: своим единственным глазом Циклоп «...видел всю уродливость нашего мира, но беда в том, что он хотел устраниТЬ эту уродливость, победив Зло с помощью еще большего Зла». Конечно же, эти слова были сказаны старцем Ахлиману не случайно.

Потом Дири Баба заговорил о «дурном глазе». «Беды мира заключаются в том, – говорил он, – что в мире дурного глаза больше, чем доброго, дурной глаз сильнее. То добро, которое добрыЙ глаз творит через сотни взглядов, может разрушиться одним лишь взглядом дурного глаза»...

По всей видимости, Дири Баба, увидев на фото глаза Ахлимана, разглядел в них магическую, но недобрую силу и решил встретиться с ним и предостеречь, донести до него, что добро живет – должно жить! («твое имя должно быть Ормузд») – и в его сердце, нужно только присмотреться и прислушаться к себе и – выбрать путь Добра, отречься от ненависти в своей душе и следовать путем не темных сил, а – Света, чтобы направить доставшуюся Ахлиману от природы силу на дела не злые, а добрые...

«Миром правят две силы, – говорил старец. – И человек должен сам решить, Добро или Зло ему выбрать. В твоих глазах я увидел свет Ормузда. Но ты подвергался множеству испытаний и будешь им подвергаться в дальнейшем. Ахриман все время будет пытаться привлечь тебя к себе. Он напомнит тебе обо всех несправедливостях, оскорблениЯх и унижениях, пережитых тобой, ...побуждая тебя мстить за все это. Но ты должен знать, что борьба со злом с помощью зла рождает еще большее зло».

На прощание Дири Баба говорит Ахриману: «Самый великий победитель тот, кто сумел победить самого себя» и дарит ему амулет («гез мунджугу») со словами: «Он убережет тебя от злодеяний Ахримана (от Зла в себе), а ты будешь беречь людей от самого Ахримана».

Но Ахлиман не смог стать Ормуздом – победу в нем одержал Ахриман. Общав-

шиеся с ним люди расплачивались за любую, пусть самую малую обиду, нанесенную ему, сваливающимися на их головы неприятностями. Рубаба – женщина, в которую он был не на шутку влюблен, отвергнув его ласки, тут же поплатилась за это: спускаясь по лестнице, под взглядом Ахлимана она упала и сломала себе ногу.

Несчастья постигли тех членов Ученого Совета, которые проголосовали против научной работы Ахлимана – а проголосовали так все, даже Гафарзаде, перед заседанием на все лады расхваливавший работу Ахлимана...

«Когда объявили результаты голосования... Ахлиман, бросив на всех презрительный, ненавидящий взгляд, ушел, ни с кем не попрощавшись. Он был в ярости. По дороге он готов был задушить каждого, кто попался бы ему на пути» – такова была сила его ненависти. Эта сила сокрушила всех, на кого была направлена – «В течение полугода после злосчастного заседания практически все члены Ученого Совета подверглись разным неприятностям. У кого-то случился инфаркт, кого-то разбил паралич, кого-то ударил инсульт, и он потерял дар речи, чья-то жена подожгла себя на почве ревности, кто-то задохнулся в ванной комнате от угарного газа»...

Последним из голосовавших «против» стал Гафарзаде, заказанный Ахлиману спецслужбами. Ахлиман не стал отказываться. Напротив, он взялся за дело даже с охотой. «В этом деле меня привлекает то, что я могу расправиться с Гафарзаде. Многие из тех, кто наносил мне удары в спину, были наказаны, теперь очередь за Гафарзаде»...

Правда, Ахлиман колебался. В главе 17 автор описывает внутренний диалог Ахлимана с самим собой – разговор лучшей его половины (Ormuzd) с худшой (Aximan). «Не делай этого», – говорит Ормузд по поводу того, что Ахлиман собрался совер什ить в отношении Гафарзаде. Но Aximan возражает ему: «Чем же тогда искоренять зло, несправедливость?» «Только милосердием, прощением, благоденствием», – отвечает Ормузд. Aximan не соглашается с этим, он ссылается на постулат из Ветхого Завета: «Око за око, зуб за зуб»...

Ахлиман не отказался от задуманного и осуществил его: Гафарзаде, обгорев при пожаре в его доме, в тяжелом состоянии попадает в реанимацию...

К сожалению, ненависть и мстительность живут сегодня в сердцах многих, заставляя их поступать подобным же образом, ибо, как свидетельствует народная мудрость, приведенная в повести Анаром, « ...доброта за доброту – удел каждого, а доброта за злодеяние – удел избранных».

И впрямь, ответить добром на добро – нетрудно (хотя иные и на добро отвечают злом). Гораздо сложнее ответить добром на зло. Или – просто не ответить на зло злом...

В «Ночных мыслях» я обратила внимание на такое высказывание Анара: «Я слишком часто проявлял снисходительность к дурным поступкам людей. Их очевидные подлости считал не злонамеренностью, а просто глупостью» – высказывание человека, чья душа свободна от ненависти. Правда, как мне показалось, здесь звучит и некое сожаление, сомнение в правильности такой позиции – на мой взгляд, совершенно напрасные. Потому что именно такая позиция не позволяет отвечать (или – позволяет не отвечать) злом на зло. «Снисходительность к дурным поступкам людей» – для меня это созвучно библейскому «Не судите, да не судимы будете», а «Очевидные подлости считал не злонамеренностью, а глупостью» – библейскому же «Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят» – то есть, творят по глупости, по непониманию. Всякий, совершающий зло, по-моему, и вправду творит его не от большого ума, ибо он не понял в жизни главного – того, что пытался втолковать Ахлиману Дири Баба: «Совершая злодеяние, человек причиняет зло и себе». Но чтобы понять это, необходимы мудрость и

величие души (великодушие). Герою повести «Амулет от сглаза» не хватило этих качеств...

Зло всегда эгоистично. Оно заставляет человека думать только о себе. Человек, не страдающий эгоцентризмом, не станет вершить зло – ни в ответ на злодеяние, ни в угоду своему эго – ради удовольствия, ни ради самоутверждения.

Надо сказать, что зло – это не всегда действие. Иногда это – бездействие.

Эгоистичное бездействие Ахлимана погубило Айдан, стало злом для нее. К Айдан у Ахлимана не было ни обиды, ни ненависти. Напротив, он испытывал к ней нежные чувства, считал подарком судьбы неожиданныеочные появления у него на балконе соседской девушки-лунатика, его радовали ее лунные танцы. Но – хождения ночью под светом луны по карнизам на высоте нескольких этажей – опасны для жизни. Когда Айдан впервые оказалась у Ахлимана на балконе, и он понял, что она страдает лунатизмом, Ахлиман испугался за нее. «Завтра я обязательно поговорю с ее родителями, чтобы они предприняли что-нибудь, – решил он». Но... «Сомнения мучили меня, – признается Ахлиман. – Безусловно, девушка нуждается в лечении, иначе это может обернуться бедой. Но от одной мысли о том, что это чудо никогда больше не повторится, ...меня охватывало странное чувство печали»...

Он так и не поговорил с ее родителями. Девушка приходила к нему еще, и он вновь любовался ее лунным танцем. В очередной раз она сорвалась с карниза и разбилась насмерть...

«Я вздрогнул от женского крика и, вскочив с постели, бросился на балкон. На асфальте двора в утреннем полумраке лежало тело Айдан... Я обернулся – крупный амулет от сглаза, висевший на стене, был разломан надвое»... (Амулет – оберег, защищающий своего хозяина от злосчастья, – может треснуть или даже рассыпаться от мощной волны негатива). Но это, последнее зло, погубило и Ахлимана – через несколько мгновений его тело распростерлось на земле рядом с телом Лунной девушки...

Кто столкнул его? И – откуда? С крыши? – ...С крыши высокого здания... Передо мной пропасть ...Лечу...» (глава 1). И – кто? Может быть, первая его жертва, Насиб – «А что за вода, которая текла ему на голову, будто из душа...»? Или – человек со шрамом, давший ему задание уничтожить бесценный древний ковер и его владельца Гафарзаде? Или же его столкнул его ученик Закир Закиров, и – не с крыши, а с балкона квартиры на третьем этаже, где жил Ахлиман? – «Значит, поэтому ты столкнул меня с третьего этажа, Закир? Чтобы присвоить мою квартиру, мою должность, мое незавершенное исследование»... (глава 9). Или – все они вместе?

А может, Ахлиман сделал это сам? Или – автор повести, по желанию своего героя?..

Как я уже говорила, в повести все неоднозначно, в ней много мистики, недосказанности ... Встреча Ахлимана с умершим и затем воскресшим (по легенде) Живым Старцем (Дири Бабой) – глава, в которой об этом рассказывается, так и называется: «А был ли Дири Баба?», его посещение пещеры Асхаби Кяхф, история с его смертью (упал то ли с крыши высотного дома, то ли с третьего этажа и очнулся в могиле на третий день после захоронения, и, выбравшись из могилы, своим ходом направился домой)...

Здесь есть простор для фантазии, читатель волен трактовать события – каждый на свой лад. Вся эта мистика, размытость сюжета – лишь антураж. Главное, на мой взгляд – это герой повести – его жизнь, характер, поступки... Вернее, даже не это. Главные герои повествования – Добро и Зло, Бог и Дьявол, Свет и Тьма, Жизнь и Смерть. И – Выбор, который делает человек. Выбор, в зависимости от которого он проживает свою жизнь...

Добро, Бог, Свет, Жизнь – категории одного порядка, Зло, Дьявол, Тьма, Смерть – другого. Ахлиман выбрал последнее. И потому умер. И неважно, кто и откуда его столкнул. Главное, что его жизнь и смерть были обусловлены выбором, который он сделал. Мне кажется, в этом – смысл произведения.

Почему Ахлиман выбрал путь ненависти и зла? Оттого, что много зла претерпел от людей, много страдал от него? Но и здесь все не так однозначно. Страдание может очистить душу, а может – озлобить. С Ахлиманом случилось последнее. И хотя Ормузд, которого в нем разглядел Дири Баба (или которого Ахлиман сам знал в себе), постоянно спорит с живущим в Ахлимане Ахриманом, практически всегда в этих спорах побеждает последний.

В чем он ошибся, делая выбор? На этот вопрос отвечает сам Ахлиман. Очнувшись в могиле, в которой он был похоронен заживо, Ахлиман, мечтая о спасении, уповают на Бога. И сам же говорит себе «Ну вот, теперь ты уповаешь на Бога, от которого отрекался всю жизнь». Отрекшись от Бога, он «превратил свою жизнь в заложницу бесконечных амбиций», – признает Ахлиман. «Ты действительно не знаешь, в чем твоя основная вина? – спрашивает он себя. – Нет, не в твоем неверии, и даже не в отрицании Бога. А в том, что ты возомнил себя Богом. Ты, обуянный гордыней, стремился совершать деяния, присущие лишь Богу... И неважно, для чего ты это делал – во имя Добра или Зла». «Всю свою жизнь я никому ничего плохого не делал», – говорит себе Ахлиман. И сам же себе отвечает: «Это тебе так кажется. Это твоя личная оценка твоих поступков – возможно, то, что ты считал Добром, для кого-то было Злом»...

...Перечитав повесть несколько раз подряд, я поймала себя на мысли, что всякий раз открываю для себя в ней что-то новое, что-то заново понимаю... Для меня это – свидетельство того, что новая книга Анара – как впрочем и иные его книги – не из тех, от которых, раз прочитав, стремишься избавиться, чтобы не занимала лишнего места на книжной полке. Это – книга, которую хочется всегда иметь в доме, чтобы потом не раз еще к ней возвращаться...

Главное достоинство повести «Амулет от сглаза» и – книги в целом, на мой взгляд, в том, что она побуждает читателя к размышлению. Заставляет задуматься вместе с автором над очень важными вещами в жизни каждого человека, что-то по-новому увидеть и понять. Автор не навязывает читателю своего взгляда на излагаемые события, оставляя ему возможность не только осмыслить, но и – домыслить излагаемое, увидеть и понять его, быть может, как-то по-своему, пропустив его через призму собственного восприятия. Оставляя ему – выбор.

СИЯВУШ МАМЕДЗАДЕ

Память

Рашиду Ханбабаеву

Ты надоумил поехать
В поселок под нашей столицей,
Где эхо минувшего века
Теплится тихой страницей.
Машина, дорога, поселок,
Быть может, это везенье:
Первый из встречных – осколок
Поры моей давней весенней.
Да это же дяди Керима
Уже поседевший сын!
Встретились, как побратимы,
Порывисто двое мужчин.
Отцы наши встарь запевали,
Склоняясь головой к голове,
Песни, что ныне едва ли
Услышишь с эстрады, в ТВ.
Песни о долгой разлуке,
Омытой Араксом-рекой,
О братьях и сестрах на Юге,
За двухвековой чертой...
Я был слишком зелен и мал,
Чтоб дяди Керима, с отцом моим вместе
По юющим, тоску понимать –
Тоску, какой было лет двести...
Она покорежила путь,
Умножив колдобины жизни.
Она не могла пристегнуть
Куски разобщенной отчизны.
Прости меня, дядя Керим,
За позднее это прозренье.
Застыл я с сыном твоим,
Надеясь сискать снисхожденье.
Пред скромным твоим надгробьем
Стою, как немой пилигрим,
Со взором задумчиво добрым
Безмолвствует дядя Керим.
А старшая дочь Зарифа
Сейчас оказалась в Иране.
В ней память о прошлом жива –
Она приглашает заранее:
«Как только вернусь я домой,
Жду обязательно в гости!»
Предвижу грядущие тосты
За наш терпеливый народ,
Друг к другу простертые руки, –
Чрез частоколы невзгод,
Чрез горечь фатальной разлуки.

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

2015 год во многих отношениях является для меня знаменательным. В частности, исполнилось 15 лет моего активного сотрудничества с журналом «Литературный Азербайджан».

Я помню, как сейчас, тот июльский день 2000 года, когда я робко предстал перед очами главного редактора журнала, известного поэта Мансура Векилова. Из груды моих рукописей он выбрал и одобрил два фантастических рассказа – «Диалог с легионером» и «Посетитель музея». Они были опубликованы месяц спустя. И это было лишь начало! Мансур Фахриевич сказал, что считает меня талантливым прозаиком и предложил сотрудничать с журналом и впредь. Так оно и случилось. С той самой поры вот уже полтора десятка лет в «Литературном Азербайджане» публиковались мои самые разные вещи: и фантастические повести и рассказы, и произведения, рассказывающие о животных, и эссе на самую разнообразную тематику...

Я искренне, горячо благодарен редакции журнала «Литературный Азербайджан» за предоставленную многолетнюю возможность высказывать собственные мысли в самых разных формах! И в честь славного юбилея предлагаю вашему вниманию одну из своих «свежих» работ.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, БЕЛЫЙ СВЕТ!

(Литературно-философский триптих)

С днем рождения, белый свет!

«Если кто-нибудь скажет: я стопроцентно знаю, что такое жизнь, я предложу – сотвори ее».

(А.Якубовский, «Прозрачник»)

«Джубал и сам не очень-то в этом разбирался... давным-давно он решил объяснить себе Вселенную, «созданную» кем-то, по четным дням, а вечную, «несозданную», замкнутую Вселенную – по нечетным, потому что и та, и другая гипотезы, хотя и парадоксальны сами по себе, оставляли в стороне парадоксы противоположной точки зрения. А в каждый високосный год у него оставался целый день для того, чтобы предаваться солипсистскому разгулу. Задав себе вопрос, на который невозможно ответить, он не возвращался к нему в течение жизни целого поколения».

(Р. Хайнлайн, «Чужой в чужой стране»).

А известно ли вам, что в девять часов утра 23 октября этого года нашему миру исполнилось 42 тысячи девятнадцать лет? С чем нас всех и поздравляю!

Вы спросите: откуда такие данные? Отвечу: епископ Джеймс Ашер (1581-1656) из Кембриджа некогда вычислил, что Господь Бог создал наш мир именно двадцать третьего октября в 40004 году до нашей эры, в девять часов утра – да, именно в де-

вять часов утра! С той самой поры и по сей день мир пребывает в диспансеризации... Не в диспансеризации, а в диспансерации, что у богословов означает «порядок, установленный свыше».

Впрочем, сколько существует на свете философия, столько же длится этот неумолкающий спор между материалистами и идеалистами: что первично – материя или сознание? Грубо говоря, Бог ли своим сознанием, Своей волей создал все материальное (Вселенную, Землю, Жизнь, Человека, наконец), или же вначале из ничего, само собой возникла материя (Вселенная, Земля, Жизнь, Человек), которая на определенном этапе своего развития обрела сознание (в форме человеческого разума)? Вот в чем вопрос! «Каждый во что-то верит. Одни верят, что Бог есть, другие – что его нет; и то, и другое недоказуемо», – как несколько цинично, но верно заметил пастор из популярной кинокомедии. Добавлю: третьи, подобно упомянутому в эпиграфе мистеру Джубалу, по четным дням придерживаются идеалистических взглядов, а по нечетным – материалистических...

Идеалисты, как видите, измеряют возраст Вселенной 42-мя тысячами лет – всего-то! Материалисты уверены: возраст Вселенной насчитывает десятки миллиардов лет. Епископ Ашер исходил из неких вычислений; современные астрофизики также опираются на расчеты. Правда, благодаря развитию и усовершенствованию техники результаты, полученные учеными, постоянно подвергаются все новым и новым уточнениям. Вот, скажем, детище Европейского Космического Агентства, мощный космический телескоп Plank, запущенный в мае 2009 года для того, чтобы проксанировать всю небесную сферу в поисках точных данных об интенсивности и особенностях «реликтового излучения», – определил возраст Вселенной в 13, 81 миллиардов лет, что на 100 миллионов лет старше, чем считалось ранее...

Впрочем, научные выкладки никак не могут повлиять на людей, упрямо придерживающихся идеалистических взглядов. В последнее время все чаще и чаще слышатся голоса, утверждающие, что наука-де ошибается, что Земле (и Солнечной системе в целом) всего 10 тысяч лет, и что жизнь на нашей планете появилась каких-то 6-7 тысяч лет назад (а не четыре с лишком миллиарда, как считают палеонтологи), и что вообще надо выбросить все учебники и справочники в мусорный ящик и обратиться душой к Христу... Ну, положим, последнее никогда не лишне, только вот зачем учебники-то выбрасывать?

Вообще-то в последнее время наметилась явственная тенденция к примирению науки с религией – все больше маститых ученых прощаются с атеизмом, заявляя, что данные их исследований доказывают существование Создателя! Такие выводы уже позволили многим ученым снискать славу среди миллионов верующих, большинство из которых вообще не интересуется наукой... В прошлом году, например, лауреатом Темплтоновской премии стал британский физик Мартин Джон Рис (Темплтоновская премия, напомню, с 1973 года выдается ученым, внесшим заметный вклад в дело примирения науки и религии; это крупнейшая награда в мире – 1,4 млн. долларов – превосходящая даже Нобелевскую). По мнению учредителей премии, более пятисот научных работ Риса (о параллельных мирах и множественных Вселенных, формировании Галактик и функционировании «черных дыр») привели физика к выводу о неимоверной сложности окружающего мира; отсутствие вразумительного ответа на вопрос «Как возникла Вселенная?» склонили Риса к признанию Творца Всего Сущего... При этом Мартин Джон Рис продолжает называть себя атеистом, что, впрочем, не помешало ему принять престижную премию, чек на со-

лидную сумму и прочие полагающиеся почести... Кстати, большинство прежних лауреатов Темплтоновской премии тоже не имели никакого отношения к церкви.

Однако встречаются среди ученых и вполне сознательные «ренегаты». Так, сильным потрясением для научного мира стало выступление 86-летнего Энтони Флю, известного профессора философии; на протяжении десятилетий Флю был одним из столпов научного атеизма, издавал книги и ездил по всему миру с лекциями, в которых утверждал, что вера во Всевышнего неоправданна (в книгах писал то же самое)... Однако последние научные открытия заставили закоренелого безбожника пересмотреть свои взгляды. Недавно Энтони Флю публично заявил, что заблуждался, и что Вселенная не могла возникнуть сама по себе – она была создана кем-то гораздо более могущественным, чем мы в состоянии себе представить...

...В мае-июле прошлого года в Москве, в павильоне «Космос» на ВДНХ прошла выставка «Кинетическая жизнь песчаных пляжей» знаменитого Тео Янсена. Он привез с собой дюжину своих знаменитых «существ», и... Что? Кто такой Тео Янсен и что это за существа? Сейчас расскажу.

...На берегу моря в городе Дельфте (Нидерланды) 66-летний голландский художник, инженер, философ и «кинетический скульптор» Тео Янсен разместил свою «лабораторию ветра», в которой создает из множества пластиковых трубок, бутылок, полиэтилена, деревянных брусков и скотча своих так называемых «береговых животных». Это огромные конструкции, отдаленно напоминающие скелеты зверей и рыб (выгоревшие под солнцем и отсыревшие от дождей трубы весьма напоминают настоящие кости!), скелеты, способные передвигаться по песку под воздействием ветра. Янсен строит их с помощью генетических алгоритмов, которые симулируют эволюцию! «Лаборатория ветра» состоит из небольшого (30 на 15 метров) песчаного карьера, пляжной будки, морского контейнера и небольшого кладбища. Янсен занимается этим своеобразным видом творчества с 1990 года; именно тогда ему пришла в голову мысль о «новой форме, объединяющей в своем воплощении науку, искусство и технологию». Обычно в «лаборатории» находятся одно-два «животных»; для них пляж (по утверждению художника) – преддверие рая на Земле, но «животных» следует тренировать; с этой целью Янсен раз в году выводит свои creation на берег и дает им «почувствовать вкус пребывания в естественной среде обитания». Если построенное «животное» почему-либо не может ходить, Тео Янсен объявляет его «вымершим» и перетаскивает на кладбище...

«Тео» по-гречески означает «Бог». Интересно, считает ли себя Богом голландский художник, создатель квази-жизни? Богом или квази-Богом? Жаль, что Тео Янсен, обездвиживший со своими «существами» весь мир, не посетил пока Азербайджан; иначе я бы встретился с ним и непременно задал этот вопрос...

Один ученый-материалист (не из числа тех, что примиряют науку с религией) как-то предложил для упрощения восприятия сравнить историю Земли с фильмом. Представьте себе, сказал ученый, некий необычный фильм, в котором заснята история нашей планеты. Допустим, продолжительность этого фильма – 1 час 20 минут. При таком «сжатии времен» секунда фильма равнозначна миллиону лет жизни Земли. И что же мы увидим на экране?

Первые несколько минут постепенно возникает молодая, только что родившаяся Земля – из частиц газо-пылевого облака или как-нибудь иначе, не столь важно,

но возникает. Последующие 40 минут фильма уйдут на возникновение первичных материков и океанов, а также на формирование атмосферы. Жизнь появится уже в первые полчаса фильма, но вряд ли она бросится в глаза зрителю – эти бактерии и прочие простейшие организмы, к тому же не везде и встречающиеся. Зато в последующие 17 минут растительность выберется на побережья древних морей и океанов, а на сущее появятся все типы многоклеточных животных, кроме позвоночных. Весь так называемый «фанерозой» (то есть палеозойская, мезозойская и кайнозойская эры) составят финал фильма. Он промелькнет перед зрителем за 10 минут, но за это время жизнь взрывообразно заполнит сушу, воду и воздух Земли и даст свой высший цвет – человечество! Но появление человека займет в фильме всего лишь 2 его последние секунды; а вся история земной цивилизации займет одну двухсотую секунды! Мизер, по космическим масштабам!

Вот такое вот интересное кино. Но, был ли прав епископ Ашер или нет, а хорошо, что есть в году такой день, когда в девять утра можно распахнуть окно и сказать: «Ну, с днем рождения, белый свет!»

Не будь креветкой

27 августа сего года Марс приблизился к Земле менее, чем на 60 миллионов километров (так называемое Великое Противостояние)... Это натолкнуло меня на некоторые размышления, плодами которых я с вами сейчас поделюсь.

«В связи с приближением к нам планеты Земля снова возникла дискуссия, есть ли жизнь на нашем ближайшем соседе в космосе. Этот вопрос безуспешно обсуждался много столетий, однако новые астрономические приборы позволили нам получить вполне достоверные данные о других планетах. Мы еще не можем окончательно судить о наличии или отсутствии земной жизни, но у нас теперь есть гораздо более точные сведения о Земле, и можно вести дискуссию на научной основе».

Так начинается рассказ «Доклад о третьей планете», принадлежащий перу известного британского астронома и писателя-фантаста Артура Кларка (в переводе на русский язык опубликованный в 1966 году). Кларк, ученый до мозга костей, не лишен был, однако чувства юмора и некоторой едкости по отношению к коллегам. Тому свидетельство – «Доклад о третьей планете», представляющий собой, по мысли автора, отрывок из документа, составленного марсианскими учеными за тысячу лет до нашей эры (по земному летоисчислению) и посвященного, по сути, одному вопросу – есть ли жизнь на Земле. Отрывок этот найдут наши космонавты, высадившиеся на Марсе, и текст будет переведен на земные языки...

К какому же выводу пришли высокоученные марсианские астрономы?

К такому: жизни на Земле нет и быть не может. В рассуждениях своих марсиане опирались на ряд неоспоримых, железных, так сказать, аргументов, полученных на основе многолетних наблюдений за нашей планетой.

Так, «выявилось (по словам марсиан) поразительное обстоятельство: более двух третей планеты Земля покрыты жидкостью. Много столетий длились ожесточенные споры, но теперь мы почти уверены, что эта жидкость – вода... Мы не можем пока определить глубину земных «океанов» (таково научное наименование), но некоторые астрономы утверждают, что их толщина достигает ни много, ни мало – трехсот метров»...

Далее – планету Земля окружает атмосфера, в десять раз плотнее марсианской, что (по мнению марсианских астрономов) также является неблагоприятным для жизни фактором: «*Плотная пелена газа, облекающая Землю, богата ядовитым и химически очень активным элементом – кислородом, которого в нашем воздухе почти нет. В атмосфере Земли довольно много углекислого газа, а также водяных паров – они образуют огромные облака, которые подчас сохраняются много дней и затеняют обширные участки планеты».*

Еще одним неблагоприятным фактором является то, что Земля расположена ближе к Солнцу, чем Марс: «...*огромные температуры в районах земного экватора. В более высоких широтах условия благоприятнее, а большие ледяные шапки у обоих полюсов – признак того, что там бывают вполне сносные температуры»...*»

Против наличия жизни на Земле – и сила тяжести, которая на нашей планете втрое больше, чем на Марсе: «*Мощная гравитация должна повлечь за собой много важных последствий, всего даже нельзя предугадать. Во всяком случае, крупные организмы невозможны, их раздавила бы собственная тяжесть».*

Вывод: «*Все эти хорошо проверенные факты позволяют судить, может ли быть жизнь на Земле. Скажем сразу, это кажется нам очень сомнительным; будем, однако, терпимы и не станем отвергать даже самых невероятных, на первый взгляд, предложений, пока они не противоречат научным законам».*

Что ж, и на том спасибо. Но...

«*Даже если допустить, что на Земле есть существа, способные выжить в такой ядовитой и химически активной атмосфере, обилие кислорода должно повлечь за собой два последствия». Какие? Первое – озоновый слой, не пропускающий ультрафиолетовые лучи Солнца; марсиане, получающие от него здоровье и энергию, не представляют себе жизни без ультрафиолета. Второе: огонь («*наблюдавшие это явление в лабораториях описывают его как нечто ужасное; наше счастье, что оно невозможно на Марсе. Между тем на Земле оно должно быть довольно обычным, и мы не можем представить себе организма, который мог бы жить в таких условиях»*»).*

Однако ж марсианские фантасты в мечтах своих видели Землю населенной живыми существами. Вот: «*Некоторые авторы научно-фантастических произведений предполагают, что на Земле будто бы могли развиться организмы, способные перемещаться по воздуху. В подтверждение этой очень сомнительной идеи они подчеркивают, что плотная атмосфера позволяет относительно легко летать, однако умалчивают о том, что большая гравитация сводит на нет это кажущееся преимущество. Как ни увлекательна мысль о летающих животных, ни один уважающий себя биолог не может принять ее всерьез... Более основательной выглядит другая теория. Она гласит, что если на Земле есть животные, они могут обитать лишь в обширных океанах, покрывающих большую часть планеты... в океанах животным Земли не пришлось бы преодолевать колossalную силу тяготения. И хотя нам трудно представить себе организмы, способные жить в воде, все-таки на Земле океаны представляются нам более благоприятной средой, нежели суши.*

В самое последнее время серьезный удар по этой интересной догадке нанесла математическая физика. Как известно, у Земли есть только одна огромная луна... ее притяжение должно заметно влиять на планету, особенно на воду земных океанов, заставляя их изменять свой уровень на много метров. Очевидно, из-за «*приливно-отливных*» сил все низменные области Земли затопляются дважды в сутки. Трудно представить себе наличие живых – будь то водных или наземных – организмов в

таких условиях, когда море и суша непрестанно сменяются».

Все вышеизложенное приводит марсианских ученых к такому выводу: «Все говорит о том, что наш сосед Земля – весьма негостеприимный мир, там не может быть ни одной формы жизни, известной на Марсе. Даже растительность вряд ли могла бы переносить постоянные дожди и бури; правда, многие астрономы как будто наблюдают в некоторых областях изменения окраски, которые они приписывают ежегодному цветению растений».

Ну ладно, а фауна? «Что до животных, то это пустые догадки, опровергаемые всеми фактами. Если они даже есть, то должны обладать огромной силой и могучим расположением, чтобы преодолевать гравитацию; можно предположить, что у них несколько пар ног и ходят они очень медленно. Их неуклюжие тела должны быть покрыты толстым панцирем для защиты от непогоды и окисляющей атмосферы. Учитывая все это, можно совершенно сбросить со счетов возможность присутствия на Земле разумной жизни. Приходится смириться с мыслью, что мы единственные разумные существа во всей Солнечной системе».

Правда, дальше марсиане пишут, что в ближайшем будущем собираются отправить на Землю научную экспедицию; она станет возможной благодаря тому, что марсиане только-только овладели атомной энергией. Вот тогда-то Третья планета и раскроет марсианам все свои последние тайны! «Наконец-то высвобождена безгранична энергия атомного ядра, и мы применим вскоре эту грозную силу, чтобы вырваться из цепей нашего мира, – с воодушевлением пишут марсианские ученые. – Земля с ее гигантским спутником лишь первые в ряду небесных тел, которые изучат будущие исследователи. Затем последуют...»

(К сожалению, здесь рукопись обрывается. Остальное опалено настолько, что нельзя прочесть – видимо, термоядерным взрывом, который уничтожил Императорскую библиотеку и весь город Уас. Примечательное совпадение: снаряды, которые положили конец марсианской цивилизации, были выпущены, когда происходило одно из важнейших событий классического периода истории человечества. В шестидесяти пяти миллионах километров от Марса греки штурмовали Трою, применяя не столь совершенное оружие. – Примечание переводчика).

Вот такой вот рассказ Артура Кларка.

Я люблю перечитывать его время от времени. Я получаю интеллектуальное наслаждение от тонкой издевки над глупостью человеческого (а вовсе не марсианского) ума, способного на основе вполне правильных рассуждений получить иногда в итоге неверный результат...

Вот смотрите, сколько аргументов против жизни на Земле – и атмосфера у нас токсичная, и сила тяжести невыносимая, и жара невозможная, и луна играет масками воды... По отдельности каждый аргумент состоятелен. Но результат... Жизни на Земле быть не может? А она есть!

Обычно после прочтения «Доклада о Третьей планете» я подхожу к зеркалу. Что я там должен увидеть, по мнению марсианских ученых? Бронированную креветку размером с мотоцикл? Причем зеркало должно находиться не на четвертом этаже дома, а в океане, на стометровой глубине... И это еще в лучшем случае. В худшем – меня вообще не должно быть. Ни меня, ни вас, ни пса Тузика, ни кота Мурзика, ни попугая Кеши... Нам всем отказано в праве на существование, ибо так решили марсианские академики...

Нас не должно быть – а мы есть. Парадокс!

(хлопая крыльями, на карниз моего окна садится голубь – та самая крылатая форма жизни, которая, по мнению марсиан, у нас невозможна).

Парадокс, но мы есть – живые опровержения мертвых гипотез!

(на подоконнике моем лежит «Философия случая», капитальный труд Станислава Лема – одно из проявлений того самого разума, который, по мнению марсиан, у нас тем более невозможен).

Все окружающее, включая меня самого – это дерзкий вызов марсианской логике, неверному заключению, построенному на ряде верных аргументов, странной трухлявой цепи, составленной из крепких звеньев... Ненадежной цепи.

Иногда мне приходит в голову, что такие марсиане живут и на нашей планете. Смотрят они на какую-то страну, и рассуждают – этой страны просто не может быть, поскольку у нее нет того-то, того-то и того-то... Или вот какой-то человек просто не должен жить, потому что при имеющихся условиях существование его решительно невозможно...

А страна есть, и человек живым-живехонек, улыбается, хоть и бледно. Попытавшись высоколобых заучившихся марсиан... к тому же готовых поджарить себя на термоядерном мангале!

В заключение призываю вас, дорогие друзья, – старайтесь думать своей головой и иметь собственное мнение. Какими бы убедительными ни казались порой аргументы, они могут привести к ложному заключению. А если вы слепо поверите чьему-то авторитету – скажем, научному, или политическому – то в один далеко не прекрасный день рискуете, подойдя к зеркалу, увидеть в нем отражение гигантской безмозглой креветки, и это еще в лучшем случае. В худшем – вы не увидите там ничего...

Но лучшее из лучших – это увидеть в зеркале себя самого.

Ребра Вселенной и мозг Человека

В прошлом году американский телескоп Spitzer «разглядел» новую часть Млечного пути; ученые говорят, что именно там находятся так называемые «кости», составляющие «скелет» нашей Галактики (напомню, что Млечный Путь и есть наша Галактика). Имеются в виду полосы пыли и газа, из которых формируются звезды. Размер одной «косточки» Млечного Пути, прозванной «берцовой», – 300 световых лет в длину и 2 световых года в ширину (свет проходит за секунду расстояние в 300 тысяч километров; если вы будете нестись с этой умопомрачительной скоростью, то вдоль «кости» вам придется лететь аж триста лет, а поперек – два года). Масса этой «берцовой» – примерно 100 тысяч звезд размером с наше Солнце. На базе полученных данных ученые из Смитсоновского центра астрофизики построили компьютерную модель и выяснили, что спиральные рукава нашей Галактики могут быть соединены целой сетью подобных «костей»... Надо же – и у Вселенной, оказывается, есть свой скелет. Впечатляет, что ни говори.

Однако технический прогресс далеко не всегда шагает рука об руку с моралью. Недавно по телевизору показывали добровольцев из разных стран, готовых лететь на Марс и стать первыми колонистами Красной Планеты; затея эта рискованная, добровольцам выписывается, по сути, «билет в один конец», ни о возвращении на Землю, ни о какой-либо помощи в случае беды и речи быть не может, колонисты

останутся один на один с Марсом и рассчитывать смогут исключительно на себя... Так вот, некий эмир из Саудовской Аравии издал фетву, запрещающую истинным мусульманам участвовать в этом проекте; по мнению эмира, это является изощренной формой самоубийства, а самоубийства строго воспрещены Кораном... Телевизионщики взяли интервью у нескольких молодых мусульман, готовых стать добровольцами. Парни искренне сожалеют, что не смогут влиться в ряды колонистов; парни согласны были пойти на смертельный риск из неистребимого человеческого любопытства и в интересах всех землян. Но теперь ослушавшиеся эмира будут признаны грешниками... Очень жаль, что благородному порыву молодых мусульманских душ препятствует упрямство религиозных догматиков. Этак ведь и христианам попы могут запретить летать в Космос – не суйтесь, мол, рабы Божьи, куда не следует! Но кто, где и когда сказал, что Всевышнему угодны фанатизм, косность, невежество, нелюбопытство? Эх! «Два элемента, которые наиболее часто встречаются во Вселенной, – водород и глупость» (Фрэнк Заппа, американский композитор).

Все чаще и чаще задаю себе вопрос: освоит ли человек Вселенную? Скелет скелетом, но ведь Вселенная – это вакуум, близкий к идеальному, плюс лютый холод, плюс жесткое излучение, плюс непомерные расстояния... Под силу ли нам покорить это бескрайнее и суровое царство? Странно, но раньше я не задавал себе подобных вопросов. Старею, наверное.

Кроме шуток – способны ли живые организмы обитать в открытом космическом пространстве? В принципе? Вообще-то жизнь необычайно живучая, простите за тавтологию. И вот вам один факт: совершенно случайно учёные из Токийского университета морских наук и технологий сделали потрясающее открытие. Года три назад они отправили на хранение в морозильную камеру, в которой поддерживается температура минус 90 градусов по Цельсию, череп морской черепахи. И вот совсем недавно учёные для чего-то вынули череп из морозилки и... нашли на нем трех присосавшихся пиявок, причем еще живых! Биолог Дай Судзуки не скрывал изумления: «Прежде считалось, что живые организмы не могут долго существовать при температуре ниже нуля. В первую очередь страдают стенки клеток, которые повреждаются кристалликами льда. Но в данном случае этого не произошло». В ходе дальнейших опытов учёные изумились еще больше: «ледяные пиявки» могут, оказывается, выживать и при температуре в минус 190 градусов!

Вы скажете – где минус 190 градусов, а где «абсолютный нуль» (минус 273 по Цельсию). Но фантасты на вопрос «может ли живое существо выжить в открытом космическом пространстве?» бодро отвечают: «Может!» У американского фантаста Артура Порджея есть рассказ под названием «Ценный товар». Люди встречают в открытом Космосе уникальную форму жизни – «Солнечных Странников»; это желеобразные мыслящие существа с огромными парусами из тонкой органической пленки, передвигающиеся в пространстве под давлением солнечного света и питающиеся космической пылью. Солнечные Странники держатся поодиночке и путешествуют по всей Вселенной, общаясь друг с другом на огромных расстояниях с помощью телепатии; они разумны настолько, что могут решать сложнейшие математические задачи...

Похожая форма жизни описана в рассказе Вячеслава Морочки «Там, где вечно дремлет тайна...». Это так называемые Астриды – полупрозрачные существа с яйцевидными телами и множеством тонких длинных щупалец. Астриды живут в открытом пространстве Космоса, держась большими стаями; существа они хоть и разумные, но

злобные, к людям относятся с пренебрежением и периодически нападают на космические корабли. Астриды убивают людей всех до одного, выпускают из отсеков воздух и в опустевших звездолетах устраивают гнезда для своего потомства...

Еще Чужой из фильма Ридли Скотта спокойно переносил открытый Космос; ну да Чужому все было ни почем, он же из Голливуда...

...В прошлом же году ученым удалось совершить потрясающее открытие с помощью телескопов Hubble и Spitzer: в удивительно красивой туманности Орла (астрономы называют ее сухо и прозаично – «объект Месье 16», или еще суще – «M-16»), свет от которой добирается до Земли 7 тысяч лет, астрономы разглядели за облаками газа и космической пыли звездный «родильный дом»! Видные на фотографии три газопылевые облака, похожие на колоссальные пальцы, получили название «Столпов Творения» (в них-то и происходит таинство звездообразования). Я вспомнил про «ребра Вселенной» и тут мне пришло в голову довольно необычное сравнение. Как известно, Всевышний сотворил первую женщину из ребра первого мужчины; а из ребер Вселенной выходят и выходят звезды, как женщины (ведь каждая женщина – несомненно, звезда!)... каков же он, этот колоссальный галактический Адам?.. Впрочем, вернемся к туманности Орла. И опечалимся: недавно астрономы увидели в ней след от взрыва сверхновой – одна из уже существующих звезд вспыхнула, с огромной силой выбросив наружу весь газ, из которого она состояла. Определили время, когда произошла катастрофа – взрывная волна достигла туманности Орла и разорвала ее в клочья около 6 тысяч лет назад, но из-за огромных расстояний мы увидели гибель Столпов Творения лишь сейчас...

В этом есть что-то ирреальное: давно исчезнувшие космические объекты долгое время кажутся нам существующими лишь потому, что свет от них до нас идет слишком долго... Получается что-то вроде апории Зенона: погибшей звезды нет – и в то же время она есть! Уму непостижимо! Господи Боже, подумал я с замиранием сердца, на что ты замахнулся, человек?! На что покусился?!

А и правильно сделал, что покусился! Ну и что с того, что у Вселенной есть ребра? У нас, людей, они тоже есть! И позвоночник! А еще – черепная коробка, и в ней – чудо из чудес, мозг, размером с детский мячик, но изборожденный извилинами! Он не может жить спокойно, человек, мозг его жадно требует пищи, и потому человек, несмотря ни на какие фетвы, всегда будет искать и беспрерывно двигаться, от звезды к звезде, от планеты к планете...

Американский писатель Курт Воннегут устами своего героя Килгора Траута повторял: «*Большой мозг есть причина всех бедствий*». Но я с ним не согласен.

Пусть выскажет другой знаменитый американец, поэт Уолт Уитмен:

«Сегодня перед рассветом я взошел на вершину холма и увидел усыпанное звездами небо,

И сказал моей душе: «Когда мы овладеем всеми этими шарами Вселенной, и всеми их усладами, и всеми их знаниями, будет ли с нас довольно?»

И моя душа сказала:

«Нет, этого мало для нас, мы пойдем мимо и – дальше».

Вот так.

Баку, осень 2015 г.

НИЛУФЕР ШИХЛЫ

Нилуфер Шихлы живет в Москве. Молодой автор активно пробует себя в поэзии, прозе, публицистике, занимается переводами с азербайджанского и турецкого языков. Публикуется в литизданиях Азербайджана, России и других стран дальнего и ближнего зарубежья. Возглавляет российское представительство Всемирного объединения молодых тюркских писателей, входит в состав редколлегии журнала «Улдуз».

Сонет

«Пускай с годами стынищая кровь, –
Читаем у бессмертного Шекспира, –
В наследнике твоем пылает вновь!..»
Как ты права, шекспировская лира!

Нам суждено продолжить род людской,
Своей рукою посадить оливу,
Чтобы гордились сыновья тобой,
Ты должен им оставить дом счастливый.

Мы рождены для жизни на земле,
Что вечно под светилами пребудет.
Пусть жизнь твоя горит на алтаре,
Тогда тебя потомок не забудет.

Для грешника же, как гласит сонет,
В грядущем мире продолженья нет.

Я умереть хочу весной...

На мотив стихотворения
Мирры Лохвицкой «Элегия»

Я умереть хочу весной
С перерождением природы,
Когда тепло и непогода
Перемешались меж собой.

Хочу я умереть весной,
Пока не наступило лето,
А летом я лучами света
Опять предстану пред тобой.

Тебя собой согрею я,
Так, как не согревала раньше –
Без боли, пошлости и фальши
Любови больше не тая.

На распутье

Маме

**Вот опять мы с тобой на распутье:
Перед нами лежат три пути...
Но один лишь из них нам, по сути,
Предначертано будет пройти.**

**Перед нами опять уравнение,
И решений у нас – целых три:
Это наши с тобою сомнения,
Это страх, что там ждет впереди.**

**Очень важно решенье задачи,
И от нас лишь зависит исход,
И случится все так, не иначе,
Если сделаем правильный ход.**

**Путь налево лежит, путь направо...
Третий путь – как всегда, напрямик.
Что нас ждет?.. Деньги, почести, слава,
Власть, любовь –**
или просто тупик?..

**Манит нас неизвестность дороги,
Будоражит опасность пути...
А застывши на этом пороге,
Мы рискуем свой шанс упустить!..**

**Мы стоим, сомневаясь, но время
Нас торопит в дорогу, не ждет...
Путь открыт, конь храпит,
ногу – в стремя!..
За удачей и счастьем – вперед!**

Старая гадалка

**В поломанном кресле-качалке,
В уютный укутавшись плед,
Согнувшись, старуха-гадалка...
Как много ей минуло лет.**

**Осунулись бледные щеки,
В глубоких морщинах лицо,
Дрожащие тонкие руки –
На пальце блеснуло кольцо...**

**Упали на лоб из-под шали
Две пряди – белее, чем снег,
Уж силы ее оставляли
Не раз... Но таится от всех.**

**В скрипучем том кресле глядела
Старуха пророчески вдаль:
Она в этой жизни успела
Узнать и тоску, и печаль.**

**И стол перед ней деревянный,
И скатерть – велюр с бахромой,
Колода таро, шар хрустальный,
Две свечки да чаша с водой.**

**Картины прославленной кисти,
Под ними – персидский ковер
(Ему лет, наверное, триста,
Но все еще радует взор).**

**На старом изящном комоде
Шкатулки и нэцкэ стоят.
По прежней одетые моде,
Родные с портретовглядят**

**(Хоть родом из высшего света,
И самых чистейших кровей –
Все минуло, кануло в Лету,
Увы, не воротится к ней).**

**Все то, что ее окружало,
Седой отдает стариной.
Кукушка в часах замолчала –
Здесь время слилось с тишиной.**

**От сырости руки озябнут –
Камин не топился сто лет.
Темнеет, и в памяти слабнет
Далекого прошлого след.**

**В живых никого не осталось...
Что скажут ей карты таро?..
Жизнь так коротка оказалась,
Но все это, в общем, старо.**

**И дара лишиться готова,
И даже заветную суть
Забыть того тайного Слова –
Чтоб прошлое счастье вернуть.**

Маски

**Нам вручили чьи-то маски,
Изменились мы с тобой –
Не узнать под слоем краски,
Кто родной, а кто чужой.**

**Чьи-то роли разыграли,
Но сценарий был не тот...
Друг за другом примеряли
Боль падений, пик высот...**

**Все прошло, все то, что было,
А второго дубля нет...
И друзей любовь остыла,
Кто теперь нам даст совет?**

**Как вопросы эти глажут...
Но взгляни – пустует зал!..
Так зачем же, для кого же
Эту роль ты разыграл?..**

**Мы аншлаги пропустили,
Мы забыты: ты и я.
Нам жестоко отомстили –
Все надежды были зря.**

**Что ж, раскаянья излишни,
И иные времена:
На расклеенных афишах
Стерты наши имена.**

Седьмое небо

**Небо седьмое – рай для влюбленных,
Меткой стрелою амура пронзенных!
Небо седьмое – облако счастья,
Вечное солнце, и нету ненастя.**

**Души влюбленных здесь не расстаются,
Вечное счастье над горем смеется.
Нет здесь обид, и измен, и страданий,
Слез, унижений и расставаний...**

**Нету печали и нету сомнений –
Остров немыслимых наслаждений!..
Солнцем омыты полдень и вечер,
Запахом моря пропитан ветер.**

**...Если с тобою поверим мы в это,
Утром, с восходом, лучами из света
Мы улетим в край великой надежды,
В край, где мы счастливы будем, как прежде.**

**Там нас оставит горе разлуки,
Радость и счастье протянут нам руки,
Там наше счастье останется вечным,
В небе лазоревом и бесконечном!..**

ЯЛЧИН АЛИ-ЗАДЕ

Ц В Е Т Ы Н А С Н Е Г У

Памяти Земфиры – непонятой женщины и друга

Впервые иду на встречу с ней без привычной легкой тревоги, которую обычно ощущаешь перед серьезным экзаменом. Она уже ни о чем не спросит меня, не задаст неудобных вопросов, не улыбнется своей чуть грустной, ироничной улыбкой, уловив едва заметную фальшивую нотку в моих ответах...

В висках глухо стучит безысходность, а откуда-то из глубины сознания восстает возмущение против непреложного закона природы. Одна черная пустота в голове, никаких параллельных мыслей. И только картинки из совместно прожитой жизни мелькают на этом глубоко темном фоне. Бесчисленные вокзалы и аэропорты, новые страны и города, нескончаемая череда переездов, рождение детей и внуков, всевозможные торжества и события печальные вихрем проносятся перед глазами без всякой хронологической последовательности. Вдруг эта совершенно безумная лента, смонтированная в потаенных уголках моего мозга, замедляет свой бег и уводит меня далеко-далеко в прошлое, к истокам наших отношений...

Вот мы у Пизанской башни, стоим особняком, поодаль от бестолково колышущейся массы разноязыких туристов. Я, чтобы понравиться ей, как говорится, кручуясь на хвосте. Выкладываю все известное мне об этом удивительном сооружении, в лицах рассказываю о трагической судьбе Галилео Галилея, зачем-то пристегнув Макиавелли к закону о гравитации. Затем, оторвавшись от нашей группы, идем по средневековому мосту через реку По, шагаем по узким улочкам Флоренции. Очень, ну просто до боли хочу взять ее за руку. За эту элегантную, с едва заметными голубыми прожилками вен выразительную руку. Но никак не решаюсь, боюсь обидеть и лишиться ее присутствия.

Теперь уже мы, в Галерее Уффици рассматриваем шедевры мастеров ренессанса – великого Рафаэля, Караваджо...Стоп, ничего подобного, рассматривает она, я же украдкой разглядываю ее. Словно завороженный, ничего кроме нее не вижу. Только она в полумраке галереи стоит перед глазами. Гордая, уверенная в себе и очень красивая. Словно это ей своим рождением обязана знаменитая картинная галерея и она в очередной раз критически смотрит на собственное творение. Улучшив момент, пытаюсь дотянуться...

Неожиданно эта полная воспоминаний фантастическая лента с картинками из прошлого обрывается. Неуклюжий прохожий, с гигантским чемоданом толкнув локтем, возвращает меня к жестокой реальности этого мрачного декабряского вечера. Земфиры уже нет. Зема покинула нас, она сейчас в совершенно другом, неведомом нам измерении. До нее теперь не достучаться, не дозвониться, не поделиться с самым сокровенным, с чем никому другому больше не пойдешь. Земы просто нет в этом мире, она ушла познавать непознаваемое...

Как же так?! Не далее, как вчера вечером мы общались с ней по скайпу, об-

суждали программу наступающего нового года. Эта была всё та же Земфира с железной логикой, непреложной последовательностью в суждениях и абсолютным не-приятием человеческой глупости. И только в самом конце разговора, когда мы уже практически попрощались, она вдруг впервые упавшим голосом попросила меня прилететь пораньше... Неужели она предчувствовала свою близкую кончину или это была всего лишь минутная слабость приболевшего человека? Нет, думаю, она знала и знала наверняка. А если бы я оказался рядом, если бы вовремя...

В голове полный сумбур, никак не могу сосредоточиться, элементарно включить логику. Мысли, самые противоречивые и мрачные, сцепившись в непримиримой схватке, кружатся в каком-то истерическом хороводе. И верховодит всем этим хаосом чувство вины – липкое и очень обидное. Из глубины памяти немедленно выплывают все мои грешки, из-за которых так много переживала Зема. Вот если бы тогда...

Невольно прибавляю шаг, будто ускорение может помочь мне уйти от всех этих «если» и вопросительных знаков, хоть сколько-нибудь успокоить вконец взбунтовавшуюся совесть. Несмотря на поздний час, долгий коридор московского аэропорта, ведущего к выходам на посадку, как всегда многолюден. Суетливый потокочных пассажиров с сумками, чемоданами и немыслимых размеров заплечными рюкзаками, свет витрин многочисленных магазинов и бутиков, яркие рекламные панно и бегущие строки объявлений кажутся совершенно неуместными и безумно раздражают. Скорее, было бы кстати шагать сейчас в одиночестве по полутемным ночным улицам-ущельям Ичери-Шехер. Нет-нет, не сегодняшнего, залитого светом бутафорно-туристического подобия старой Бакинской Крепости, а того нетронутого старинного города, где родилась и выросла наша Зема.

Человек довольно суровый и не воспринимавший сентиментального сюсюканья, она всегда с большой теплотой вспоминала детство, жизнь небольшого коммунального двора, близких соседей. Однако пронесенная через всю жизнь любовь к жителям Ичери-Шехер ни в коем случае не относилась к его домам и бесконечно петляющим лабиринтам улиц. Зема ненавидела закрытое пространство, нагромождение камня, всякие заборы, арки и сводчатые потолки. Ее идеал жилища – это небольшой домик-бельэтаж с деревянной верандой, окруженный множеством цветов и широко открытый перед ним горизонт. Смотри, сколько хватит взору! И она была так счастлива, когда их семья переехала в новую квартиру на одной из оживленных улиц Баку. Потому-то полной неожиданностью для меня стало ее желание в последние годы жить в нашем особняке в той самой Бакинской Крепости. Не думаю, что это было связано с пересмотром взглядов на архитектуру или изменением жилищных предпочтений. Очевидно, Зему потянуло обратно в загадочную страну детства, где двери домов даже на ночь не запирались и в атмосфере послевоенной эйфории доброжелательства люди запросто общались друг с другом, не оглядываясь на положение в обществе или имущественный ценз. Там, в безвозвратно утраченном прошлом остались дорогие ее сердцу еще молодые родители, голубоглазый и смешливый девушкa, мечты и грэзы о предстоящей долгой, счастливой жизни...

О светлой, хрупкой девчонке – всеобщей любимице еще мальчишкой мне доводилось слышать от родственников матери, которые жили рядом и дружили семьями. Зему хорошо знала моя мама, бабушка, тети и дяди. А я впервые увидел ее много позже, когда она уже была вполне состоявшимся, самостоятельным человеком. Встретились мы случайно в международном отделе республиканского совета проф-

союзов: пришли оформлять путевки в круиз вокруг Европы. Явилась она позже остальных и сразу привлекла мое внимание. Элегантная, с высоко поднятой головой и нескрываемым чувством собственного достоинства. Однако в ее облике не было и тени высокомерия – только превосходная степень независимости и уверенности в себе. Остальные волнуются, ногти грызут в ожидании оглашения списка счастливых обладателей долгожданной путевки, а прекрасная незнакомка само спокойствие, сидит себе на галерках актового зала и без обычной женской суетливости наблюдает за происходящим. Народ шепчется, интересуются курсами валют, разрешенным к вывозу количеством черной икры и, конечно же, личностьюексота в группе. А я глаз не могу отвести от Земли. Всем своим существом она утверждает свою неприступность и недосягаемость своего уровня. Подсознательно воспринимаю это как личный вызов. Однако понимаю, априори на ее благосклонность рассчитывать не стоит и здесь, как говорится, ловить нечего. Естественно, подобная ситуация нервирует меня и даже несколько злит...

Тут откуда не возьмись в президиуме возникает женщина с тяжелым подбородком и начинает тоном обвинительного приговора объявлять фамилии отъезжающих. Я в списке, да еще утвержден заместителем руководителя группы. Женщина с тяжелым подбородком поздравляет меня и нараспив выдает пару расхожих лозунгов о высокой миссии советских туристов за рубежом. Соответственно, тут же оказываюсь в центре внимания публики. Мои будущие попутчики заискивающе смотрят на меня, выдавливая из себя некое подобие улыбки. Как же, в их обывательском сознание я и есть тот искомый секретный агент КГБ, который будет «пасти» их всю дорогу. А загадочная незнакомка (кстати, она тоже в списке под фамилией Гусейнова) ноль внимания к моей персоне, изучает программу предстоящего круиза.

Казалось, фортуна улыбнулась мне, что же еще? Я побываю в самых известных европейских столицах, увижу, наконец, мечту своего детства Париж. Так нет же, эта самая Гусейнова своим явлением не дала нарадоваться такому подарку судьбы, все испортила, уронила мое настроение. Уходил я из зала профсоюзов более чем раздраженный, твердо решив держаться от нее подальше.

...Наконец-то, объявили посадку в самолет. Народ ринулся к выходу и через пару-тройку минут обычная для наших рейсов суматоха была налицо. В первом же салоне новенького аэробуса ситуация оказалась относительно спокойной. Разве что сосед мой, жирный мужчина с похожей на тонзуру лысиной, никак не мог занять свое место и довольно долго с помощью стюардессы пытался разместить многочисленные пакеты с маркировкой Duty Free на верхней багажной полке. Управившись с ручной кладью, он бесцеремонно плюхнулся в кресло, немедленно скинул обувь и схватился за мобильник, периодически демонстрируя дорогие часы на волосатом запястье. Из телефонного разговора следовало, что мой сосед - жирный мужчина допущен к нефтяной кормушке, сын его живет в собственном доме в Швейцарии, а сам он сгорает от любви к родине и очень беспокоится за воспитание будущих внуков в развернутой Европе. В общем, по сегодняшним меркам вполне себе респектабельный гражданин. По завершению телефонного трепа сей типичный пассажир бизнес класса, коих в салоне как всегда абсолютное большинство, заказал виски с колой (?!), сделал пару глотков, удобно откинулся в кресле и вскорости уснул.

Лишенный внешнего раздражителя в лице моего соседа, который, честно говоря, отвлекал меня от тяжелых мыслей, решил полистать глянцевый журнал авиакомпании. Две-три сусальные статьи и реклама – вот и все содержание. Остановился

на карте маршрутов. Оказывается, наши авиалайнеры летают по всему миру. Париж, Берлин, Нью-Йорк, Милан... А почему не Рим? Очевидно, так удобнее для авиаторов, через Милан, северную Италию...

А вот с Земой познакомились мы во Флоренции. Там же, к своему немалому удивлению, я узнал, что она и есть та самая хрупкая, светлая девчонка из Крепости, о которой слышал в детстве. Познакомились мы, чтобы больше уже не расставаться. Как это случилось, что нас сблизило, ума не приложу. Так или иначе, вместе мы прошли путь, длиною почти в сорок долгих лет. Взлеты и падения, ссоры и примирения, дни светлые и не очень, интриги, зависть и сплетни – вместе мы пережили все, что называется жизнью. Была ли счастлива она? Для большинства окружающих – безусловно. А у меня однозначного ответа на этот вопрос никогда не было.

Дети и близкие звали ее Земой, люди старшего поколения Земфирой, ну а в официальных кругах к ней обращались Земфира Мехтиевна. Мама же моя окрестила ее «скорой помощью», за ее готовность оказывать помощь даже незнакомым людям. Она презирала ложь, но однажды все же скрыла правду, правду о своем здоровье. Зему любили, уважали или ненавидели. Равнодушных просто не помню. Человек во-левой и решительный, она никогда не расслаблялась и не искала поддержки, не прислонялась к моему плечу. На ее фоне я ощущал себя этаким беспомощным, колеблющимся созерцателем. Что же объединяло нас, держало вместе, людей со столь разными характерами и темпераментом? Не могу ответить, не знаю. Но в одном я абсолютно уверен: если бы пришлось начинать все снова, с чистого листа, я опять искал бы Зему...

Вот и приземлились в бакинском аэропорту. Новый терминал залит светом, но все кругом кажется мрачным и холодным. Будто прилетел я на совершенно чужую землю, где нет уже моего надежного аэродрома. Едем по ночному городу, который так любила Зема, а сейчас готова покинуть его навсегда...

Последующие дни пролетели в печальных заботах. Узаконенные ритуалы, не-навистные служители самой прекрасной религии, заказ надгробья, поминальные вечера и все это во имя Земы, но без ее ведома. На сороковой день пошел снег и легким белым покрывалом закамуфлировал неопрятность старого бакинского кладбища. Среди хаоса захоронений скромный огороженный участок, где покоятся Гусейновы. Теперь и Зема прописалась здесь, рядом со своими родителями, сестрой и близкими родственниками. Она смотрит со своего портрета на черном граните все с той самой грустной и чуть ироничной улыбкой на лице. Цветы белые, белые веером ложатся на приподнятую снегом полированную поверхность камня, словно отмечая последнее новоселье этой загадочной женщины...

Еще один поклон, еще один взгляд на юдоль вечного сна, и я покидаю кладбище. Покидаю не один. Зема уходит вместе со мной. А там за оградой остается лишь черный гранитный памятник с ее именем.

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

ЧУЖОЕ ГОРЕ – КАК СВОЕ

*И опять смерть косою взмахнула...
Коль верить, что каждый
Равен малой Вселенной –
Любой, даже самый простой человек,
В этой груде металла,
Покрытого гарью и сажей,
Столько малых Вселенных
В то утро угасло навек...*

Эти строки из стихотворения, написанного мной давным-давно, невольно всплыли в памяти, когда пасмурным субботним днем, 31 октября, я включила телевизор, в надежде посмотреть какую-то «легкую» передачу, чтобы поднять себе пасмурное же – под стать погоде – настроение, и услышала в новостях трагическую весть об авиакатастрофе в Египте. Подробности заставили сердце сжаться еще сильнее – на борту рухнувшего на Синайском полуострове пассажирского лайнера, принадлежащего российской авиакомпании, находилось 224 человека: 7 членов экипажа и 217 пассажиров, в их числе 25 детей (большинство возвращалось домой после отдыха в Шарм-эль-Шейхе).

Позже показали кадры с места катастрофы: посреди желтой выжженной пустыни – обгоревшие обломки железа, разбросанные на площади в 20 километров... Тогда еще не было точных сведений о судьбе пассажиров, но увиденные кадры безоговорочно свидетельствовали: да, все погибли, все до одного – уцелеть в такой катастрофе невозможно...

И очередной выпуск новостей подтвердил: да, погибли все...

Мне представилось: вот они – загоревшие, отдохнувшие, полные впечатлений от недолгого, но такого яркого пребывания в теплом Шарм-эль-Шейхе, с его бездонным солнечным небом, в которое устремлены высоченные пальмы с мохнатыми стволами, с его Красным морем, золотыми песчаными пляжами и коралловыми островами – возвращаются домой. Пусть там и холодно – самолет направлялся в Санкт-Петербург – но там ждут родные, там дом, где всегда все же лучше, чем в гостях. Регистрируют билеты, сдают багаж, с нетерпением ждут объявления посадки, рассаживаются в самолете ... Вот самолет взлетает... жить им остается всего 23 минуты: спустя это время самолет рухнет и станет для всех них общей могилой... нет, не самолет – Синайская пустыня, по которой разнесет по кускам и самолет, и их тела...

Впрочем, что касается могил, то родственники все же надеются, что у каждого из погибших будет своя – соответствующие структуры занимаются розыском в районе катастрофы останков погибших с тем, чтобы после соответствующей идентификации определить, кому эти останки принадлежат и выдать их родным для захоронения. С этой целью у родственников пострадавших уже взяли образцы ДНК...

Конечно, ни о каких телах речи не идет – речь идет лишь о «фрагментах» тел, по

которым, возможно, что-то можно будет установить...

Не знаю, кому от этого будет легче. И будет ли легче оттого, что власти помогут с захоронением, и от обещанной ими материальной компенсации родственникам... Материальная компенсация... Чем можно компенсировать гибель путь крошечной, но – Вселенной, какой является каждый человек?..

«Столько малых Вселенных угасло навек»... Ловлю себя на пронзительной мысли – а ведь это стихотворение я написала ровно двадцать лет назад, а число... заглядываю в свой стихотворный сборник и поражаюсь: 4 ноября 1995 года – день трагедии в бакинском метро. В тот же день я под впечатлением от произошедшего написала это стихотворение и отнесла его в редакцию одной из газет – на следующий день оно было напечатано... А сегодня... да, сегодня тоже 4 ноября, но уже 2015 года, и я пишу об авиакатастрофе в небе над Синаям, и снова в памяти всплывают строчки из того, давнего стихотворения – эмоции, вызываемые подобными горестными событиями, всегда схожи...

Кто-то, верящий в магию цифр, в нумерологию, увидел бы, возможно, в этом совпадении некий знак, символ. Я же вижу просто совпадение, хотя и удивительное. Впрочем, быть может, во всех этих оккультных науках – нумерологии, хиромантии, экстрасенсорике, что-то и есть... судьба, фатум, предназначение свыше – все эти категории порой и впрямь дают о себе знать... Интуиция, предчувствие, предопределение – быть может, и существуют, иначе чем объяснить тот давно доказанный факт, что при каждой катастрофе находятся люди, которые, казалось бы, неминуемо должны были в ней пострадать, но – судьба лиuberегла, Бог ли миловал – не пострадали: почему-то не полетели самолетом, не поехали поездом, которым должны были ехать... И – остались в живых.

Такие люди были и в этом случае: женщина рассказывает с телевизора, что должна была лететь этим злополучным самолетом вместе с двумя приятельницами, с которыми познакомилась в Шарм-эль-Шейхе, но по каким-то причинам полетела другим рейсом. Две же ее приятельницы полетели, как и собирались, авиарейсом, который закончился катастрофой... Пожилая супружеская пара отдыхала в Шарм-эль-Шейхе с дочерью, возвращаться должны были вместе, но родителям пришлось вылететь раньше – вызвали с работы. Они выжили, но потеряли дочь («Она так любила жизнь, так хотела выйти замуж, родить ребенка»...)

И, кто знает, кому больше повезло – им или дочери. Им сейчас тяжелее – это точно...

* * *

*И никого не защитила
Вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали...*

(А.Кочетков, «Баллада о прокуренном
Вагоне»)

Гибель пассажиров российского авиалайнера А-321 ужасна – смерть ужасна всегда, а смерть сразу стольких людей, смерть внезапная, неожиданная, необъяснимая, смерть детей – ужасна невыносимо. Но души погибших – на небесах, а тела их не ощущают боли

– ни физической, ни душевной. А как вынести боль тем, кто остался, кто ждал их в аэропорту Пулково или ожидал дома? И – не дождался...

Борт А-321 вылетел из Шарм-эль-Шейха утром 31 октября. Набрал высоту, на которой двигался уже на автопилоте. Казалось, все шло нормально. От пилотов никаких тревожных сигналов не поступало. Но 23 минуты спустя после вылета самолет исчез с экранов отслеживающей полет техники – радаров. Что произошло дальше, не было известно. Известно было лишь, что прежде, чем исчезнуть с мониторов, самолет начал резко снижаться – почти до 2 тысяч метров в минуту. Что случилось с самолетом и его пассажирами потом, никто не знал, но было ясно, что, скорее всего, произошла трагедия. Однако официального объявления о катастрофе еще не было.

...В петербургском аэропорту Пулково люди ожидали своих родных, возвращающихся с отдыха в Шарм-эль-Шейхе. На табло появилась надпись: «Рейс задерживается». Защемило ли у кого-то сердце от тяжкого предчувствия при виде этой надписи? Вряд ли. Самолет задерживается – обычная история... Но вскоре надпись пропала – и это уже вызывало тревогу. А потом пришло официальное сообщение о катастрофе... Что должны были чувствовать все эти люди в эту минуту? Не дай Бог никому даже представить такое...

Многим понадобилась помочь медиков – ее оказывали находившиеся здесь шесть бригад скорой помощи, две бригады реанимации и тридцать психологов. Одна из журналисток напишет: «Зал аэропорта пропах корвалолом»... Я бы добавила: пропах горем, отчаянием... Но последней умирает надежда: люди еще надеялись на чудо – вдруг тот, кого они ожидают, не попал на рейс, опоздал, или вдруг спасся во время катастрофы, или вдруг все же произошла ошибка, и катастрофы не было... Люди, словно находясь в ступоре, снова и снова набирали на мобильниках знакомые номера – вдруг все же ответят... ну вдруг... Но когда объявили сбор образцов ДНК для идентификации – надежды не осталось. Люди поняли, что их родных больше нет, что все их мольбы, обращенные к высшим силам, остались без ответа, что надеяться больше не на что – их родные погибли... Нет даже тел. Есть обугленные «фрагменты», которые пытаются идентифицировать. И что дальше им придется жить с этой невыносимой болью... Продолжать испытывать ее месяцы, годы, может – всю жизнь... Как с этим жить – не знаю. Не дай Бог никому...

...Пожилая пара – женщина, обессиленная горем, еле держится на ногах, ее поддерживает мужчина, муж. Этим рейсом из Египта должны были прилететь их сын с женой и внучка...

...Женщина с заплаканным лицом, с мукой в глазах... Ожидала дочь с зятем, внуком и 10-месячной правнучкой...

Тяжело даже видеть все это. А каково им? Да поможет им всем Бог вынести эту страшную ношу...

* * *

Это – о них, погибших, и тех, кто их потерял. А теперь – о нас. Какую реакцию могла вызвать у каждого из нас эта горькая новость? Казалось бы, вопрос – риторический. Казалось бы...

...Позвонила знакомая, спросила: «Видела по телевизору – самолет разбился!» Отвечаю: «Да, это ужасно. Столько погибших! Бедные люди»... И неожиданно услышала: «Бедные мы – теперь дня два по телевизору ни одной нормальной передачи не будет! И надо же было – именно в выходные!»...

Вот и вся реакция...

Другая знакомая отреагировала кратко: «Хорошо, что наших не было в самолете»... Тоже – реакция. Хотела спросить: «А что, наши – люди, а те – нет, их – не жалко?» Не спросила. К чему?..

Да и что тут удивляться? В самом Петербурге (большинство погибших – питерцы) выходные были объявлены траурными днями, было предложено клубам и другим развлекательным учреждениям пересмотреть программу в связи с трагедией. «Многие откликнулись» – читают в одной из российских газет. Слово «многие» – неприятно удивило. Может, не так поняла? Читают дальше: «Но были и те, кто продолжал веселиться – Хеллоуин в Питере почти национальный праздник. По улицам ездили загримированные водители, горожане пили шампанское»...

Подумалось: разве бывает чужое горе? Разве не все мы из одной семьи – семьи «человеков», как говорит моя внучка? Наверное, бывает... Наверное, не все...

Но все же большинство людей остаются «человеками». Конечно же, большинство сопереживало, сочувствовало, скорбело вместе с родственниками погибших, твердили: «Как это могло случиться? Не дай Бог никому»...

То, что главы многих государств выразили россиянам соболезнование в связи с трагедией, воспринялось как должное – так обычно и бывает. Но то, что среди них были лидеры Украины – Порошенко и Яценюк – приятно удивило. Также, как и то, что в Киев к Российскому посольству, и в Риге – к российской дипломатической миссии граждане в знак соболезнования несут и несут цветы... Все же люди не забыли – чужого горя не бывает...

Тяжело писать обо всем этом... Перед глазами стоят кадры из хроники – обломки самолета на желтом песке, измученные лица ожидающих злополучный самолет в Пулково, искаженные страданием лица... Где там у меня был корвалол?..

Да, чужого горя не бывает. Потому так и болит сердце о них – погибших... Наши – не наши... все наши! И земля у нас общая, и небо, и – горе. Потому что все мы – люди. Ну, или почти все.

...Душно как-то стало. Как там у Высоцкого? «Что-то воздуха мне мало»...

Выхожу на балкон. Сегодня день солнечный. Небо высокое, ясное, чистое. И в нем вьются, трепещут белыми крыльями голуби. Как тогда, 20 лет назад, 4-го ноября 1995 года, когда я писала то давнее, горькое свое стихотворение. И в памяти вновь всплывают строчки из него:

Запрокину лицо –
Может, слезы тогда не прольются.
Запрокину лицо и увижу:
Кружка в вышине,
Бесприютные голуби
В небе встревожено вьются –
Словно души,
Взлетевшие ввысь
Из обугленных тел...

4-го ноября 2015 года

Коллектив редакции журнала «Литературный Азербайджан» выражает соболезнование Посольству России в Азербайджане и всему российскому народу в связи с трагической гибелью людей, попавших в авиакатастрофу на Синае. Глубоко скорбим вместе с россиянами и склоняем головы перед их горем. Светлая память тем, кто ушел. Мужества и терпения тем, кто остался...

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

НАТАЛЬЯ ВОРОНИНА

Наш дружный хоровод

Мишки, белки, зайцы, волки –
Все собрались к нашей ёлке.
Дружно топают по кругу,
Близко-близко друг за другом –

Пёс с мышонком и котёнком,
Волк с зайчиком и ягнёнком.
Без обид и ссор плывёт
Наш весёлый хоровод!

Южный новый год

Дети лепят снежных баб
И в снежки играют даже,
Ну, а мне в лицо летят
Не снежинки – хлопья сажи!

Я не вижу наяву
Ни метели и ни выюги,
Потому что я живу
В нефтяном Баку, на юге.

Где искать тебя, мороз?
За снежком куда податься?
В холодильник «No Frost» –
И мороженым кидаться?

Только знаю наперёд,
Что в уныни мало толка...
Развесёлый хоровод
Можем мы водить под ёлкой.

Новый Год придёт опять
С раскрасавицей зелёной –
Будем ёлку наряжать,
Будем ждать курантов звона –

Потому что всё равно,
Хоть у нас зимой и жарко,
Дед Мороз влетит в окно
На своих санях с подарком!.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2015 ГОД

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ

Верескунова Тамара. Стихи. №5

Буланова Оксана. Стихи; Фотография. Рассказ. №5

Джумазаде Валентин. По пути доблести и долга. №5

Мусаев Рагим. Сретение. Драма. №5

Сапрыкин Алексей. Ёшкин кот. Рассказ. №5

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН – 120

Велиханова Вера. Стихи. № 10

Зейналлы Ирина. Стихи. № 10

Касумова Елизавета. Оставленная и дорогая... № 10

Туганов Эльберд. Стихи. № 10

Шафиев Марат. Стихи. № 10

Эфендиева Валентина. Стихи. № 10

Ягубов Аладдин. Стихи. № 10

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ЕСЕНИНА

Векилов Мансур. Стихи. № 11

ZAUR. Стихи. № 12

Курочкина Светлана. Повесть об актрисе. (Отрывок). № 12.

Мамедов Юрий. Посвящение Поэту. № 12

Меликов Экрам. Стихи. № 12

Рустам Назир. Стихи. № 12

Шаулов Сергей. Прощальное эхо. № 12

Эфенди Азер. Стихи. № 12.

ПРОЗА

Анар. Амулет от сглаза. Повесть. Пер. Расулзаде Н. № 4; Ночные мысли. Эссе

(Из неопубликованного). № 9; Поединок в Париже.

Киноповесть по мотивам произведений Ивана Бунина и Банин. № 11

Агаев Тофик. Афоризмы. № 9

Агаев Самид. Дороги хаджа. Роман. № 6, 7, 8

Агамамедова Гюлюш. Рассказы. № 7; Запретный плод. Новелла. № 11

Андреева Елена. Рассказы. № 3

Багирова Ляман. Рассказы. № 3; Рассказы. № 12

Верховский Марк. Нежданный ветерок. Миниатюра. № 7,

Гази Вахид. Документальные рассказы. Пер. Мамедова Н. № 8
Гладков Александр. Праздничное. Юмореска. № 3
Гусейнова Хиджран. Странная мечта. Рассказ. Пер. Мустафаевой Е. № 3
Зац Леонид. Cherchez la femme. Юмореска. № 3
Ибрагимбеков Мурад. Рассказы. № 7
Иманов Исмаил. Рассказы. №2
Касумова Елизавета. Ялминские заметки. №2; Ворона на веревочке. Рассказ. № 8
Мамедзаде Темур. Недоучка. Рассказы. №1
Мехтиев Интигам. В очереди. Рассказ. Пер. Ибрагимовой С. № 11
Музаффарова Нонна. Рассказы № 4
Мурсалова Марина. Легкая смерть. Рассказ. № 7
Ниярлы Мензер. Прерванный отпуск. Повесть. № 3
Орудж Мамед . Яллы перемирия. Повесть. Пер. Агасиева Н. № 6
Питерская Марина. И все начинается снова, или Тысяча первая сказка
о Ходже Насреддине. № 11
Пороховник Николай. Конечная станция перед вечностью. Рассказы. №2
Расулзаде Натиг. Гольфстрим. Роман-кардиограмма. №№ 10, 11
Ревва Игорь. Мы – настоящие! Рассказ. №1
Рустамли Татьяна. Сказки, пришедшие из-за завесы. №1
Сапрыкин Алексей. Цугцванг.
Сехавет Сейран. Карусель. Рассказ. Пер. Лачина. № 6
Сильченко Василий. Душа – космическая путешественница.
Фантастический очерк. № 5
Таир Али. Мирза Халил и Борхес. № 12
Тофик гызы Гюльшан. Рассказы. № 3
Фахми Ильгар. Бакинская мозаика. Пер. Халиловой Н. № 9, 10
Экрем Лейла (Мирзоева). Не Евангелие. Повесть. № 6
Эфенди Азер. Сакит (Прощание с улицей Советской). № 4

ПОЭЗИЯ

Агаев Тофик. Стихи. №5
Агаева Лейла. Стихи. № 11
Андреева Елена. Стихи. № 3
Борода Моисей. Стихи. №5
Булат Виктория. Стихи. № 2
Векилов Мансур. Стихи. К 80-летию Максуда Ибрагимбекова. №5
Велиханова Вера. Стихи. № 4
Воронина Наталья. Стихи. № 12
Годжа Фикрет. Стихи. Пер. Проталина В., Зайцева В., Портнова В., Векилова М.,
Ахундовой А. К 80-летию Фикрета Годжи. № 8
Гладков Александр. Стихи. № 8
Гомозов Владимир. Стихи. № 6
Горин Виктор. Стихи. № 6
Зейналлы Ирина. Стихи. № 2
Касумова Елизавета. Стихи. № 3; № 11
Кафаров Владимир. Стихи. К 80-летию Владимира Кафарова. № 6

Керимли Ханали. Стихи. Пер. Мамедзаде С. №1
Керимов Рашид. Стихи. №5
Ковалевский Сергей. Стихи. № 11
Колмановский Савелий. Стихи. № 7
Лачин. Стихи. № 12
Лехто Лееви. Стихи. Пер. Иоффе Э. № 9
Ловкова Инесса. Стихи. № 9
Мамедзаде Сиявуш. Стихи. №1; Стихи. № 10; № 12
Махмудова Элина. Стихи. № 2
Махмуд Тофик. Стихи. Пер. Агаева Т. № 11
Махмуд Хикмет. Стихи. Пер. Мамедзаде С. № 4
Музаффарова Нонна. Стихи. № 4
Мякеля Ханну. Стихи. Пер. Джаяровой Т. № 9
Надирова Ирина. Стихи. № 8
Павлов Михаил. Стихи. № 9
Перцова Мария. Стихи. № 11
Розенсток Габриэль. Хайку. Пер. Талыбовой А. № 6
Рустам Назир. Стихи. Пер. Талыбовой А. № 8
Севгин Даянтур. Стихи. № 4
Субботина Юлия. Стихи. № 9
Субхи Саида. Стихи. № 6
Таги-заде Рафаил. Стихи. Пер. Талыбовой А. № 2
Талыбова Алина. Стихи. №1
Туганов Эльберт. Стихи. № 3
Шафиев Марат. Стихи. № 4; №12
Шихлы Нилуфер. Стихи. № 12
Шекспир Вильям. 66 сонет. Пер. Лачина. № 7
Эфендиева Валентина. Стихи. № 3
Юсупов Паша. Стихи. № 5
Ягубов Аладдин. Стихи. № 2

ПУБЛИЦИСТИКА

Агаев Эмиль. Свобода обмена или свобода обмана? № 4;
Долго-долго-долгожительство. №5; Село тревоги нашей. № 7;
Зачем нам внутренние враги? Нам хватает армян! №9;
Ба-а, Баку! Ветры перемен. № 11; Кайф от негатива. № 12
Агабалаева Судаба. Караванный путь, одинокий путник и белое счастье. № 11
Агамамедова Гюлюш. Клише – прокрустово ложе нашего сознания. Эссе. № 11
Агасиев Надыр. Несколько слов о юбиляре. К 80-летию Мамедзаде Сиявуша. № 10
Адыгезалов Гусейн. Из истории расселения армян на Кавказе. № 4
Али-заде Ялчин. Цветы на снегу. № 12
Алмасова Эльмира. «Придет время – этот узел развязнут...». № 7
Анар. Издатель. К 80-летию Назима Ибрагимова. № 3,
Человек, которому море по колено. К 80-летию Максуда Ибрагимбекова. №5
Аскеров Рафик. Вселяющий надежду. №1; Яркое обаяние таланта, или
Восьмой мугам Натаеван Фаиг. № 10

- Аслан Кянан.** Хранитель традиций мугама. № 12
- Бадалов Рахман, Джуварлы Тогрул.** Самое главное в этом мире –
вопрошать... № 2
- Байрамалибейли Нармина.** Посвятить себя любимой профессии. № 11
- Верховский Марк.** Загадочный Узеирбек Гаджибеков. № 11
- Грич Александр.** Скорый поезд «Баку – Лос-Анджелес». К 70-летию А.Грича. № 2;
Афоризмы Фикрета Годжи. К 80-летию Фикрета Годжи. № 8
- Гусейнов Чингиз.** По следам коранических аятов, или
Глас вопиющего в пустыне. № 2
- Джафарова Таира.** Жемчужины азербайджанской поэзии на берегах
Финского залива. №9
- Дорошенко Константин.** Это не хаос. № 7
- Казиева Вилаят.** Охота за истиной. №5
- Касумова Елизавета.** Дон Кихот? А кто это? № 4; Сберечь в себе Гольфстрим. №10;
Выбор; Чужое горе – как свое. № 12
- Кязимов Исмаил.** Великие возвышаются в океане. № 3
- Лаврова Людмила.** Связи земные и небесные... № 2
- Люкимсон Петр.** Поэт из города ветров. К 70-летию Александра Грича. № 2
- Мамедов Юрий.** Он дарил словам цветенье. Кафаров Владимир – 80. № 6;
«Нет, не исчесть на небе звёзд...» № 11
- Мир-Багирзаде Самира.** Восток и Запад в романе Гурбана Саида «Али и Нино». №9
- Мамедзаде Сиявуш.** Памяти собрата по перу. № 10
- Мишин Владимир, Сулейманов Шамиль.** Главы из книги «История спецслужб
Азербайджана (в очерках) 1954-1991гг. №1
- Музаффарова Нонна.** Писать. И ничего больше. № 6
- Мурсалова Марина.** «Ты одна мне ростом ровенъ». № 4
- Половец Александр.** Не хлебом единым... К 80-летию Александра Грича. № 2
- Пярвин.** «Гез мунджугу» Анара. Пер. Шейхзаде Э. № 4
- Ошанин Лев.** Мир поэзии Фикрета Годжи. К 80-летию Фикрета Годжи. № 8
- Рагимова Эльмира.** Как в капле воды. №9
- Салаев Геннадий.** Поговорим о литературе. №8
- Сулейманова Солмаз.** I Международный симпозиум тюркологов в Баку. №1
- Султанова Гюльтекин.** Джалил Мамедгулузаде и европейская культура. №1
- Талыбова Алина.** Беседа с Моисеем Бородой. №5. Я и мир. № 6
- Фаиг Натаван.** «...На сумрачной плоскости стены угасло окно». № 3
- Фейзулаева Аида.** Мистицизм Гоголя. № 7
- Хакимов Александр.** Атомный Робинзон; Несколько слов об ушедшем друге. №5;
С днем рождения, белый свет! № 12
- Ханджанбекова Франгиз.** Маркиш, сын Маркиша. Ретро-интервью. № 1
- Шарифова Салида.** Рыцарь революции: взлет и падение. № 6
- Шушинский Фиридун.** Наше духовное богатство. № 12

